

ВЕК

ISSN 1994-9065

**1-2(17-18)
2016**

ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ

РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова

Выходит 4 раза в год

Издается с 2008 г.

Шеф-редактор

Л. Е. Гринин

Главный редактор

А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:

Барлыбаев Х. А., Гирусов Э. В., Ивахнюк И. В., Ильин И. В., Калачёв Б. Ф.,
Калиниченко П. А., Кацура А. В., Кефели И. Ф., Королёв А. Д., Мамедов Н. М.,
Митрофанова А. В., Пырин А. Г., Режабек Б. Г., Рыбальский Н. Г., Снакин В. В.

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И. (Россия), Акаев А. А. (Киргизия), Ань Цинянь (Китай),
Ближковский П. (Бельгия), Вебер А. Б. (Россия), Грачев В. А. (Москва), Гэй У.
(США), Гусейнов А. А. (Россия), Данилов-Данильян В. И. (Россия), Даф-
ферн Т. (Великобритания), Камуселла Т. (Польша), Киш Э. (Венгрия), Теймури В.
(Иран), Коротаяев А. В. (Россия), Кучуради И. (Турция), Лисеев И. К. (Россия),
Мазур И. И. (Россия), Назаретян А. П. (Россия), Степин В. С. (Россия), Ур-
сул А. Д. (Россия), Хасбулатов Р. И. (Россия), Юдин Б. Г. (Россия).

Адрес редакции:

119992, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, строение 1, к. 128, Президиум РФО.

Тел.: (495) 609-90-76. E-mail: chumakov@iph.ras.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.socionauki.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Гринин Л. Е. Новый мировой порядок и эпоха глобализации. Ст. 2. Возможности и перспективы формирования нового мирового порядка	3
Кемп П. На пути к созданию человеческого сообщества	19
Ивахнюк И. В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации	26
Глуховцев В. О., Салахова А. И. Онтологические основания мировоззренческого кризиса современности	44

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Барлыбаев Х. А. Глобализация: от анализа вширь к исследованию вглубь	58
Сажиев Е. В. Оценка современного состояния планетарной цивилизации в российской научной печати	70
Снакин В. В. Путь к устойчивому развитию: мифы и реальность	80

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Ковалева Е. А., Ковалев М. О., Родионов Д. А. Проблема голода в условиях глобализации	87
Васецова Е. С. «Исламское государство» как шаг на пути к конфликту цивилизаций?	96
Скаленко А. К. Глобальносистемный кризис трансинформационной цивилизации	102
Старостин А. М. Русский космизм в контексте современной философской деятельности	114

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

Петренко В. Ф. Многополярная культура Единого Человечества	126
Вебер А. Б. Исследование социального прогресса: глобальное измерение и вызовы для политики	133
Ильин А. Н. Кризис экологии и экологического сознания в обществе потребления	147

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Залывский Н. П. Геополитическая устойчивость России в контексте современных попыток ее международной изоляции и дискриминации	161
Степанов С. А., Эркенов А. Ч. Экологическая политика и образование в России в контексте геополитических изменений	175

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ильин И. В., Леонова О. Г. Исследование глобальных процессов: достижения, проблемы развития и перспективы	182
<i>Contents</i>	191

ТЕОРИЯ

НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК И ЭПОХА ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

СТАТЬЯ ВТОРАЯ ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА**

Гринин Л. Е.***

Автор высказывает идеи относительно того, что именно и почему должно измениться для формирования нового мирового порядка, в каком направлении и как этот новый порядок будет формироваться, каковы могут быть принципы этого порядка и возможные механизмы его установления. Автор исходит из того, что в последние несколько лет началась реконфигурация Мир-Системы, что означает довольно длительный период турбулентности, а в целом своего рода переходную эпоху от активного формирования новых коалиций к более устойчивому новому мировому порядку, установление которого будет сложным.

Ключевые слова: мировой порядок, глобализация, суверенитет, турбулентность, новые коалиции, мировой баланс сил, новый баланс сил, ослабление США, сверхдержава, санкции, Мир-Система, советы экспертов, наднациональные союзы, ТНК.

The author argues what and why should change for the formation of the new world order and what will be the directions and patterns of the formation of this new world order as well as what will be the foundations of this world order and possible mechanisms of its establishment. The author proceeds from the idea that in recent years there has started a reconfiguration of the World System which will bring a rather long-term period of turbulence but also a certain transition from an active formation of new coalitions to a new and more stable world order whose establishment will proceed with certain difficulties.

Keywords: world order, globalization, sovereignty, turbulence, new coalitions, global balance of power, new balance of power, weakening of the USA, superpower, sanctions, World-System, expert councils, supranational units, TNC.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 15-18-30063).

** Статью первую см. в предыдущем номере журнала «Век глобализации», с. 3–17.

*** Гринин Леонид Ефимович – д. ф. н., главный научный сотрудник Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», шеф-редактор журнала «Век глобализации». E-mail: lgrinin@mail.ru.

Напомним, что в первой статье речь шла о том, как формировался, развивался и начал ослабевать современный мировой порядок, основанный на американской гегемонии. В ней мы пришли к следующим важным выводам: 1) Баланс сил в мире стал сдвигаться в результате экономического и демографического ослабления развитых стран, включая США, и усиления многих развивающихся стран в целом ряде аспектов. 2) Это должно привести к формированию нового мирового порядка, хотя данному процессу будет сопутствовать ряд трудностей. 3) Новый порядок будет миром без единоличного лидера. 4) Период перехода к новому порядку будет экономически трудным и депрессивным, в политическом плане – турбулентным и периодически конфликтным.

В настоящей статье показано, почему мировой порядок должен измениться, что именно должно измениться, какие этапы может пройти человечество на пути к новому мировому порядку, каковы могут быть принципы этого порядка и возможные механизмы его установления.

I. ПОЧЕМУ МИРОВОЙ ПОРЯДОК ДОЛЖЕН ИЗМЕНИТЬСЯ

В первой статье мы кратко рассмотрели историю мирового порядка [подробнее см.: Grinin *et al.* 2016]. Любой мировой порядок держится на какой-либо системе баланса сил. Когда мировой порядок меняется (примерно раз в 3–4 десятилетия), его смена связана с изменением *баланса сил*. Баланс нарушается не случайно, но в связи с различными технологическими, экономическими или геополитическими обстоятельствами. Поэтому чаще всего политические (военно-политические) трансформации – это уже результат изменений в экономике, технологиях, демографии и т. д.

Таким образом, сначала рассмотрим причины и направление вероятного изменения баланса сил. Соответственно, наши прогнозы строятся вокруг будущего баланса. Необходимо четко различать два аспекта проблемы. Первый – объективные причины и тенденции, которые делают процесс изменения неизбежным (гегелевско-марксов «старый крот» истории, который роет медленно, но хорошо). Второй – конкретный ход событий и борьбы, предугадать который крайне сложно. США, уходящий гегемон, будут бороться за свое положение, используя весь свой опыт и огромную мощь, что может существенно тормозить процесс смены порядка и даже временно обращать его вспять. Но изменить ход событий радикально для США возможно только в случае, если они смогут вновь увеличить свою долю в мировом ВВП и других показателях, что пока видится малореальным. И напротив, мы полагаем, что тенденция (пусть с колебаниями) более быстрого экономического роста развивающихся стран по сравнению с развитыми будет доминировать в ближайшие два десятилетия. И это способно необратимо повлиять на изменение мирового порядка.

Чтобы лучше аргументировать нашу идею, что США и Западу вряд ли удастся изменить ход событий, рассмотрим в динамике основные преимущества, которые позволяют сегодня поддерживать гегемонию Запада. Их четыре: финансовое, технологическое, экономическое и военное превосходство.

Финансовое преобладание – одно из самых главных преимуществ Запада, которым могут пользоваться в том числе и для обрушения соперников. По объему оборачиваемых капиталов, мощи финансовых и банковских корпораций, стоимости активов и т. п. западные страны превосходят остальные государства едва ли

не в той же степени, как ранее превосходили их в промышленном развитии. Также исключительно важным преимуществом западных стран являются свободно конвертируемые валюты. По мнению П. Кругмана [2013], странам с такими валютами можно не заботиться об объеме эмиссии и долгов. Действительно, в какой-то степени рост экономики Запада с 2008 г. в основном обеспечили именно финансовые технологии.

Преимущества западной валютно-финансовой системы являются важной частью современного мирового порядка. В какой-то мере в последние два-три десятилетия возникло новое разделение труда в мире: финансовая деятельность сосредоточилась в США и западных странах, а промышленное производство (в том числе и в обрабатывающих отраслях) в большей степени перешло в развивающиеся страны. Но этот разрыв в финансовой сфере будет сокращаться, как по причине того, что рост экономик развивающихся стран требует соответствующей финансовой базы, так и потому, что раньше или позже значимость валют и финансовых центров этих государств возрастет. Сегодня западные экономики находятся между Сциллой слабого экономического роста с низкими ставками и Харибдой сверхзадолженности, которая может грозить государственным дефолтом. Это своего рода ловушка, выход из которой затруднен. В целом, пытаясь за счет роста государственного долга и всякого рода финансовых технологий (количественного смягчения, нулевых и отрицательных ставок) поддержать экономику, западные страны начали «проедать» свое финансовое превосходство¹. Финансовая глобализация в отличие от индустриальной и торговой долгие годы оставалась более выгодной западным странам. Представляется, что в ближайшее десятилетие может начаться дефинансация Запада, связанная с некоторым перераспределением финансов в пользу рынков развивающихся стран (но это процесс непростой).

Все это, особенно в связи с новыми финансовыми кризисами (которые неизбежны и могут обрушить надувшиеся «пузыри» акций и облигаций), рано или поздно приведет к тому, что система международных расчетов, основанная на долларе, начнет трансформироваться, и это будет хорошей возможностью для изменения мировой валютной системы в целом². А с этим, естественно, уменьшится и превосходство Запада.

Технологическое превосходство. При сохраняющемся превосходстве Запада уровень его технологического отрыва все же уменьшается и будет уменьшаться за счет следующих тенденций. Во многих крупных корпорациях и научных лабораториях работает большое количество ученых и технических специалистов из развивающихся стран (которые соответственно становятся носителями инновационной информации и технологии). Многих специалистов приглашают развивающи-

¹ Мы назвали кризис 2008 г. кризисом перепроизводства денег [Гринин 2009а]. Это подтверждается в существенной мере. Сегодня главная проблема – отсутствие выгодных и/или безопасных вложений для гигантски увеличившихся с 1990-х гг. денежной массы и денежных производных инструментов. Минами замедленного действия становятся финансовые системы целого ряда стран, вошедших в западный валютно-финансовый блок, но не имеющих столь же высокоразвитой системы, как в Германии, которые создают большие риски кризиса (Греция и страны Южной Европы тут показательны). Ситуация усугубится в связи с планируемым включением новых стран со слабой финансовой системой в союзы с США (см. ниже).

² Кризис 2008 г. уже ясно обозначил такой тренд, хотя еще и не сделал его достаточно сильным. Тем не менее усиление юаня и других валют БРИКС в МВФ, хотя оно и не вносит каких-то серьезных изменений, достаточно показательно.

еся страны, другие сами охотно ищут такие вакансии, поскольку на Западе вакансий недостаточно. Такие страны, как Китай, стали активно приобретать целые корпорации с их технологиями. Китай и другие более продвинутые развивающиеся страны несут технологии в менее развитые общества. ТНК вынуждены переносить все больше технологий в развивающиеся страны и частично развивать в них научные исследования. И чем больше продвинулись развивающиеся страны в культурно-научном отношении, чем больше там будет квалифицированных научно-технических кадров, тем активнее пойдет процесс переноса в них части исследований (что намного дешевле в отношении зарплат). Произойдет нечто похожее на перенос промышленных предприятий.

Что же касается новых технологических прорывов, мы уже высказывали свои предположения, что новая мощная технологическая волна начнется в 2030–2040-е гг. [см.: Гринин А. Л., Гринин Л. Е. 2015]. И от того, кто возглавит («оседлает») новый технологический уклад, во многом зависят и контуры нового мирового порядка, тем более если эти инновации конвертируются и в военное превосходство. Разумеется, США имеют большие шансы удержать свое лидерство в мире. Однако мы не исключаем, что прорыв к новым технологиям произойдет на стыке первого и третьего миров, в каких-нибудь ТНК, принадлежащих одновременно и метрополии, и периферийным странам (что, кстати, будет вполне логично для глобального мира).

Однако даже в случае нового технологического рывка на Западе этим обществам с ограниченными трудовыми ресурсами и населением, которое все более отвыкает от работы на промышленных предприятиях, будет сложно развернуть какие-либо новые инновационные массовые производства только в собственных государствах. И тогда либо начнется новый виток деиндустриализации, когда оставшаяся индустрия будет сворачиваться и переводиться за рубеж (что опять-таки усилит развивающиеся страны), либо часть инновационных производств начнет разворачиваться в развивающихся странах. То есть даже если технологический отрыв Запада произойдет вновь, он не будет столь сильным и фатальным, как случалось ранее.

Экономическое превосходство Запада в настоящий момент выражается в более высоком уровне организации и производительности труда, доходов на душу населения, общей трудовой и деловой культуре. Однако этот разрыв все же постепенно сокращается, поскольку производительность труда в развивающихся странах растет существенно быстрее, чем в развитых. Мы полагаем, что такая тенденция будет продолжаться еще заметное время. Дело в том, что в первых огромный рост производительности идет за счет притока сельского населения в промышленность и строительство, постепенной механизации сельского хозяйства. А в западных странах основные рабочие места создаются в сфере услуг, где рост производительности труда не слишком велик. При этом часть сферы квалифицированных услуг (программирование, менеджмент, бухгалтерия и т. п.) уходит в развивающиеся страны через информационные каналы (особого рода аутсорсинг, когда услуги оказываются людьми на удалении). В результате в западных странах у очень большой части населения уровень доходов относительно низкий (ведь работа не слишком квалифицированная), и он не увеличивается или растет медленно, что приводит к постепенному размыванию среднего класса. Последний ранее был основой стабильности общества в развитых странах. Теперь

же разрыв в доходах в обществе увеличивается (что достаточно опасно), а в развивающихся странах постепенно уменьшается, так как средний класс растет.

Резко повысить производительность в сфере услуг (например, за счет ее роботизации) если и возможно, то в отдаленном будущем, но и это в лучшем случае лишь могло бы помочь решить проблему сокращения рабочей силы в результате старения и несколько повысить доходы. Но в целом даже такие прорывы не смогли бы переломить ситуацию с сокращением разрыва между развивающимися и развитыми странами. Уже сам по себе огромный растущий рынок развивающихся стран при неизбежных колебаниях, откатах и кризисах³ обеспечит тренд на экономический рост, рост производительности и благосостояния их населения, хотя последний потребует нескольких десятилетий.

Кроме того, заметно перестраивается экономическая структура связей в Мир-Системе. Хотя основные экономические связи быстрорастущих развивающихся стран направлены в центр Мир-Системы (где наиболее богатые потребители), возникают уже определенные подсистемы связей, которые ориентированы на развивающиеся же страны. Например, особая система сложилась в районе Китая с целым рядом больших и малых развитых государств, где Китай начинает играть важнейшую роль [см. также: Глазьев 2015: ч. 3]⁴. Также можно указать на страны АСЕАН, с которыми активно развивает отношения, например, Индия [Галищева 2014], и в систему которых активно пытаются включиться США. Полагаем, число такого рода подсистем будет увеличиваться, а их роль расти. Соответственно экономическая структура Мир-Системы начнет перестраиваться, роль нынешнего ядра – уменьшаться.

Военное превосходство исключительно важно, оно позволяет проводить, выражаясь политическим жаргоном прошлого века, «дипломатию канонерок» и «политику большой дубинки», безнаказанно осуществлять карательные акции, наказывать непокорные режимы и т. п. Но все же военная сила в современных условиях не тот инструмент, с помощью которого можно пытаться решить геополитические задачи в мировом масштабе. Кроме того, даже локальные войны в условиях глобализации рикошетом бьют по западным странам. Опять же достаточно тем или иным государствам иметь хотя бы потенциальную возможность наносить ущерб армиям США или их союзников (для чего не нужен даже военный паритет), как военное превосходство уже перестает быть «последним доводом». Поэтому мы считаем, что для изменения баланса сил достаточно сокращения финансового и экономического неравенства между первым и третьим мирами.

Преимущества развивающихся стран. Третий мир начал движение к развитию, и его уже не остановить. И с учетом громадного населения третьего мира это движение не может не быть грандиозным. Незападный мир составляет 6/7 всего населения мира и, что особенно важно, еще большую часть молодого населения мира (там живет примерно 7/8 молодежи мира). Развивающиеся экономики все заметнее настраиваются на рост, а население – на повышение своего образовательного, культурного, экономического уровня. При этом множество стран, в которых проживает примерно четверть населения мира, пока мало затронуты

³ Подобных сегодняшнему, связанному с падением цен на сырьевые товары, или других.

⁴ Неудивительно, что США пытаются ослабить связи многих стран с Китаем, создавая новое Транстихоокеанское объединение (см. ниже).

стремлением к росту и улучшениям. Однако большинство из них рано или поздно осознают его необходимость. А в странах, которые уже начали свой подъем, до половины жителей придерживаются архаичного образа жизни. Иными словами, основная часть населения развивающихся стран фактически еще не включилась в подъем, в активное стремление к росту, заработку, повышению квалификации. То есть резервы роста здесь огромные.

Такое включение будет более массовым уже на уровне поколения, которое сейчас молодо, при этом разрыв в численности молодежи между первым и третьим миром будет увеличиваться. Волна за волной будут подниматься развивающиеся страны. Многие из этих стран уже сегодня превосходят по населению Германию и приближаются к Японии (например, Вьетнам с 93 млн человек или Эфиопия с 96 млн), а другие превосходят Японию, составляя от половины или трех четвертей населения США (318 млн), как Бангладеш (166,3 млн), Индонезия (253,6), Нигерия (177,3 млн). Не говоря уже об Индии с ее 1,3 млрд человек – больше, чем во всех развитых странах, вместе взятых. И население это будет еще расти заметными темпами.

Также следует иметь в виду, что рождаемость в этих странах быстрее или медленнее сокращается. Следовательно, с одной стороны, какое-то время за счет подрастающих детей, численность молодежи трудовых ресурсов будет увеличиваться, но число детей сократится, то есть иждивенцев станет меньше, а работающих больше (тем более что женщины, имеющие меньше детей, могут пойти работать). Это создает так называемый демографический дивиденд. Развитые страны (и Китай) его уже истратили, зато у многих развивающихся стран будет наиболее благоприятное соотношение работающих иждивенцев. А пожилых людей еще будет не очень много⁵. Указанная ситуация будет способствовать росту душевного дохода. Таким образом, демографический аспект делает во многом неизбежным «подтягивание» развивающихся экономик по уровню к развитым, а в валовом отношении – к тому, что доля развивающихся стран станет существенно больше, чем развитых.

В то же время проблемы обеспечения пожилых и престарелых на Западе будут только возрастать [см.: Гринин, Коротаев 2015].

Итоги первого раздела. В долгосрочном плане в условиях глобализации и все более тесного взаимодействия экономик, роста значимости ТНК и финансовых потоков в целом именно объемы производства и совокупная экономическая и демографическая мощь будут все заметнее определять баланс сил в мире и влияние на формирующийся мировой порядок. Взгляды бизнеса Запада (прежде всего их ТНК) в условиях стагнирующего численно и стареющего населения будут неизбежно обращены на растущие рынки и увеличивающееся число потребителей в развивающихся странах. Значит, будет продолжаться перенос (в разной форме) экономической деятельности в развивающиеся страны. Вместе с активизацией экономических и финансовых стратегий растущих стран это делает неизбежным изменение также баланса сил и правил мирового порядка. Не следует забывать и об условно «пятой колонне» в населении развитых стран (то есть выходцев или потомков выходцев из развивающихся стран). К этому времени их будет очень много, а их

⁵ Проблемы безработицы мы не касаемся, но ясно, что она при всей ее остроте будет в то же время способствовать и активному развитию производства, и притоку производительного капитала, то есть экономическому росту.

влияние на общую культурную ситуацию в Европе и США, на политику и на связь со странами выхода возрастет⁶. И это может стать дополнительным крупным козырем развивающихся стран (плюс передача культуры, технологии и валюты от них).

II. ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД И ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Проблема национального суверенитета. Переходный период всегда содержит в себе множество противоречивых тенденций и интересов. Возьмем, например, процесс трансформации национального суверенитета, о чем мы уже писали на страницах настоящего журнала [Гринин 2008]. В условиях глобализации тенденция к сокращению суверенных прерогатив, многие из которых отдаются добровольно (например, при вступлении в различные наднациональные объединения, мировые соглашения и т. п.), объективна. Это должно было бы также способствовать и установлению нового мирового порядка. Однако последний является сложным и часто деструктивным процессом, в котором прогрессивные тенденции часто начинают выступать в роли нового орудия эксплуатации. Так случилось и с суверенитетом. Его сокращение в ряде областей (особенно финансово-экономической) стало не только поощряться, но и активно навязываться и даже прямо подрываться (через разные формы и силы) США и другими западными странами, поскольку это резко усиливает возможность их влияния на соответствующие государства и их объединения⁷. Однако в настоящий момент наблюдается некоторый пересмотр отношения к суверенным полномочиям, поскольку целый ряд стран начал активно отстаивать свой суверенитет в связи с угрозой внутренней нестабильности, идущей от США. Но эта борьба за сохранение вроде бы старых институтов на самом деле означает уже борьбу за новый, более правильный мировой порядок.

Создание новых транснациональных союзов. ТНК и метрополии. Новая ставка США для сохранения гегемонии связана с созданием нескольких глобальных объединений, где Соединенные Штаты надеются доминировать и использовать ресурсы входящих в них государств себе на пользу. Это Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство между США и Евросоюзом (ТТИР); Транстихоокеанское партнерство (ТТП); договор по торговле услугами (Trade in Services Agreement, TISA). Последнее ведется в обстановке секретности. В октябре 2015 г. было объявлено о подписании Транстихоокеанского партнерства. Но это соглашение еще требуется ратифицировать. В отношении двух остальных пока много споров по условиям и есть сомнения, что их подписание вообще состоится. Тем не менее при поиске компромиссов рано или поздно они могут быть подписаны, объединив в этом случае страны, производящие от 1/2 до 2/3 мирового ВВП (соответственно по паритету покупательной способности или по номиналу). В этом случае США могут получить определенные, хотя и не слишком уж

⁶ В целом мы полагаем, это будет одновременно снижать общий уровень в развитых странах, но способствовать их конвергенции с развивающимися.

⁷ Однако они и сами подвержены такому влиянию. В частности, США пытаются оказывать давление на высшие органы ЕС (и лидеров его ведущих членов), поскольку таким образом удобно ограничить суверенитет единой Европы, уже сосредоточившей в своих руках значительную часть суверенитета своих членов. Что касается самих Соединенных Штатов, то они пока недостаточно движутся в сторону добровольного уменьшения собственного суверенитета (и, как мы уже отмечали, именно коллизии вокруг этого составят интригу развития мирового порядка в дальнейшем). Однако ситуация меняется. И организация США новых глобальных союзов (см. ниже) так или иначе вовлечет и их самих в этот процесс.

большие, выгоды для себя. Однако мы согласны с выводами некоторых обозревателей [см., например: Hedges 2015], что эти соглашения скорее более выгодны ТНК США, чем американской экономике в целом. Американская экономика, напротив, может быть ослаблена расширением импорта и дальнейшим выводом производств из США. Так что выиграют, возможно, от этих партнерств больше всего такие быстрорастущие страны, как Вьетнам и Малайзия. Возможно также, С. Глазьев прав [2015: ч. 2], говоря об ошибочности «навязчивого стремления США к формированию тихоокеанской и трансатлантической зон преференциальной торговли и сотрудничества без участия стран БРИКС. США делают ту же ошибку, что и предыдущий мировой лидер – Великобритания, которая в пору Великой депрессии стремилась защитить от американских товаров свою колониальную империю протекционистскими мерами».

Сказанное дает возможность продолжить тему роли ТНК в непреднамеренном ослаблении Запада и усилении развивающихся стран (происходящем помимо воли ТНК, просто потому, что они ищут наибольшую прибыль). По сути, в настоящее время ТНК нельзя уже рассматривать как принадлежащие только Западу. Во многом они являются уже частью экономики и незападных стран. Происходит определенный «отрыв» этих гигантских корпораций от метрополии. Да, США и европейские страны по-прежнему могут воздействовать на них юридически в определенных отношениях (особенно в плане подключения к санкциям, соблюдения определенных правил, запретов на импорт технологий; подтасовывания статистики, использования рейтингов в политических целях, сотрудничества с разведкой). Все это является мощным орудием воздействия. Но санкции – это только небольшая, лишь более видная обществу часть объема деятельности этих корпораций. В подавляющем большинстве случаев они действуют свободно под влиянием тех импульсов, которые идут из разных секторов, рынков и движений. В этой связи представляется, что с некоторого времени (в частности, с начала деиндустриализации и так называемой финансовой революции, то есть с 1980-х гг.) интересы ТНК и стран-метрополий постепенно расходятся. Как известно, корпорации имеют собственные цели [Гэлбрейт 1976], часто отличные от общенациональных. Полагаем, что чем активнее будут расти незападные экономики и создаваться глобальные экономические объединения развитых стран с развивающимися, тем заметнее будет это расхождение между интересами ТНК и экономик их стран-метрополий. Другими словами, представляется, что ТНК будут привлекать рынки, чьи экономические возможности будут сулить им большие прибыли (поскольку корпорации имеют собственные цели [Гэлбрейт 1976]). Тем более если управлять такими корпорациями будут в большей степени неамериканцы и неевропейцы. Попытки же переложить какие-то финансовые тяготы на ТНК приведут к тому, что они будут стремиться уйти от американской и европейской юрисдикции.

III. ЭПОХА НОВЫХ КОАЛИЦИЙ И КОНТУРЫ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Как уже сказано в первой статье, поскольку экономическая и финансовая глобализация опередили политические процессы, в мире начались процессы «подтягивания» политической составляющей глобализации к экономической. Это во многом объясняет и замедление роста экономики, и бурные события в ряде стран,

и усиление противостояния в мире. Поэтому мы предполагаем, что мир достаточно длительное время будет находиться в весьма турбулентной эпохе с кризисами, усилением напряженности, формированием новых и непривычных союзов [см. об этом: Гринин 2012; см. также: Бреммер 2015].

Переход к новому порядку – это всегда поиск новых комбинаций. Неудивительно, что процесс «подтягивания» политической составляющей также вызвал усиление стремления к поиску новых союзов и партнерств, часто непривычных, нелогичных и неустойчивых (что не отменяет, разумеется, стремления сохранить старые объединения). Это движение захватило даже США, которые стремятся создать сразу три крупнейших экономических коалиции, хотя до этого США считали себя самодостаточными. Этот процесс активного создания различных союзов и комбинаций стран и их объединений мы назвали *эпохой новых коалиций* [см.: Гринин 2009б; 2012]. Этот процесс и станет основанием для формирования нового мирового порядка. Процессы формирования новых комбинаций и поиска новых оснований пойдут более активно после того, как острая фаза борьбы за сохранение гегемонии США в прежнем виде покажет неизбежность и разумность смены курса для этой страны (что уже прослеживается в заявлениях некоторых кандидатов в президенты).

Возможно, наиболее ярким примером процесса создания новых коалиций является БРИКС, который появился первоначально как фантазия экономиста, а затем обрел черты реального союза. При этом участие в этом неофициальном союзе открывает возможность присоединения к другим союзам, таким как ШОС или ЕврАзЭС. Это показывает, что страны будут участвовать в значительно большем количестве различных блоков, союзов и партнерств, чем сегодня, причем комбинации могут быть самыми разнообразными, а также активизируется привлечение новых членов в союзы. В то же время на какой-то период подвижность партнерств в рамках Мир-Системы усилится, возникающие союзы и коалиции порой могут казаться химерическими или эфемерными, что может усилить указанную турбулентность.

По мере осознания того, что начинает формироваться новый мировой порядок, заметнее пойдет конкуренция за то, кто станет направлять процесс его формирования в мире и отдельных регионах. И тем силам, которые будут претендовать на лидерство, придется действовать под лозунгами более справедливого мирового и регионального устройства, для чего, естественно, необходимы союзники и блокировки. Поэтому неизбежно начнется перегруппировка сил на мировой и региональных аренах. В этом случае характер отстаивания национальных интересов, формы конфликтов постепенно начнут приобретать уже иной вид. Мы надеемся, что после определенного периода «игры без правил» мировая арена все же начнет рассматриваться как общее поле интересов, на котором надо устанавливать и поддерживать приемлемые и выгодные для всех правила игры. А это значит, что в самой концепции внешней политики и постепенно (очень неравномерно) в ее практическом осуществлении откровенное преследование эгоистических интересов государств будет занимать меньше места, чем сегодня⁸. Да, сказанное

⁸ Характерный пример – позиция США по парниковым газам, когда они очень долго отказывались брать на себя какие-то ограничения, а недавно объявили, что готовы взять их; это, естественно, вызывает недовольство бизнеса и его представителей (и сопротивление законодателей). Но важна позиция, выражен-

звучит утопично. Тем более что за последние несколько лет эгоистические подходы и двойные стандарты в политике как будто даже усилились. Однако, возможно, это свидетельствует о том, что мир находится на пути поиска принципов нового устройства. Вероятно, для этого потребуются пережить какие-то катаклизмы (вроде нового экономического кризиса), поскольку именно в кризисные моменты ситуация меняется более активно.

В процессе поиска наиболее устойчивых, выгодных и адекватных организационных наднациональных форм в конце концов постепенно некоторые из новых наднациональных союзов и объединений могут стать из временных постоянными и выработать эффективные формы. В этом же процессе начнут вырабатываться некоторые новые нормы мирового права, о необходимости которых говорят уже в течение нескольких десятилетий [см., например: Гинберген 1980]. Таким образом, в течение некоторого времени принципы мирового порядка должны измениться. А страны, которые будут продолжать в грубой форме отстаивать национальный эгоистический интерес, в конечном счете проиграют. Самой же главной на долгий период останется проблема столкновений и совмещений национальных и наднациональных, групповых и мировых интересов.

IV. ПРОЛЕГОМЕНЫ К ИЗМЕНЕНИЯМ, НЕОБХОДИМЫМ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ПОРЯДКА

Итак, турбулентная эпоха должна в идеале привести к формированию нового баланса сил, который позволит сформировать новый мировой порядок и выработать его основные принципы. Рассмотрим дополнительно принципы нового порядка.

1. Система глобального влияния

Глобализация как объект регулирования и учета интересов. Мы не рассматриваем вариант, когда новый баланс будет строиться на конфликтном соотношении сил, как это было в годы холодной войны. Это не исключено, но в условиях современной экономики такой порядок был бы крайне неустойчивым, а мировая экономика (тем более финансы) не сможет развиваться в условиях жесткого размежевания. Поэтому именно глобализация, как бы к ней ни относиться, будет экономической основой для продвижения в формировании нового мирового порядка. Но для более устойчивого порядка необходим некий консенсус и опора на принципы компромисса, это: «в одной лодке», «друзья-соперники», «не использовать недопустимых средств» и т. п. То есть в условиях неизбежного соперничества и попыток «перетянуть одеяло на себя» необходимость поддержки какого-то приемлемо устойчивого положения должна рассматриваться в качестве императива.

Поэтому мы полагаем, что хотя бы некоторые процессы глобализации должны стать более оформленными (в писанных или неписанных правилах). Потребуется определенное упорядочение международной финансовой и экономической деятельности (в этом будет заинтересовано большинство стран, осознавших тяжелые последствия экономических кризисов). Здесь, разумеется, откроется большой

ная президентом Б. Обамой, – США должны быть лидерами в «зеленых» технологиях и оставить Землю чистой потомкам.

простор для попыток усилить позиции определенных стран и блоков. Поскольку в процессе глобализации роль ТНК очень велика, каким-то формальным образом должны быть определены и позиции этих корпораций. В целом нам представляется, что, с одной стороны, должна усилиться ответственность корпораций за их влияние. Так, сегодня заявление крупнейшего рейтингового агентства может обрушить валюту, а то и экономику даже крупной страны. Это недопустимо и должно быть ограничено⁹. Но с другой – ТНК могут получить какие-то привилегии и права. Какие, пока неясно, но понятно, что вокруг этого будет довольно длительная и напряженная борьба¹⁰. Еще одним серьезнейшим вопросом станет вопрос о мировой валюте, от решения которого зависит очень многое. Но, по видимому, здесь движение будет двусторонним. С одной стороны, сохранятся и усилятся попытки развивающихся стран продвигать свои валюты и пытаться усилить их роль в международных органах и пр., а с другой – какие-то мощные финансовые потрясения могут заставить хотя бы частично пересмотреть роль доллара в мире.

Усиление роли наднациональных союзов. О мировых органах. Также представляются вероятными следующие тренды: а) рост значения наднациональных организаций в представлении интересов своих членов на мировой арене; б) некоторое упорядочение процесса трансформации национального суверенитета (в чем-то он сократится, в чем-то усилится), так что национальное государство останется ведущим субъектом международного процесса, но вынуждено будет уже сосуществовать с другими субъектами: наднациональными и транснациональными; в) возникновение *смешанного характера «концерта» мировых игроков* в виде государств, их различных союзов, а возможно, и каких-то отдельных корпораций или организаций (подобно тому как в средневековых парламентах и органах были представлены сразу и территории, и корпорации, и города, и знатные люди и т. п.).

Если такого рода наднациональные союзы получат определенные возможности влиять на ситуацию в мире, тем более формальное право голоса на международных форумах, то это, с одной стороны, вызовет большее желание вступать в них, с другой – более тесно сплотит членов внутри них¹¹.

Разумеется, встает вопрос о каких-то новых мировых институтах, которые бы позволяли претворять новые принципы в жизнь. При этом хотя старые мировые органы вряд ли смогут играть соответствующую роль, в то же время они в малой

⁹ В настоящий момент начались ограничения, связанные с попытками США и ряда других стран поставить ТНК под национальный контроль, в том числе в связи с выплатой налогов, уводом денег, требованиями к соблюдению запретов, санкций и пр. Но речь должна идти о международных правилах.

¹⁰ Так, сегодня США, насколько можно понять из довольно ограниченной информации, в новых транснациональных союзах пытаются придать ТНК статус международных игроков де-юре (давая им возможность оспаривать решения национальных государств и их органов). Но многие этого опасаются, считая, как В. Катасонов [2015], что это отдаст европейцев под власть американских ТНК. Хотя, как мы уже говорили, в конечном счете попытки США рассматривать ТНК как орудия своего влияния приведут к кризису, получится, что ТНК будут благоденствовать, а экономика США – ослабевать.

¹¹ Не исключено также, что для усиления тех или иных блоков может быть использована практика США по привлечению наиболее энергичных людей с предоставлением им гражданства, вида на жительство и т. п. При этом, возможно, появится новая форма предоставления подобных прав и без переезда, например, те, кто работает на аутсорсинге, смогут получить эти права и на удалении. Отсюда возможно обрастание метрополии периферийными гражданами, постепенная трансформация демократии и гражданства, а также и суверенитета.

долей вероятности будут демонтированы. Скорее новые институты будут создаваться параллельно¹².

Новый мировой «концерт»? Итак, с одной стороны, система участников международной арены начнет постепенно трансформироваться, причем в сторону наднациональных акторов. С другой – разумеется, в ближайшие десятилетия трудно рассчитывать, что удастся создать систему, в которой все могли бы эффективно участвовать. Именно поэтому сокращение представительства за счет наднациональных объединений могло бы стать эффективным путем. Но в любом случае основную роль стали бы играть наиболее крупные наднациональные объединения и государства (последние могли бы быть представлены и самостоятельно, и в голосах объединений).

Если новый порядок не будет ни однополярным, ни двуполярным, то соответственно, скорее всего, он будет представлять собой некий коллектив крупнейших игроков (стран и союзов). Что-то вроде G-х, то есть объединение трех – пяти – семи или более крупнейших держав и блоков, которые смогут каким-то образом устроить новый порядок (например, США вкупе с Тихоокеанским партнерством или с каким-нибудь блоком, ЕС, Китаем, Индией, Россией; либо последние будут представлены также БРИКСом, естественно, расклад сил может быть самым разным). То есть возникнет некий новый мировой «концерт» государств и надгосударственных союзов (современный аналог «Европейского концерта» первой половины XIX в., о котором шла речь в первой статье). Разумеется, всякого рода конфликты и коллизии всегда будут иметь место, но все же наиболее крупным игрокам договориться проще. А чтобы порядок держался, тренд должен идти в сторону институционализации этого «концерта» (возможно, с учетом опыта ООН, но более эффективного, что-то вроде права вето, несколько уровней участия с разными правами; возможно, создание какого-то валютного блока).

2. О принципах нового мирового порядка

Новый мировой порядок потребует достаточно устойчивого баланса сил и интересов, новых моделей наднационального управления и координации мировых процессов. Для этого необходимы новые принципы, которые уменьшили бы противостояние и стимулировали сотрудничество. Попробуем их сформулировать.

1) Плюрализм политических режимов, то есть признание: а) правомерности и легитимности всех режимов; б) идеи, что любой режим (включая и демократический) имеет свои плюсы и минусы; в) ценности плюрализма режимов (подобно плюрализму религий).

2) Отказ от насильственного навязывания институтов (в том числе насаждения демократии).

Комментарий. Для выработки нового мирового порядка и моделей развития плюрализм режимов имеет важное эволюционное значение, обеспечивая необходимое разнообразие. Не доказано, что именно демократические принципы являются наилучшими. Напротив, демократия в рамках глобализации может оказаться

¹² В целом упадок международных организаций наблюдается в самых разных сферах (включая международные суды, трибуналы, МАГАТЭ, авиационные организации и т. д.), так как они все более становятся инструментом глобального влияния США. В последние пару лет даже спортивные организации стали объектом давления. Вероятно, эта тенденция некоторое время сохранится, что также создаст потребность в обновлении органов и принципов.

ущербной и нестабильной. Только соревнование разных режимов позволит найти лучшие модели для будущего. Отказ от признания демократии универсальным строем для всех и от навязывания демократии любой ценой может стать важной частью создания общего поля интересов и правил. Необходимо признать, что демократия подходит далеко не для всех случаев (тем более в регионах, где не сложились крепкие нации и государства, сильно влияние религии, имеются многонациональность и многоконфессиональность). Борьба с бедностью, болезнями, смертностью, неграмотностью, вопиющей несправедливостью наряду с экономическим развитием неизбежно приведут к большому прогрессу в области семейных и иных отношений даже в регионах с сильным влиянием ислама. То есть для этого демократии не требуется, тем более что уже есть уже общепринятые декларации, которые ведут к улучшению позиций женщин, детей и прочему.

3) Признание ценности стабильности, порядка, легитимности и отказ от инспирирования внутренних революций. Это означает, что: а) социальный порядок, гарантия безопасности и экономический рост даже в условиях авторитаризма признаются более важными, чем формальные демократические права; б) поддержка антиправительственных выступлений, грозящих анархией и свержением правительства (и тем более подстрекательство к свержению режима), может осуществляться только в исключительных случаях.

4) Жесткое ограничение и регламентация использования санкций. Применение санкций должно быть жестко ограничено и введено в строгое процедурное русло (причины, случаи, доказательства, переговоры, прецеденты и пр.)¹³.

5) Отказ от использования и запрет глобальных экономических, финансовых, рейтинговых, информационных и иных инструментов в качестве орудий национальной внешней политики.

6) Гарантии государственных границ, ограничения всякого рода сепаратных движений, под какими бы лозунгами они ни проводились. Это существенно уменьшило бы международные трения.

7) Отказ от навязывания новых этических и правовых стандартов (особенно в сфере половых и семейных отношений) и дискриминации под этим предлогом.

Очевидно, что само по себе признание принципов не гарантирует их выполнения, но важно уйти от сегодняшней практики, когда идеалы демократии, борьбы с коррупцией или прав человека используются как таран в геополитической борьбе. И важно, чтобы уменьшение жесткого противостояния в обществах и в мире, равно как увеличение возможностей для сотрудничества, стало приоритетом.

3. Некоторые предположения о принципах и механизмах формирования и существования нового порядка

Поиск новых форм и принципов организации – это сложный эволюционный процесс, в рамках которого постепенно выкристаллизуются наиболее перспективные формы для нового типа отношений и союзов. Поскольку многие из этих союзов окажутся очень неустойчивыми, будет некий естественный отбор принципов и форм, а равно идеологии и иных вещей. Выскажем некоторые идеи

¹³ Если санкции – единственный «выбор между плохим и худшим» [Чумаков 2015; см. также: Чумаков 2014], в условиях сложных отношений в глобальном мире, где нельзя довести дело до войны, они приемлемы. Но если санкции – это часть гибридной войны, цель которой не найти компромисс, но повергнуть противника, они становятся малопримлемыми.

о возможных формах и принципах объединения в наднациональных союзах (с учетом того, что никакой унификации здесь быть не может).

Кризис демократии и неизбежный поиск новых форм управления. Демократия, имея определенные преимущества в национальном масштабе (но далеко не везде и не всегда), может их утратить в рамках наднациональных образований. Например, европейское объединение, прежде казавшееся образцом, в настоящее время таковым уже не выглядит, так как выявились серьезные проблемы. В частности, сверхдемократические процедуры и требование консенсуса создают противоречивость управления де-юре и де-факто (в последнем случае более сильные государства «выкручивают руки» более слабым¹⁴, но в то же время с помощью последних какие-то силы могут влиять на ситуацию в рамках всего союза). Поэтому представляется, что принцип демократии может стать лишь частью (и не всегда ведущей) механизма создания такого рода органов. Тем не менее опыт ЕС крайне ценен (важно, в частности, понять, насколько работают принципы убывающей пропорциональности или совмещения интересов малых и крупных членов).

Повышение роли экспертов. Эксперты и демократия. Отказ от демократии как ведущей формы наднационального управления требует каких-то новых форм. Одно из предположений – рост роли экспертов и их органов. Уже сейчас де-факто их возросшая роль порой очень велика, например в показателях рейтинговых агентств. Поэтому не исключена трансформация движения в сторону чего-то, подобного *экспертотократии* (подобно тому как повысилась роль управляющих корпораций в 1920–1930-е гг. [Burnham 1941]). Соответственно могут возникнуть и формальные органы экспертов, которые начнут играть политическую роль. Например, экспертов выдвигали бы по их заслугам от национальных академий или иных научных и специальных учреждений (собраний), либо выбирали бы после первичного отбора среди коллег. Смысл таких собраний экспертов – в проведении экспертизы (непосредственной или с помощью соответствующих экспертных организаций) и научного анализа различных актов, решений на предмет их соответствия достижениям науки. Сегодня многие решения принимаются на эмоциональной основе, без расчетов и понимания последствий (те же климатические или энергетические законы, законы, связанные с регулированием медицинского и иного воздействия на организм, воспитанием детей, воздействием на общество информации разного рода и т. п.). Также важно учитывать постоянные изменения в развитии науки и технологий, которым может потребоваться регулирование. При неизбежной ограниченности (и возможной ангажированности) решения экспертов все же будут более взвешенными, более отвечающими уровню современного общества. Таким образом, эксперты станут чем-то вроде еще одной ветви власти, их роль возрастет, а положение экспертных организаций отдаленно будет напоминать правила цехов и гильдий в позднее Средневековье.

Эксперты в отличие от политиков имеют другую природу авторитета, поэтому могут действовать без оглядки на избирателей и общество. Кроме того, эксперты транснациональны в отличие от политиков. Эксперты разных наций (если у

¹⁴ При этом ряд новых членов ЕС становится источником миграции для крупных игроков и рынком для сбыта их товаров, в результате чего национальные экономики деградируют. Это весьма вероятно в любом объединении, и потребуются большая работа и тяжелый опыт, чтобы найти формы, которые бы оптимизировали интересы крупных и мелких игроков в одной команде.

них одна методика) нередко ближе друг к другу, чем к представителям своей нации, не имеющим образования.

Реплика в заключение. Есть и еще один аспект, который стоит затронуть в указанной связи. Довольно странно, но политика при демократии остается едва ли не единственной областью, где к профессионалам не предъявляются некоторые требования, например, к специальному образованию. Есть множество профессий (врач, юрист, генерал и т. д.), где без специального образования вообще невозможно заниматься данным делом. Даже у менеджеров есть специальное образование, хотя и не стопроцентно обязательное. Однако политик может вообще не иметь образования. Если вдуматься, это нонсенс, фактически общество страхует себя от врачей-шарлатанов, юристов-непрофессионалов, но позволяет руководить собой непрофессионалам-политикам. И если сравнить вред от непрофессионализма врача или политика, масштаб несравним. Однако *именно демократический строй является главной причиной того, что сохраняется крайне архаичный способ рекрутирования политиков, вершащих судьбы мира. Политиков, которые не стыдятся своего невежества.* В то время как для чиновников нижнего звена требуется специальное образование. Было бы неплохо, если бы начался процесс профессионализации политиков. Развитие профессионализма в политике приведет к тому, что возможность прийти к власти на волне народной популярности будет ограничена, потребуется также определенный профессионализм, как и в армии.

* * *

Таким образом, есть много оснований думать, что баланс сил в течение ближайших трех-четырёх десятилетий существенно изменится в мире в целом в пользу всех или ряда стран, которые сегодня считаются развивающимися. Рано или поздно начнется движение в сторону общемирового управления (принятия каких-то общих решений). И десятикратное превосходство в населении (каковое появится примерно к 2050 г.) окажется сложно игнорировать. И если в общих форумах каким-то образом будет учитываться численность населения стран, тогда развивающиеся страны получат определенное преимущество.

В целом впереди нас ждут сложные и беспокойные годы, в течение которых будет формироваться баланс между разными странами и союзами, но в то же время это будет период серьезных перемен, закладывающих базу под структуру будущего мирового порядка. И необходимо, с одной стороны, постоянно работать над тем, чтобы интересы России были бы максимально учтены в этой новой конструкции, а с другой стороны, чтобы Россия в свое политике опиралась на новые тенденции.

Литература

Бреммер И. Чего мы ждем от США? // ИноСМИ. 2015. 16 июня [Электронный ресурс]. URL: <http://ino.smi.ru/world/20150616/228614822.html>.

Галищева Н. В. 2014. Приоритеты внешнеэкономической политики Индии // Азия и Африка сегодня. 2014. № 10; № 11.

Глазьев С. 2015. Окно в Азию // Военно-промышленный курьер: в 3 ч. [Электронный ресурс]. URL: <http://vpk-news.ru/articles/25975>; <http://vpk-news.ru/articles/26087>; <http://vpk-news.ru/articles/26190>.

Гринин А. Л., Гринин Л. Е. 2015. Кибернетическая революция и исторический процесс (технологии будущего в свете теории производственных революций) // Философия и общество. 2015. № 1. С. 17–47.

Гринин Л. Е. 2008. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета // Век глобализации. 2008. № 1. С. 86–97.

Гринин Л. Е. 2009а. Глобальный кризис как кризис перепроизводства денег // Философия и общество. 2009. № 1. С. 5–32.

Гринин Л. Е. 2009б. Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? // Век глобализации. 2009. № 2. С. 117–140.

Гринин Л. Е. 2012. Реконфигурация мира, или наступающая эпоха новых коалиций (возможные сценарии ближайшего будущего) // История и современность. 2012. № 2. С. 3–27.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2015. Глобальное старение населения, шестой технологический уклад и мировая финансовая система // Кондратьевские волны: наследие и современность: ежегодник / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, В. М. Бондаренко. Волгоград : Учитель. С. 107–132.

Гэлбрейт Дж. К. 1976. Экономическая теория и цели общества. М. : Прогресс.

Тинберген Я. 1980. Пересмотр международного порядка. М. : Прогресс.

Катасонов В. 2015. Трансатлантическим партнерством США загоняют европейцев в рабство [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nakanune.ru/articles/111009/>.

Кругман П. 2013. Развитые страны не могут обанкротиться [Электронный ресурс]. URL: <http://lcmmedia.com.ua/news/pol-krugman-razvityie-stranyi-ne-mogut-obankrotitsya-6278>.

Чумаков А. Н. 2014. «Мягкая сила» как способ решения проблем в глобальном мире // Век глобализации. 2014. № 2. С. 192–195.

Чумаков А. Н. 2015. Культурно-цивилизационные разломы глобального мира // Век глобализации. 2015. № 2. С. 35–47.

Burnham J. 1941. The Managerial Revolution. New York : Van Rees Press.

Grinin L. E., Ilyin I. V., Andreev A. I. 2016. World Order in the Past, Present, and Future // Social Evolution & History. 2016. Vol. 15 No. 1. Pp. 60–87.

Hedges C. 2015. The Most Brazen Corporate Power Grab in American History. URL: http://www.truthdig.com/report/item/the_most_brazen_corporate_power_grab_in_american_his.

НА ПУТИ К СОЗДАНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

Кемп П.*

Коллективное построение человеческого сообщества, ориентированного на выживание, требует создания определенной модели совместного проживания людей разных культур. Такая модель предполагает диалог между культурами, цель которого – наладить взаимопонимание. В первой части статьи делается попытка проанализировать, почему подобное взаимопонимание труднодостижимо и как его все-таки достичь.

Однако недостаточно понимать, каким образом разные народы могут прийти к взаимопониманию. Духовный гуманизм требует практического гуманизма, поскольку сообществу необходим социальный и правовой режим, который бы регулировал поведение его членов и определял, что есть хорошо, что – плохо с точки зрения совместного проживания, а также задавал ориентиры мирного сосуществования. Во второй части статьи я попытаюсь рассмотреть, какие конкретно задачи и какой правовой режим способны объединить людей разных культур в действительно глобальное сообщество.

Ключевые слова: человеческое сообщество, диалог, культура, глобальный правопорядок.

Collectively constructing a life-focused human community requires creating a life between people from different cultures. Such a life presupposes a dialogue between cultures. And this dialogue must aim at mutual understanding. The first part of this paper tries to analyze why such an understanding is difficult and how it might be established anyway.

However, it is not enough to clarify how different people can understand each other. Spiritual humanism demands practical humanism, because a community needs a social and legal order to regulate the behavior of its members, so that they can know what is good and bad for the common life and how they can live in peace together. The second part of this paper, therefore, tries to analyze which practical goals and which legal order can unify actions of people from different cultures in a real global community.

Keywords: human community, dialogue, culture, global law.

I. Взаимопонимание между различными культурами

Конечно, диалог – это не просто чисто технический обмен информацией (на практике – с помощью информационных технологий); он также предполагает более серьезный обмен взглядами на жизнь.

Вопрос заключается в следующем: что следует подразумевать под взаимопониманием между культурами?

* Кемп Питер – почетный президент Международной федерации философских обществ, профессор философии, факультет образования Орхусского университета (Копенгаген). E-mail: kemp@edu.au.dk.

Чтобы получить ответ, рассмотрим значение слова «культура» в основных европейских языках и выявим противоречия между различными культурами.

Согласно классическому определению, которое немецкий философ И. Г. Гердер дал в своей книге «Идеи к философии истории человечества» (1784–1791) [Herder: 1966], культура – это результат человеческой жизнедеятельности (от лат. *cultura* – возделывание, развитие), созданный средствами языка, религии, мысли, искусства, науки, политики, права, норм, обычаев, оружия и пр.

Культура близка к цивилизации, а именно к процессу, в результате которого человек становится цивилизованным, то есть гражданином (лат. *civis*). В английском языке эти два термина очень часто используются практически как синонимы. Немцы, напротив, склонны противопоставлять *Kultur* и *Civilization* как произведения мысли, литературы и поэзии, с одной стороны, и научные и технические достижения – с другой.

Полезно провести такое же разграничение и в английском языке. Не различая эти два термина, мы можем упустить важный аспект в понимании современной цивилизации – стандартизацию, то есть все более синхронное развитие науки в разных частях света. Такая стандартизация не связана с развитием исторического, социального и индивидуального самоосознания, сопряженного с языком и традициями. Несмотря на то, что в любом уголке мира можно найти одинаковые небоскребы, рестораны «МакДональдс», фешенебельные отели и коммерческие организации, религиозные, моральные и философские концепции могут значительно различаться от страны к стране, от региона к региону.

С одной стороны, мы видим, что современные технические и научные системы и взгляды уже испытали сильное влияние глобализации: они функционируют как международная экономическая сеть, в которой решения все чаще принимаются независимо от политического руководства страны. В этой сети существуют собственные нормы и правила набора кадров, лояльности, солидарности и даже собственный спекулятивный мир под названием «казино-капитализм». Сегодня, говоря о глобализации, часто подразумевают развитие именно этой сети. Если она уязвима, то уязвима как глобальная организация, чьи внутренние устойчивость и стабильность зависят от всей системы, а не только от локальных событий.

С другой стороны, мы должны признать, что развитие исторического, социального и индивидуального самоосознания в прозе, поэзии и других формах символического выражения не может происходить изолированно от влияния региона, его специфического языка и традиций. Истоки целостного самоосознания лежат в последовательности прожитых в историческом времени и социальном пространстве событий; поддержание его зависит от социальной и духовной жизни местного сообщества. Однако это не просто совокупность достижений. Культура – пластичная реальность и потому постоянно требует обновлений: новых поэтов, актеров, мыслителей и т. д., способных выразить силу прежних укоренившихся взглядов в особых, новых условиях. Эти обновления поначалу часто отвергаются как подрывающие традиции. Но культура умирает, если избегает новых идей, изменяющих ее роль как фундаментальной основы общественной и индивидуальной жизни. В процессе обновления ценностей и убеждений она оказывается уязвимой и нуждается в защите от насилия, то есть от силы, превращающей живые существа в простой объект манипуляции.

Проблема состоит в том, как именно людям разных культур достигнуть взаимопонимания, необходимого для построения человеческого сообщества, ориентированного на выживание. Это трудный вопрос, так как каждая культура структурируется горизонтом. Автор данной статьи заимствовал понятие горизонта в немецкой феноменологии XX в. – в частности, у Э. Гуссерля и Х.-Г. Гадамера, которые использовали его для развития своих идей о жизненном мире человека.

Понятие горизонта появляется у Гуссерля в 1929 г. в комментариях к его первой книге «Идеи к чистой феноменологии и феноменологическая философия». Там он пишет, что мир, как показывает опыт, есть нечто большее, чем наполненное объектами пространство, оно связано с «моими возможностями и способностями» [Husserl 1950b: 399], а «вещи в мире открываются для меня различными путями как универсальный горизонт сознания» (*Horizontbewusstsein*) [Ibid.: 400].

Более того, в его «Кризисе европейских наук» (1934–1937) он использует понятие горизонта, чтобы описать мир как жизненный мир человека. Он утверждает, что каждый мир-феномен (*weltliche*) «дан в плоскости одного горизонта» (*im Wie eines Horizontes*) и в каждом горизонте скрыты более широкие горизонты, а значит, в конечном счете каждая вещь в мире имеет мир-горизонты. Он также отметил американского мыслителя У. Джеймса как единственного философа, кто был знаком с феноменом горизонта, когда говорил о *пальцах* [Husserl 1950a: 267]. В своей основной работе *Wahrheit und Methode* («Истина и метод», 1960) Х.-Г. Гадамер продолжил развивать понятие горизонта. Однако он сосредоточился не столько на том, как мы воспринимаем мир благодаря тем возможностям, которые он нам дает, сколько на том, как мы усваиваем традиции через тексты и произведения. Гадамер интересовался герменевтическим аспектом: ролью интерпретации в исторической науке, которая формирует наше представление о себе и задает ориентир нашим действиям.

Проще говоря, горизонт – это то, что открывается нашему взору, когда мы смотрим с определенной точки, и то, что окружает это пространство. Гадамер использовал обычное значение данного слова, чтобы пролить свет на проблему интерпретации традиции [Gadamer 1993: 302]. С этой целью он ввел еще одно понятие из современной философии – понятие *ситуации*.

К. Ясперс ввел идею ситуации в своей книге «Духовная ситуации времени», чтобы охарактеризовать эпохальное сознание индивидуума, который в определенный момент истории осознает собственную волю для реализации своего будущего. Согласно Ясперсу [Jaspers 1931: 19 ff.], ситуация – это, во-первых, экономическая, социальная и политическая обстановка, от которой зависят все люди; во-вторых, это возможная ясность относительно области человеческих знаний; в-третьих, это то, чем сам человек станет в сознании тех, с кем он (или она) сталкивается. Отсюда следует, что не существует единой ситуации, которая была бы одинаковой для всех людей в мире. То, чем я являюсь, – это производная моего места, и суть моего бытия определена исторической эпохой и социологическим положением в целом. Я то, что есть время, и никто не может выйти за рамки своего времени и места. Любые попытки охватить целое обречены на провал, в перспективе они прекратятся.

После К. Ясперса Ж.-П. Сартр использовал понятие ситуации и описал человека как синтез сознательного значения и материального явления. В книге «Бытие и ничто» (1943) он утверждает, что человеческая ситуация «является свободной

координацией и свободным определением сырого данного, не позволяющего определять себя кое-как, любым способом» [Sartre 1943: 568]. Другими словами, явление можно определить таким, но не иным образом, и хотя ситуация связана с сырым фактом, материальной субстанцией нашего мира, значение ей придает человеческое сознание, которое способно свободно координировать и давать определение явлениям.

Это делает взаимопонимание между культурами, которые по сути есть ситуации, проблематичным. Мы можем делить наши горизонты с кем-то, но другие люди – особенно представители других культур – имеют другие горизонты. Таким же образом мы можем поставить себя в аналогичные обстоятельства с кем-то еще, но другие люди создадут иные ситуации.

Анализ усложняется еще и тем, что значение горизонта в ситуации зависит от нашей интерпретации. Так, горизонт – это не только оформленные представления о том, что может иметь устойчивый ценностный смысл и быть жизненным ориентиром; кроме этого, он отражает наш выбор того, что важно, а что – нет.

Как следствие, П. Рикер ввел конфликт интерпретаций в качестве важного элемента герменевтики [Ricoeur 1969] и описал противоречия между разными школами герменевтики в литературной теории, феноменологии религии, психоанализе, библейской экзегетике и т. д. Шведский философ Б. Кристенссон Уггла в своей книге «Битва за реальность» утверждает, что противоречия между людьми, нациями и культурами тоже можно назвать герменевтическими конфликтами [Kristensson Uggla 2002].

Но именно тот факт, что данное противоречие есть конфликт интерпретаций, дает нам надежду найти решение этой проблемы. Интерпретации – еще не окончательные истины. Понимание, что наши собственные интерпретации должны быть открыты для изменений и адаптации, заставляет нас быть скромнее.

Это не означает, что мы должны усомниться в своих убеждениях и опыте, но мы должны быть готовы учиться у других новым горизонтам. Более того, у нас все еще есть надежда поделиться друг с другом своими культурными горизонтами и в результате обнаружить совпадения в жизненном опыте.

Так, разумно предположить, что общие идеи будут найдены в области морали, так как мораль связана с достойной жизнью, к которой стремятся все, независимо от границ и обычаев, которые мы должны уважать.

Но не будем забывать, что мы находимся лишь в самом начале пути к взаимопониманию. Впереди нас ждет долгая дорога, прежде чем мы сможем сказать, что действительно (хотя бы частично) поняли культуру, к которой не принадлежим. Мы можем быстро объединиться для создания единой технической цивилизации, но никогда не образуем (а возможно, и не должны образовывать) единой культуры.

Напомню, однако, что наши различия представляют собой не только проблему, но и достояние. Таким образом, мы можем проявить свою скромность, признав это достояние, прислушавшись друг к другу и пытаясь учиться друг у друга.

II. На пути к глобальному правопорядку

Теперь проанализируем, какие реальные цели и правопорядок могут объединить людей из разных культур в настоящее мировое сообщество.

Мир, в котором мы живем, все больше представляет собой глобальное пространство с общими глобальными проблемами, которые могут быть решены только объединенными усилиями стран в соответствии с новым политическим мышлением. Но наши национальные общества не ориентированы на поиск транснациональных решений или развитие транснационального мышления. Следовательно, нам как гражданам мирового сообщества, столкнувшегося с глобальными проблемами, придется развивать идеи о новом миропорядке с его транснациональными институтами и нормами, соответствующими нашей новой поликультурной жизни.

Обсуждать появление мирового общества, а значит, и нового миропорядка, необходимого для стабилизации и защиты этого общества, нельзя, не проанализировав, что же делает наш мир глобальным обществом.

На наш взгляд, есть ряд проблем, которые не в состоянии в одиночку решить ни отдельное государство (даже самое сильное), ни отдельная группа государств [Кемп 2011]. Существует по меньшей мере четыре вида таких транснациональных проблем.

В данной статье я сосредоточился на группе проблем первого вида, связанных с тем, каким образом люди разных национальностей и культур могут достичь взаимопонимания и при этом сохранить уважение к инакости других вместо того, чтобы стремиться к единообразию, присущему научно-технологической цивилизации.

Второй круг проблем охватывает вопросы финансовой глобализации и мировой промышленной сети, где набор и обучение персонала, руководство и принятие решений осуществляются, невзирая на национальные границы, правительства и парламентские ассамблеи, вызывая конфликт между отдельными государствами и транснациональными корпорациями или компаниями.

Третий круг проблем касается будущего человечества и его последующих поколений. Чтобы обеспечить будущим поколениям жизнь по крайней мере не хуже нашей, мы, живущие сегодня, должны предпринять шаги по сохранению возможностей для стабильного развития наших потомков и необходимых для этого ресурсов. Мы должны относиться к Земле с большей ответственностью, чтобы оставить после себя мир, в котором нас не будут осуждать за эксплуатацию производственного капитала и разрушение мирового климата.

Помимо перечисленных глобальных проблем, о необходимости введения общих международных норм и судов, нужных для поддержания глобального правового миропорядка в наших интересах, говорят международная преступность, геноцид, терроризм (в том числе государственный), а также борьба за мировое господство.

Прежний миропорядок устанавливал международные нормы только для государств. Новый правовой миропорядок станет иным.

Уже сейчас очевидно, что государства не являются единственными международными акторами; государство больше не единственный признанный субъект международного права. Помимо отдельно взятого человека определенное признание в международном праве получили не имевшие его до Второй мировой войны компании, корпорации, организации, институты, НГО и пр. Однако это не исключает того факта, что государства сосредоточили в своих руках еще большую

власть, увеличив контроль над отдельными людьми. Тем не менее их власть ограничена, так как им приходится делиться ею с негосударственными акторами.

С философской точки зрения мы должны сделать выбор между Т. Гоббсом и И. Кантом: считаем ли мы, как Гоббс, что отношения между людьми – это по факту борьба всех против всех? Или мы, как Кант, который не отрицает борьбы между людьми, полагаем, что они *также* могут стремиться жить вместе? Но только при допущении, что человек мыслит как космополит. Этот выбор имеет решающее значение, когда, например, кто-то пытается легализовать гуманитарную военную интервенцию, созвать международный (постоянный или *ad hoc*) суд или трибунал, или требует уважать запрет ООН на использование силы с некоторыми оговорками.

Государства продолжают осуществлять власть через судебные и правовые институты, несмотря на то, что сейчас у них есть негосударственные оппоненты (например, финансовые и гуманитарные акторы). Будущее международного права зависит от того, осознают ли сильнейшие государства, что в общих интересах иметь нормативно-правовую базу для регулирования неотложных вопросов и сформировать союз, управляемый нормами, основанными на универсальных человеческих ценностях, и направленный на создание и поддержание нового социального миропорядка, в котором не только государства и регионы, но и отдельные люди и группы людей будут уважаемы и защищены в рамках космополитического сообщества.

Какие же приоритетные задачи должно ставить перед собой государство, которое хотело бы содействовать развитию космополитической демократии? Возможно, продвижение и признание все большего числа негосударственных акторов с целью создания благоприятной обстановки на глобальной арене. Расширению их признания может способствовать не только предоставление негосударственным акторам дополнительных возможностей в международных институтах, но и внедрение информации об их роли и важности в обучающие программы на всех уровнях образования.

Мы находимся в самом начале пути к взаимопониманию между людьми на Земле и, соответственно, глобальному правопорядку. Но мы можем сказать о человеческом сообществе то же, что Кант говорил о перспективах теории обучения: «Это прекрасный идеал, и не беда, если мы не в состоянии осуществить его немедленно» [Kant 1964: 700].

Перевод с английского К. А. Уховой

Литература

Gadamer H.-G. Truth and Method. 2nd ed. London : Sheed & Ward, 1993.

Herder G. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit (1784 to 1791). Darmstadt : Joseph Melzer Verlag, 1966.

Husserl E. Die Krisis der Europäischen Wissenschaften und die Transzendente Phänomenologie // Husserliana / Herausg. von W. Biemel. Den Haag : Martinus Nijhoff Publishers, 1950a. Bd. VI.

Husserl E. Ideen zu einer Reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie // Husserliana / Herausg. von W. Biemel. Den Haag : Martinus Nijhoff Publishers, 1950b. Bd. III.

Jaspers K. Die geistige Situation der Zeit. Berlin : Walter de Gruyter, 1931.

Kant I. Über Pädagogik. Einleitung / I. Kant // Werke in 6 Bd. Frankfurt : Insel-Verlag, 1964. Bd. VI.

Kemp P. Citizen of the World. New York : Prometheus Books, 2011.

Kristensson Uggla B. Slaget om verkligheten. Stockholm : Symposion, 2002.

Ricœur P. Le conflit des interprétations, essais d'herméneutique. Paris : Seuil, 1969.
The Conflict of Interpretations, Northwestern University Press, 1974.

Sartre J.-P. L'Être et le Néant. Paris : Gallimard, 1943.

РАЗВИТИЕ МИГРАЦИОННОЙ ТЕОРИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

Ивахнюк И. В.**

В статье рассматривается формирование теоретической базы исследования миграции населения в последней трети XX в. и начале XXI в. на фоне происходящих процессов глобализации. Глобализация подняла огромные волны миграции и принципиально изменила структуру миграционных потоков. В то же время глобалистика как научное объяснение современной глобализации предложила новые концептуальные схемы, которые оказались «вплетены» в миграционную теорию, делая особый акцент на складывающейся глобальной миграционной взаимозависимости стран. Особое внимание уделено существующим подходам в управлении миграцией, которые во многом направлены на ограничение миграционных потоков и тем самым по сути вступают в противоречие с глобализацией, основным принципом которой является открытость.

Ключевые слова: международная миграция, глобализация, миграционная теория, миграционная взаимозависимость, управление миграционными процессами.

The paper deals with conceptualization of migration in the last third of the twentieth century and early twenty-first century against the background of the current globalization. Globalization has inspired huge waves of migration and radically changed the structure of migration flows. At the same time, contemporary Global Studies have developed new concepts, which have been incorporated in migration theory resulting in particular focus on migration interdependence of the countries of the world. The author gives special attention to the existing approaches to managing migration which are mainly aimed at restrictions on inflow of immigrants. Therefore, they contradict openness as the primary paradigm of globalization.

Keywords: international migration, globalization, migration theory, migration interdependence, migration governance.

Теория миграционных сетей. Теории, представляющие социологическое направление в изучении миграции по классификации В. А. Ионцева [1999], в наибольшей степени раскрывают механизм внутренней динамики миграционных процессов, объясняя формирование устойчивых связей между конкретными странами назначения мигрантов и конкретными странами их происхождения на индивидуально-семейном уровне. Действительно, ведь если предположить, что

* Продолжение. Начало см. в журнале «Век глобализации», 2015, № 1, с. 36–51.

** Ивахнюк Ирина Валентиновна – д. э. н., профессор, заместитель заведующего кафедрой народонаселения экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, член Правительственной комиссии по миграционной политике. E-mail: irina.ivakhnyuk@gmail.com.

лишь экономические силы и желание людей улучшить свою жизнь лежат в основе формирования миграционных потоков, то остается необъяснимым их конкретный географический вектор, особенно когда он принимает относительно устойчивый и масштабный характер. Объяснения были даны *теорией миграционных сетей*, которую еще называют *теорией сетевой миграции*, *теорией миграционной цепи*, или *теорией социального капитала*. Суть ее сводится к тому, что когда определенное количество мигрантов уже обосновалось в стране назначения (какими бы мотивами ни объяснялась их миграция), в игру вступают совсем иные силы, а именно – силы социального взаимодействия, построенные на родственной или этнической близости.

Выбор страны назначения, сделанный мигрантами-первопроходцами, может быть совершенно случаен, но он оказывает огромное влияние на дальнейшее формирование миграционных потоков. Еще Е. Ли заметил, что возникает информационный поток от уже уехавших мигрантов к тем родственникам, соседям, знакомым, которые остались на родине [Lee 1966]. Этот информационный поток облегчает для них принятие решения о миграции. Наличие соотечественников в стране назначения, как правило, сокращает материальные и психологические издержки, связанные с переездом, для последующих мигрантов и таким образом способствует увеличению миграционного потока в данную конкретную страну [см., например: Флорес 2006].

Миграционные сети понимают как установившиеся на личном уровне связи между мигрантами, бывшими мигрантами и немигрантами в странах выезда и странах въезда на основании родства, знакомства и общего места происхождения [Massey *et al.* 1993: 448]. Иными словами, миграционные сети связывают земляков, проживающих на родине и в других странах. Миграционные сети называют также социальным капиталом мигрантов, опираясь на который последние легче решаются на миграцию. Помимо материального капитала (денежные средства) и человеческого капитала (образование, квалификация, знания), социальный капитал является третьим важнейшим миграционным ресурсом, который, во-первых, мотивирует людей к миграции, а во-вторых, дает для этого дополнительные возможности.

В известной мере существованием миграционных сетей, то есть сохранением устойчивых связей с родиной, можно объяснить, почему мигранты переводят часть заработанных денег на родину, – то, что никак не объясняют неоклассическая теория или теория человеческого капитала. С помощью миграционных сетей был объяснен самоподдерживающийся, самовоспроизводящийся механизм международной миграции: наличие миграционной сети может само по себе поддерживать миграционный процесс даже тогда, когда условия для миграции становятся неблагоприятными, в частности когда ей противостоит ограничительная иммиграционная политика или в условиях экономического спада в принимающей стране. Социальные миграционные сети приобрели в современных условиях такой масштаб, что они могут считаться глобальным фактором, способствующим увеличению масштаба миграционных потоков.

Изучение миграционных сетей в последние два десятилетия получило большое распространение на примере конкретных стран. Можно даже сказать, что анализ миграции через призму миграционных сетей стал вытеснять другие концептуальные подходы. Нельзя не признать, что теория миграционных сетей, или

теория социального капитала, внесла существенный вклад в понимание механизма миграционных процессов и формирования устойчивых миграционных связей между странами. В то же время сторонники этой теории, верно указывая на то, что наличие социальных связей между странами происхождения и странами назначения облегчает и численно увеличивает миграцию, не замечают, что те же миграционные сети, которые упрощают и даже стимулируют въезд своих земляков, одновременно служат ограничителем для миграции из других стран или даже местностей той же страны происхождения. Социальный капитал для одних может обернуться неформальным социальным барьером для других, особенно в условиях существования ограничительной иммиграционной политики [Portes 1995].

К этой концептуальной группе примыкает *теория кумулятивной причинности*. Этот термин был впервые применен шведским экономистом и лауреатом Нобелевской премии по экономике Г. Мюрдалем еще более полувека назад [Myrdal 1957] в контексте изучения причин концентрации экономической деятельности в определенных районах и последствий неравномерного развития в биполярной модели экономического роста. Позже Д. Массей использовал термин «кумулятивная причинность» для объяснения того, как социальные и экономические последствия миграции становятся причинами последующей миграции [Massey 1990]. Фактически развивая теорию миграционных сетей, Массей проанализировал факторы международной миграции на уровне мигрантских общин и указал на то, что с течением времени миграционный тип поведения превращается в норму, опираясь на создаваемые самими же мигрантами дополнительные причины, стимулирующие его (снижение рисков и издержек миграции благодаря развитию мигрантских сетей; рост неравенства распределения дохода вследствие денежных переводов мигрантов; модернизация сельскохозяйственного производства в мигрантских домохозяйствах и соответственное уменьшение их потребности в наемном труде земляков; формирование «культуры миграции» и т. д.) [Massey et al. 1998: 45–50].

Концепция миграционных систем. Несколько особняком в ряду существующих миграционных теорий стоит *концепция миграционных систем*. В рамках этой концепции исследовательский фокус смещен на объяснение направлений потоков международной миграции с точки зрения их взаимосвязи с экономическим, демографическим, социальным, историческим, политическим контекстами конкретных стран и регионов. По существу, концепция миграционных систем представляет весь мир как единую глобальную миграционную систему, в которой есть центры (государства) притяжения мигрантов и государства-доноры, и «рассекает» ее на меньшие по масштабам миграционные системы, в которых можно более доказательно проследить направления миграционных потоков, а главное – механизмы устойчивости и воспроизведения этих потоков. Такой подход абсолютно соответствует позиции ученых-глобалистов: «Под влиянием процессов глобализации мировое сообщество практически по всем параметрам общественной жизни все больше становится единой целостной системой» [Чумаков 2014: 149].

Впервые применение концепции миграционных систем к анализу международной миграции было предпринято в конце 1980-х гг. [Fawcett, Arnold 1987; Portes, Borocz 1989] и позже получило развитие в работе «Международные миграционные системы: глобальный подход» [International... 1992]. Фактически это

была первая работа, в которой факторы, стимулирующие миграционные потоки в странах назначения мигрантов, и факторы, действующие в странах их происхождения, были рассмотрены в контексте современной глобализации, выступающей дополнительным стимулом для миграции.

Собственно, этим же путем пошли авторы книги «Мир в движении: осмысление международной миграции в конце тысячелетия» [Massey *et al.* 1998], которые выбрали методологической основой своего исследования анализ миграционной картины современного мира через существующие крупнейшие миграционные системы: Североамериканскую, Европейскую, систему стран Персидского залива, Азиатско-Тихоокеанскую и Южноамериканскую. Это позволило авторам рассмотреть современную международную миграцию как «улицу с двусторонним движением», связывающую конкретные места/районы/страны происхождения и назначения мигрантов и формирующую устойчивые связи между всеми участниками этого движения.

Миграционной системой называют группу стран, между которыми существуют относительно масштабные и устойчивые миграционные связи, которые являются результатом действия исторических, культурных, политических, экономических, демографических и политических факторов и приводят к структурным трансформациям в странах въезда и выезда мигрантов, воспроизводящим направление миграционных потоков и придающим этим потокам устойчивость. Миграционная система может включать в себя подсистемы и быть связанной с другими миграционными системами через внешние для нее миграционные потоки. Деление мира на миграционные системы имеет условный характер, так как одни и те же страны могут являться частями разных миграционных систем и именно это позволяет говорить о мире как о единой глобальной миграционной системе.

Крупная миграционная система может включать в себя подсистемы и быть связанной с другими системами через внешние для нее миграционные потоки. Например, Центрально-Азиатская миграционная система, центром которой считают Казахстан, является составной частью более крупной Евразийской миграционной системы.

Упомянув, что концепция миграционных систем стоит несколько особняком в общем списке миграционных теорий, мы имели в виду, что она как бы впитывает в себя все имеющиеся теории, поскольку формирование миграционных систем происходит на основе всех тех факторов, которые выявлены и формализованы авторами других теорий, а к ним добавлены конкретно-исторические факторы, действующие в данных конкретных обстоятельствах.

Устойчивость миграционных связей в системе может определяться как историческими причинами (например, колониальные отношения или политические союзы), так и взаимной экономической заинтересованностью стран в миграционном обмене, которая обуславливает возникновение и сохранение миграционного движения определенной направленности. При этом причины, по которым возникают те или иные миграционные потоки, могут отличаться от тех причин, по которым они существуют в дальнейшем, и от тех, в результате которых они прерываются. Так, миграционный поток из колоний в Великобританию был инициирован англичанами для пополнения рабочей силы в сельском хозяйстве, на шахтах и в строительстве. Во время Второй мировой войны так называемые представители этнических меньшинств привлекались для службы в королевских военно-

воздушных силах и для работы на фабриках по производству военного снаряжения. В 1950–1970-е гг. иммигранты из бывших колоний внесли большой вклад в восстановление и развитие британской экономики. Жесткое ограничение иммиграции после 1973 г. уже не могло остановить поток мигрантов: теперь они ехали по линии воссоединения семьи, поскольку иммигрантская община в Великобритании к тому времени насчитывала уже почти 1 млн человек. Более 80 % въехавших в Великобританию в 1980-х гг. – это члены семей ранее прибывших мигрантов. В конце столетия миграционный поток из бывших британских колоний был уже в большей степени сориентирован на США: на Индию, например, приходилось почти 15 % въезжавших в США в 1991–1996 гг., а индийские программисты заняли значительную долю рынка специалистов в области компьютерных технологий.

Как мы уже упоминали, в мире существует несколько крупнейших миграционных систем: Североамериканская, Европейская, система, объединяющая страны Персидского залива, Азиатско-Тихоокеанская, Южноамериканская, Евразийская¹. Эти миграционные системы, помимо устойчивых «внутренних», внутрирегиональных миграционных потоков, связаны множеством миграционных связей с другими, «внешними» для них странами и регионами. Так, например, Азиатско-Тихоокеанский регион, имея свои собственные региональные центры притяжения трудовых мигрантов, такие как Австралия, Корея, Сингапур, Малайзия, Тайвань, Гонконг, Япония, в то же время тесно связаны с другими глобальными миграционными системами – Северной Америкой, Европой, странами Персидского залива. Именно это позволяет считать Азиатско-Тихоокеанский регион одной из *мировых* миграционных систем. Точно так же Евразийская, самая «молодая» из мировых миграционных систем, имея крупный центр притяжения мигрантов в лице России и в последние годы Казахстана, одновременно выступает «поставщиком» значительного числа мигрантов для других глобальных систем, прежде всего Северной Америки и Европы.

Особенностью современного этапа развития глобальной миграционной ситуации становится тот факт, что в роли центров миграционных систем могут выступать не страны в целом, а крупные города-мегаполисы. Это могут быть так называемые «глобальные города» (Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Лондон и т. д.), которые концентрируют в себе функции глобальных финансовых центров и одновременно являются центрами притяжения большого количества мигрантов. Это могут быть также менее значимые в глобальном масштабе крупные региональные мегаполисы – Барселона, Гамбург, Милан, Сидней, Торонто, Монреаль, Москва, Стамбул, Каир, Бангкок, Сан-Паулу и т. д. [Sassen 1998]. Экономика этих городов, структура их рынка труда уже находятся в значительной зависимости от присутствия рабочих-мигрантов, а сложившиеся там многочисленные мигрантские общины способствуют поддержанию миграционного притока в необходимом объеме и фактически выступают важным структурным элементом их экономического развития.

¹ Первые пять миграционных систем достаточно подробно описаны и проанализированы в западной литературе [см.: International... 1992; Massey *et al.* 1998; Zlotnik 1996]. Внимание исследователей было также привлечено к региональным подсистемам, например (под)системе, связывающей США и Мексику, (под)системе, связывающей североафриканские страны с Европой, (под)системе, включающей Германию и Турцию [De Haas 2007; Canales, Mendoza 2001; Conway, Cohen 1998; Rubenstein 1992; Fawcett, Arnold 1987]. Попытки описать и концептуализировать Евразийскую миграционную систему были предприняты автором данной статьи [Ивахнюк 2007; 2008; Ivakhniouk, Iontsev 2005].

Концепция миграционной взаимозависимости. Весьма отчетливо взаимодействие миграции и глобализации отражено в *концепции миграционной взаимозависимости*², которая, с одной стороны, является логическим продолжением концепции миграционных систем, а с другой – опровергает упоминавшуюся выше концепцию зависимого развития, имевшую широкое распространение в 1970–1980-х гг. и интерпретировавшую международную миграцию как один из инструментов, закрепляющих зависимый характер развития менее развитых стран от более развитых [Frank 1972; Baran 1973]. За прошедшие десятилетия геополитическая картина мира существенно изменилась. Отношения зависимости между странами во многом приобрели характер *взаимной* зависимости. Теоретиками глобализации описаны процессы глобальной взаимозависимости, выражающиеся в таком направлении развития международной кооперации производства, международного разделения труда, внешней торговли и международных экономических отношений в целом, при котором нормальное развитие национальных экономик становится невозможным без участия в этих процессах. Глобализация создает мощные стимулы для адаптации стран к стремительно формирующимся новым мировым реальностям, поскольку только через развитие стран *во взаимодействии* может быть обеспечено мировое равновесие [Белл, Иноземцев 2007: 213; Киш 2010].

Одной из таких новых мировых реальностей является возросшая зависимость более развитых стран от притока мигрантов из менее развитых стран. Уже сейчас в большинстве западноевропейских стран иностранные работники составляют 10–15 % занятых, а в «традиционных» странах иммиграции – Австралии, Канаде, США – порядка 18–20 % рабочей силы. В городах эти показатели существенно выше. Целые ниши рынка труда в развитых странах (подсобные работы на производстве и в строительстве, уборка улиц и помещений, работа по дому, частные услуги по уходу за пожилыми и детьми и т. д.) оказываются закрепленными за мигрантами, и от их притока зависит функционирование ряда отраслей, таких как строительство или сельское хозяйство [Taran 2013]. Демографические прогнозы говорят о неизбежном сокращении численности трудовых ресурсов в более развитых странах в ближайшие десятилетия на фоне увеличения доли пожилого населения. Это означает усиление зависимости данных стран от притока мигрантов, которые призваны пополнить рынок труда. Фактически присутствие иностранной рабочей силы на рынках труда индустриальных и постиндустриальных государств превратилось в постоянно действующий фактор, обеспечивающий устойчивость и конкурентоспособность их экономик [Ивахнюк 2008: 94].

С другой стороны, для менее развитых стран зависимость от миграции определяется ограниченными возможностями национальных рынков труда обеспечить занятость относительно избыточного населения трудоспособного возраста. «Клапан миграции», открывающий доступ к рынкам труда других государств, не только сокращает безработицу на национальных рынках труда, но дает дополнительные ресурсы для экономического развития стран выезда. Экспортируя трудовые ресурсы, эти страны обеспечивают возвратные финансовые потоки в виде денежных переводов мигрантов. Масштаб мигрантских переводов в последние годы

² Об этом направлении развития миграционной теории автор писала в журнале «Век глобализации» (Ивахнюк 2011а).

существенно возрос. Их значение для стран выезда не ограничивается улучшением условий жизни мигрантских домохозяйств; они превращаются в средство улучшения макропоказателей финансового положения стран и выступают как инвестиционный ресурс развития бизнеса.

Миграционная взаимозависимость означает, что через механизм международной миграции происходит взаимное восполнение дефицита факторов производства (труда и капитала), без которого ни более развитые страны, являющиеся импортерами трудовых ресурсов, ни менее развитые государства, выступающие экспортерами трудовых ресурсов, не могут обойтись. Современная глобализация создала условия, когда трудовая миграция превращается в необходимый, во многом безальтернативный ресурс, обеспечивающий экономическое развитие как принимающих стран, так и стран происхождения. Тот факт, что эти группы государств оказываются в отношениях взаимной зависимости, подталкивает их к поиску партнерских форм взаимодействия и укреплению интеграции³.

Начало XXI в.: изменение исследовательского фокуса

На рубеже XX и XXI вв. в развитии миграционной теории произошло заметное смещение акцентов. Нынешнее направление научного поиска нацелено не столько на интерпретацию *причин* и *факторов* миграции, что уже предложено различными, признанными в большей или меньшей степени концепциями (многие из которых рассмотрены выше), сколько на объяснение *механизма, последствий* и *перспектив* миграции населения в глобальном контексте социальных, экономических и демографических трансформаций. Иными словами, идет поиск понимания того, что несет с собой нарастающая глобальная миграционная волна и как жить в новом, ставшем «миграционным», мире.

Здесь следует указать, что в начале XXI в. глобализация стала непосредственным объектом изучения ученых-миграциологов, так как очевидно проявились взаимосвязь и взаимовлияние этих двух процессов. Концепции, объясняющие современную глобализацию, позволили глубже взглянуть на природу международной миграции и ее роль в современном развитии. Книга теоретиков глобализации из Стэнфордского университета [Held *et al.* 1999] объясняет миграцию в эпоху глобализации не просто с позиции моделей неоклассиков, структурных изменений или экономических переменных, которыми оперирует концепция «притяжения и выталкивания». Они уделяют особое внимание современному политическому, экономическому и социокультурному контексту миграции, фокусируясь на воздействии государственной политики, социальных сетей, идей, информации и институтов.

Миграция и глобализация ставятся рядом на обложках научных книг, анализируются возможности и ограничения для расширения свободы передвижения людей в мире, где происходит ликвидация барьеров для перемещения товаров, услуг, капиталов, информации [Stalker 2000; Migration... 2005; Findlay 2001; Kahanec, Zimmermann 2008; Solimano 2010].

³ О том, как конкретно (на примере государств постсоветского пространства) формируется миграционная взаимозависимость стран Евразийской миграционной системы – через действие демографических факторов, структурные трансформации рынков труда в принимающих странах и странах выезда, через возрастающую роль денежных переводов мигрантов, а также через механизм трансграничного взаимодействия, осуществляемого национальными диаспорами, см.: [Ивахнюк 2008].

Наиболее выделяются два направления современных исследований: 1) интеграция мигрантов, а именно – поиск моделей социально-культурного взаимодействия мигрантов и принимающего общества, национальная идентичность мигрантов, в том числе мигрантов второго поколения; 2) воздействие миграции на развитие – на глобальном и региональном уровнях, на уровне принимающих стран и стран происхождения, а также на индивидуальном уровне, то есть развитие самих мигрантов.

В рамках первого направления всплеск исследований связан прежде всего с нарастанием антииммигрантских настроений во многих принимающих странах, где общество так и не сумело адаптироваться к прежним волнам иммигрантов, что оказывается весьма неблагоприятным фоном для формирования и осуществления миграционной политики [см., например: Massey, Sanchez 2010]. Фактически к началу XXI в. интеграция мигрантов оказалась самым острым вопросом среди тех новых миграционных вызовов, с которыми столкнулся современный мир. Об этом говорят и жесткие столкновения между мигрантами и коренными жителями во многих странах, и данные социологических опросов жителей больших городов, в которых фиксируется рост недовольства коренных жителей присутствием мигрантов. Об этом же свидетельствует повышение роли неформальных интеграционных практик мигрантов посредством социальных сетей как альтернативы оказавшейся неэффективной официальной государственной политике в области интеграции мигрантов.

Все это говорит о том, что на фоне объективно возрастающих масштабов международной миграции, стимулируемых потребностями рынков труда, снижается интеграционный потенциал принимающих обществ, а поиск оптимальных моделей интеграции мигрантов становится наиболее сложной составляющей миграционной политики [ИОМ 2010; Council... 2010].

Глобализация, которая сама по себе является вызовом для национальной идентичности, приводит ко все большему «смешению народов» в результате возрастающей миграции. Многие усматривают в мигрантах угрозу своей национально-государственной идентичности, в результате формируется ксенофобия, то есть боязнь чужаков, конкретизирующаяся в мигрантофобию. В качестве альтернативы ставится вопрос о принципах формирования транснациональной идентичности, отвечающей реальностям глобализованного мира [Castles, Davidson 2000; Castles, Miller 2003; Migration, Diasporas... 1999; Portes 1996].

Особое место в исследованиях занимает интеграция в принимающем обществе второго поколения мигрантов – новых граждан с «мигрантскими корнями», часть из которых отчаянно стремится стать частью мейнстрима общества новой родины, в то время как другие остаются изгоями, для которых реальностью является «социальная исключенность» и закрыты социальные лифты [Ethnicities... 2001]. Применявшиеся в разных странах модели интеграции многообразны – от философии «плавильного котла» (*melting pot*) в США до модели мультикультурализма во многих странах Западной Европы. Однако и та и другая модели оказались отвергнутыми из-за своей несостоятельности. В Соединенных Штатах теперь доминирует концепция «салата» (*salad bowl*), в котором каждый индивидуум сохраняет свою этнокультурную идентичность под соусом «социального единения» [Huntington 2004; Kolb 2009]. В Европе происходит настойчивый поиск но-

вых моделей включения мигрантов в социум, от которого ожидают «активной толерантности» [Tønder 2013].

Даже США – страна мигрантов – испытывает кризис национальной идентичности. С. Хантингтон объясняет это рядом факторов – от влияния экономической глобализации и формирования глобальных наднациональных идентичностей до эффекта массового присутствия в стране мексиканских мигрантов и беспрецедентного усиления доли и влияния испаноязычного населения [Huntington 2004: 147, 222–229].

Именно в рамках этого направления появилась алармистская концепция *третьего демографического перехода* [Коулмен 2007], которая доказывает, что в европейских странах в результате миграции из этнически, религиозно и культурно дистанцированных стран и более высоких показателей рождаемости среди мигрантов происходит неуклонный рост доли последних и соответственно постепенное вытеснение коренного населения. Таким образом в Европе происходит замена европейской цивилизации на иную, пришлую цивилизацию, которую можно называть мусульманской, арабской, азиатской – важно, что она неевропейская.

В рамках второго из указанных выше современных векторов концептуализация последствий миграции была институционализирована созданием Глобальной комиссии по миграции и развитию, инициировавшей большую исследовательскую работу по этой теме в преддверии Диалога высокого уровня по миграции и развитию в рамках Генеральной Ассамблеи ООН в 2006 г. В результате глобального обсуждения в ООН вопросов миграции была даже создана должность Специального представителя Генерального секретаря ООН по миграции и развитию. Фактически была сформулирована политическая задача доказать взаимную выгоду процессов современной миграции для принимающих стран и стран выезда и тем самым задано направление исследований [Migration... 2005].

Огромные суммарные денежные переводы мигрантов в свои страны дали основания по-новому оценить роль международной миграции для глобального развития, представив страны происхождения мигрантов равноправными участниками мирового развития [Remittances... 2005; International Migration... 2006], хотя звучат и скептические оценки такой интерпретации переводов, которые являются не более чем частью заработка мигрантов [De Haas 2005]. Тем не менее результаты многочисленных исследований, финансировавшихся преимущественно Организацией Объединенных Наций и Всемирным банком, были положены в основу доклада Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна «Международная миграция и развитие», основная идея которого заключалась в том, что международная миграция является идеальным средством содействия *взаимному* развитию, то есть скоординированному последовательному улучшению экономических условий как в районах, «отдающих» мигрантов, так и в районах, их «принимающих», на основе их взаимодополняемости и сбалансированности [Доклад... 2006].

С одной стороны, это отражает реальную картину ускорения экономического развития в целом ряде стран глобального «Юга» [см.: Доклад... 2013]. Но с другой стороны, активные доказательства того, что страны происхождения получают свою выгоду от международной миграции, сопоставимую с выгодой принимающих государств, представляются политически ангажированными. Признавая, что благодаря участию в международной трудовой миграции и получению денежных

переводов менее развитые страны получают возможность повысить уровень доходов части населения, сократить бедность, понизить безработицу на национальных рынках труда, расширить внутренний потребительский рынок и даже повысить инвестиционный потенциал, тем не менее нужно признать, что эти выгоды несопоставимы с конкурентными преимуществами, которыми обеспечивают себя развитые страны за счет привлечения трудовых мигрантов, особенно если речь идет о высококвалифицированных специалистах.

Миграция высококвалифицированных кадров – новые концептуальные парадигмы

Миграция высококвалифицированных кадров приобрела принципиально новое значение в условиях глобализации. Во-первых, возросшее значение науки в социально-экономическом развитии превратило интеллектуальный труд в важнейший фактор устойчивого развития и повышение мобильности высококвалифицированной рабочей силы, например ученых и исследователей, является объективной реальностью современного мира, поскольку осуществление масштабных исследовательских проектов силами одной страны все чаще просто невозможно. Во-вторых, благодаря процессам глобализации высокообразованные талантливые люди получили невиданные прежде возможности беспрепятственного передвижения по миру. Они реально стали частью новой глобальной экономики. Страны конкурируют между собой за таких мигрантов, для них разрабатываются специальные каналы иммиграции, предлагаются разного рода стимулы, от преференций в получении гражданства до налоговых льгот [Solimano 2010]. В-третьих, благодаря интернационализации системы образования и роста числа иностранных студентов в университетах мира, а также расширения деятельности ТНК, привлекающих многонациональный персонал из разных стран, формируются социальные миграционные сети принципиально нового типа, когда решение о миграции принимается с опорой на рекомендации коллег и бывших соучеников по университету, какой бы национальности они ни были. В основе таких миграционных сетей лежат образование и профессионализм, в то время как национальная принадлежность размывается – в отличие от рассматривавшихся выше миграционных сетей, основывающихся на родственных или национальных связях, типичных для неквалифицированных и низкоквалифицированных мигрантов.

Современные ученые анализируют межгосударственную интеллектуальную миграцию как следствие определенного этапа глобализации мирового хозяйства и расширения деятельности транснациональных корпораций [Lowell, Findlay 2001]. Глобализация трансформирует миграционные потоки в соответствии с движением капиталов и приводит к активизации миграции высококвалифицированных кадров, которые переезжают из одной страны в другую в качестве сотрудников межнациональных компаний. Поскольку расширение деятельности ТНК происходит в значительной мере в направлении развивающихся стран, куда следом за ними направляется поток квалифицированных кадров, этот факт дает основание исследователям говорить о качественно новом этапе миграционного взаимодействия развитых и развивающихся стран. Отток квалифицированных кадров, от которого страдает экономика развивающихся государств, якобы компенсируется встречным потоком специалистов из развитых стран. В последние годы в работах западных экономистов все чаще встречаются призывы пересмотреть концепцию

«утечки умов», которая уже в течение 50 лет является одной из основных закономерностей межгосударственной интеллектуальной миграции в мире. Взамен предлагается концепция «обмена умами» (*brain exchange*) или «циркуляции умов» (*brain circulation*) [Эпплеярд 2002; Findlay 2001; Iredale 2001; Сегал 2007]. Утверждается, что процесс «утечки умов» может даже пойти на пользу странам, из которых мигранты выезжают на заработки, поскольку эта миграция «компенсируется» потоком денежных переводов из принимающих стран [Сегал 2007: 224]. Более того, доказывается, что более образованные мигранты зарабатывают и соответственно отправляют на родину большие суммы денег, так что «обеспечивают доход и позволяют справиться с бедностью более бедным и менее образованным членам семьи и в некоторой степени нейтрализуют эффекты потери человеческого капитала» [International Migration... 2006: 33].

С этим нельзя не согласиться. Если высококвалифицированные мигранты возвращаются, при этом **с набором новых знаний и навыков, повышенной квалификацией, знанием иностранных языков, наработав международные связи и получив опыт научной и практической деятельности в рыночной среде** [Globerman, Shapiro 2008: 13], то это нельзя расценивать иначе чем выигрыш для страны происхождения, получившей усовершенствованный человеческий капитал. **Кроме того, некоторые исследователи отмечают, что высококвалифицированные** эмигранты подчас способствуют обратным инвестициям и трансферу технологий. К примеру, около 70 % объема всех прямых инвестиций в Китай имеют источником китайскую диаспору за границей, прежде всего в Юго-Восточной Азии [Кириченко 2007: 22–23].

Но происходящий процесс «обмена умами» отнюдь не отрицает и продолжающейся «утечки умов» из развивающихся стран. О каком равноценном «обмене умами» можно говорить, когда, по оценкам, только финансовые потери развивающихся стран от «утечки умов» за 1970–2000 гг. превысили 60 млрд долларов, а общие объемы интеллектуальной эмиграции из развивающихся стран составили от 10 до 30 % их интеллектуального потенциала? [Ионцев, Алешковский 2008: 81.] «Утечка умов» возникает тогда, когда временная трудовая миграция работников интеллектуального труда приобретает безвозвратный характер. Это означает утрату странами-донорами части своего интеллектуального потенциала, что чаще всего крайне негативно сказывается на перспективах их научно-технического и экономического развития.

Кроме того, следует учитывать, что интеллектуальная миграция используется сегодня более развитыми странами мира как инструмент в конкурентной борьбе за построение постиндустриального информационного общества. В современном мире, где знания и научный прогресс становятся важнейшей самостоятельной производительной силой, привлечение интеллектуальных ресурсов из других стран может не просто обеспечить преимущество на пути социально-экономического развития, но изменить соотношение сил в глобализирующемся мире.

Управление миграционными процессами в эпоху глобализации: парадоксы и противоречия

Осмысление глобализации не только дает новый ключ к пониманию механизмов и последствий международной миграции, но ставит вопрос о скоординированном управлении миграционными процессами. «Вполне очевидно, что чело-

вечество подошло к тому рубежу, за которым лишь стихийно складывающееся регулирование общественных отношений продолжаться уже не может. Оно должно быть дополнено теперь сознательно и целенаправленно выстроенным управлением всей этой системой, ибо мир глобальных отношений без эффективного глобального управления обречен на серьезные испытания» [Чумаков 2010: 7].

Поиск форм и методов скоординированного управления процессами международной миграции стал в настоящее время самостоятельной исследовательской задачей. Казалось бы, глобализация, основной чертой которой является открытость, должна сопровождаться либерализацией миграционных режимов и более свободным передвижением людей через государственные границы – как это произошло в XX в. с движением капиталов, товаров, технологий и информации и создало новые условия для развития мировой экономики. Но на самом деле возросшие коммуникационные, транспортные, информационные возможности для передвижения людей – это лишь одна сторона дела, которая действительно привела к повышению территориальной мобильности людей. Другая сторона – это политика государств в отношении притока мигрантов, и здесь возникают проблемы. На пути мигрантов воздвигаются административные и правовые барьеры в виде ограничений на въезд, пребывание, проживание, трудоустройство, социальную защиту и т. д.

Право на свободное передвижение, которое является не просто одним из основных прав человека, но также условием развития процессов глобализации, сталкивается с сохранением контроля со стороны государств над передвижением людей, аргументируемого защитой национального рынка и сохранением национальной идентичности. В результате на фоне свободного перемещения капиталов и информации «люди оказываются менее мобильны: они всегда принадлежат к какому-нибудь государству, зависимы от паспорта, визы, разрешения на проживание и конъюнктуры на рынке труда» [Hirst, Thompson 1995: 410]. Фактически принимающие страны, выстраивая преграды на пути передвижения трудовых ресурсов, действуют *против глобализации*. Сложилась парадоксальная ситуация: XX век отмечен ускорением процессов глобализации и все большей открытостью экономических систем, одновременно в XX же веке выстраиваются и все более совершенствуются механизмы ограничения миграции людей. Иммиграционные акты, введенные в США в 1917, 1921 и 1924 гг., начали историю ограничения миграции в мире. После Второй мировой войны в Европе появились въездные визы для иностранных граждан, а после экономического кризиса 1973 г. ограничение миграции стало повсеместной практикой в европейских странах.

В результате объективная тенденция усиления мобильности людей в поисках возможностей лучшего использования своего трудового потенциала в глобализированной экономике выливается в иррациональные и крайне неэффективные формы развития миграции в мире, сопровождающиеся появлением огромных масс нелегитимных перемещений, криминализацией миграции и маргинализацией больших групп мигрантов [Martinez 2009].

Противоречия, присущие периоду глобализации, в миграционной сфере проявляются в виде превращения миграции в глобально организованный разветвленный международный криминальный бизнес, включающий разнообразные миграционные услуги, начиная от помощи в получении визы и поиске рабочего места до незаконной переправки людей через границы и торговли людьми, манипули-

рующий сотнями тысяч рабочих мест по всему миру и управляемый сетью организаций и институтов. В таких условиях регулирование миграционных потоков может быть результативным только в том случае, если оно будет итогом скоординированных усилий принимающих стран и стран происхождения мигрантов, создания общих баз данных по миграции, международных институтов, регулирующих трудоустройство на мировом рынке труда.

Не будет преувеличением сказать, что регулирование миграции в условиях глобализации становится возможным только при совместных усилиях большинства стран мира (в первую очередь наиболее крупных и наиболее развитых из них), то есть посредством многостороннего международного сотрудничества [Solimano 2010]. Очевидно, что это касается прежде всего проблем, порождаемых растущим числом беженцев или все увеличивающимися масштабами нелегальной миграции, которые приобрели действительно глобальный характер. В меньшей степени это относится и к международной трудовой миграции, поскольку обеспечение правовых гарантий для граждан одних стран, работающих в других странах, стало важной составной частью глобального процесса борьбы за права человека. Главная идея подхода, основанного на уважении прав человека, в качестве базиса межгосударственного сотрудничества в сфере управления трудовой миграцией заключается в снижении риска эксплуатации людей, которые чаще всего *вынуждены* искать работу вне границ собственной страны, поскольку родина на нынешнем этапе своего развития не может обеспечить им занятость и заработок [Таран 2010: 69].

В условиях взаимосвязанного, взаимозависимого мира управление трудовой миграцией непременно должно носить системный характер. Основной его принцип можно обозначить как «согласованную многосторонность». Во-первых, это означает формирование единых, принимаемых как странами въезда, так и странами выезда подходов к пониманию возможностей управления миграционными процессами. Важно, чтобы диалог о миграции велся на одном языке. Во-вторых, придание нового импульса межгосударственному сотрудничеству в миграционной сфере путем конкретизации международных норм и гармонизации национальных законодательств. В-третьих, построение двусторонней, включающей взаимные обязательства принимающих стран и стран происхождения, модели реализации прав человека как основы международного взаимодействия. В-четвертых, формирование новых акцентов в реализации согласованного управления миграцией через достижение договоренностей с заинтересованными негосударственными институтами⁴.

Впрочем, пока подход, основанный на уважении прав мигрантов, как и равноправное участие стран происхождения мигрантов и принимающих стран в вопросах управления миграционными процессами, является скорее пожеланием, чем реальностью. На самом деле во многих случаях права мигрантов не просто ограничены, но и не соблюдаются, что превращает мигрантов в одну из наиболее уязвимых групп населения [Таран 2013]. Именно мигранты становятся первыми жертвами экономических потрясений, и за их счет правительства и работодатели в развитых странах стремятся решить вопросы сохранения конкурентоспособности бизнеса. Глобальный экономический кризис 2008–2010 гг. показал это со всей очевидностью.

⁴ Подробнее об этом читайте: Ивахнюк 2011б.

В сферу регулирования миграции подчас жестко вмешивается международная политика. Казалось бы, в мире уже давно существует устоявшийся международный порядок, регулирующий деятельность государств, столкнувшихся с притоком беженцев, и оказание таким государствам международной помощи по линии Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, Международного комитета Красного Креста и других гуманитарных организаций. Однако Россия, испытывавшая на себе приток сотен тысяч беженцев и вынужденных переселенцев из Украины в 2014 г. в связи с военными действиями, оказалась фактически один на один с этой проблемой, не получая никакой помощи от международных организаций.

Поиск согласованных решений в деле управления миграционными процессами на межгосударственной основе является непростой задачей прежде всего вследствие объективного несовпадения интересов двух групп государств, участвующих в миграции как принимающие страны и страны выезда. Однако повышение в современном мире роли миграции (особенно трудовой) для обеих групп стран, рост миграционной взаимозависимости, как и вообще осознание глобальных эффектов принимаемых политических решений, настойчиво призывают к усилению межгосударственного сотрудничества в миграционной сфере. Ученые уже предлагают разные формы институционализации такого сотрудничества: в виде некой Мировой миграционной организации [Bhagwati 2003; Global... 2011] или Глобального агентства по экономической миграции в рамках ООН [Migration... 2005]. Можно сказать, что суть нового понимания возможностей совместных действий государств в целях упорядочения международной трудовой миграции заключается прежде всего в осознании необходимости скоординированного многостороннего сотрудничества в условиях глобализации и соответственно в усилении акцента на межгосударственных инструментах, координирующих деятельность участвующих в миграции стран.

Литература

Белл Д., Иноземцев В. Эпоха разобщенностей. Размышления о мире XXI века. М. : Центр исследований постиндустриального общества, 2007.

Доклад Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна на 60-й сессии Генеральной Ассамблеи «Международная миграция и развитие» 6 июня 2006 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/esa/population/migration/hld/Text/Report_of_theSG_June_06_Russian.pdf.

Доклад о человеческом развитии 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире. Программа Развития ООН, UNDP. New York, 2013.

Ивахнюк И. В. Евразийская миграционная система // Вестник МГУ. Серия 6. Экономика. 2007. № 3. С. 36–57.

Ивахнюк И. В. Евразийская миграционная система: теория и политика. М. : Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, МАКС Пресс, 2008.

Ивахнюк И. В. Международная миграция как ресурс развития (замечания в связи с глобальной дискуссией) // Век глобализации. 2011а. № 1. С. 67–79.

Ивахнюк И. В. Управление трудовой миграцией: противоречивые уроки глобального кризиса // Век глобализации. 2011б. № 2. С. 109–125.

Ионцев В. А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М. : Диалог-МГУ, 1999.

Ионцев В. А., Алешковский И. А. Тенденции международной миграции в глобализирующемся мире // Век глобализации. 2008. № 2. С. 77–87.

Кириченко Э. В. Мировая миграция населения // Миграционные процессы: социально-экономический аспект (на примере ведущих стран). М. : ИМЭМО РАН, 2007. С. 6–35.

Киш Э. Философия глобализации // Век глобализации. 2010. № 2. С. 16–32.

Коулмен Д. Иммиграция и этнические сдвиги в странах с низкой рождаемостью – третий демографический переход? // Миграция и развитие. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир» / гл. ред. серии В. А. Ионцев. Вып. 20. М. : СП Мысль, Би-Эль Принт, 2007. С. 12–48.

Сегал У. Иммиграция в США // Миграция и развитие. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир» / гл. ред. серии В. А. Ионцев. Вып. 20. М. : СП Мысль, Би-эль Принт, 2007. С. 212–231.

Таран П. Глобализация и трудовая миграция: необходимость политики, основанной на правах человека // Век глобализации. 2010. № 1. С. 66–88.

Флорес Н. Городские нелегальные миграционные сети мексиканцев в США // Тенденции международной миграции. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир» / гл. ред. В. А. Ионцев. Вып. 16. М. : МГУ, МАКС Пресс, 2006. С. 72–86.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. 2010. № 2. С. 3–15.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления // Куда движется век глобализации? / под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. Волгоград : Учитель, 2014.

Эпплеярд Р. Миграция квалифицированных кадров в глобализованном мире // Мир в зеркале международной миграции. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир» / гл. ред. серии В. А. Ионцев. Вып. 10. М. : МАКС Пресс, 2002. С. 8–19.

Baran P. On the Political Economy of Backwardness // The Political Economy of Development and Underdevelopment / Ed. by C. K. Wilber. New York : Random House, 1973. Pp. 82–93.

Global Migration Governance / Ed. by A. Betts. Oxford : Oxford University Press, 2011.

Bhagwati J. N. Borders Beyond Control // Foreign Affairs (New York). 2003. Vol. 82 (January/February). Pp. 98–104.

Canales A., Mendoza C. Migration, Remittances and Local Development in Mexico. Report presented at the XXIV IUSSP General Population Conference, Salvador, Brazil, August 2001.

Castles S., Davidson A. Citizenship and Migration: Globalization and the Politics of Belonging. London : Macmillan, 2000.

Castles S., Miller M. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. Basingstoke : Macmillan, 2003.

Conway D., Cohen J. H. Consequences of Migration, and Remittances for Mexican Transnational Communities // *Economic Geography*. 1998. No. 74. Pp. 26–44.

Council of Europe. Migrants and their Descendants. Guide to Policies for the well-being of All in Pluralist Societies. Strasbourg : Council of Europe Publishing, 2010.

De Haas H. International Migration, Remittances and Development: Myths and Facts // *Third World Quarterly*, 2005. No. 26. Pp. 1269–1284.

De Haas H. North-African Migration Systems: Evolution, Transformations and Development Linkages. International Migration Institute. University of Oxford. Oxford, 2007.

Ethnicities: Children of Immigrants in America / Ed. by R. G. Rumbaut, A. Portes. Berkeley : University of California Press, 2001.

Fawcett J. T., Arnold F. Explaining Diversity: Asia and Pacific Immigration Systems Pacific Bridges: The New Immigration from Asia and the Pacific Islands / Ed. by J. T. Fawcett, B. V. Carino. New York : Center for Migration Studies, 1987.

Findlay A. International Migration and Globalization: An Investigation of Migration Systems in Pacific Asia, with Particular Reference to Hong Kong // *International Migration into the 21st Century* / Ed. by M. A. B. Siddique. Cheltenham, UK : Edward Elgar, 2001.

Frank A. G. The Development of Underdevelopment // *Dependence and Underdevelopment* / Ed. by J. D. Cockcroft, A. G. Frank, D. Johnson. New York : Anchor Books, 1972.

Globerman S., Shapiro D. The International Mobility of Highly Educated Workers Among OECD Countries // *Transnational Corporations*. Vol. 17. No. 1. Geneva : UNCTAD, 2008. Pp. 1–37.

Held D., McGrew A. G., Goldblatt D., and Perraton J. Global Transformations: Politics, Economics, and Culture. Stanford : Stanford University Press, 1999.

Hirst P., Thompson G. Globalization and the Future of the Nation State // *Economy and Society*. 1995. Vol. 24. No. 3.

Huntington, S. P. Who Are We? The Challenges to America's National Identity. New York : Simon & Schuster, 2004.

International Migration Systems. A Global Approach / Ed. by M. Kritz, Lin Lean Lim, H. Zlotnik. Oxford : Clarendon Press, 1992.

IOM. Compendium of Migrant Integration Policies and Practices. N. p. : International Organization for Migration, 2010.

Iredale R. The Migration of Professionals: Theories and Typologies // *International Migration*. 2001. No. 39(5).

Ivakhniouk I., Iontsev V. Russia – EU: Interactions within the Reshaping European Migration Space // *International Migration. A Multidimensional Analysis* / Ed. by K. Slany. Cracow : AGH University of Science and Technology Press, 2005. Pp. 217–250.

Kahanec M., Zimmermann K. F. Migration and Globalization: Challenges and Perspectives for the Research Infrastructure. Bonn : IZA, 2008.

Kolb E. The Evolution of New York City's Multiculturalism: Melting Pot or Salad Bowl. N. p. : BoD, 2009.

- Lee E. S. A Theory of Migration // *Demography*. 1966. No. 3. Pp. 47–57.
- Lowell B. L., Findlay A. Migration of Highly Skilled Persons from Developing Countries: Impact and Policy Responses. International Labour Office, International Migration Branch. Geneva, 2001.
- Martinez S. International Migration and Human Rights: The Global Repercussions of U.S. Policy. Berkeley : University of California Press, 2009.
- Massey D. S. Social Structure, Household Strategies and the Cumulative Causation of Migration // *Population Index*. 1990. No. 56. Pp. 3–26.
- Massey D., Arago J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. Theories of International Migration: A Review and Appraisal // *Population and Development Review*. 1993. No 19. Pp. 431–466.
- Massey D., Arago J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium*. Oxford : Oxford University Press, 1998.
- Massey D. S., Sanchez R. M. *Brokered Boundaries. Creating Immigrant Identity in Anti-Immigrant Times*. New York : Russell Sage Foundation, 2010.
- Migration, Diasporas and Transnationalism / Ed. by S. Vertovec, R. Cohen. Cheltenham: Edward Elgar, 1999.
- Migration in an Interconnected World: New Directions for Action. Report of the Global Commission on International Migration, 2005.
- Myrdal G. *Rich Lands and Poor*. New York : Harper and Row, 1957.
- International Migration, Remittances, and the Brain Drain / Ed. by C. Ozden, M. Schiff. Washington, DC : The World Bank & Palgrave Macmillan, 2006.
- Portes A., Borocz J. Contemporary Immigration: Theoretical Perspectives on its Determinants and Models of Incorporation // *International Migration Review*. 1989. Vol. 23(3). Pp. 606–630.
- Portes A. *The Economic Sociology of Immigration*. New York : Russell Sage, 1995.
- Portes A. Transnational Communities: their Emergence and Significance in the Contemporary World-system // *Latin America in the World Economy* / Ed. by R. P. Korzeniewicz, W. C. Smith. Westport, CT : Greenwood Press and Praeger, 1996.
- Remittances: Development Impact and Future Prospects / Ed. by S. M. Maimbo, D. Ratha. N. p. : World Bank, 2005.
- Rubenstein H. Migration, Development and Remittances in Rural Mexico // *International Migration*. 1992. No. 30.
- Sassen S. *Globalisation and Its Discontents*. New York: The New Press, 1998.
- Solimano A. *International Migration in the Age of Crisis and Globalization: Historical and Recent Experiences*. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.
- Stalker P. *Workers Without Frontiers: The Impact of Globalization on International Migration*. Geneva : International Labour Office, 2000.
- Taran P. Migration, Discrimination: a Global Context Assessment. Key Issues, Situations and Responses. A paper presented at the ENAR Equality & Work Fifth Conference, Brussels, 5–6 December 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalmigration>

policy.org/articles/integration/Equal@Work%20Migration%20Discrimination%20Context%20Taran%20paper%206-12-13.pdf.

Tønder L. Spinoza and the Theory of Active Tolerance // *Political Theory*. 2013. No. XX(X). Pp. 1–23 [Электронный ресурс]. URL: http://www.academia.edu/3628940/Spinoza_and_the_Theory_of_Active_Tolerance.

Zlotnik H. Policies and Migration Trends in the North American System // *International Migration, Refugee Flows and Human Rights in North America: the Impact of Trade and Restructuring* / Ed. by A. Simmons. Staten Island : Center for Migration Studies, 1996. Pp. 81–103.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО КРИЗИСА СОВРЕМЕННОСТИ

Глуховцев В. О., Салахова А. И.*

В статье анализируются глобальные проблемы современного мира и их исторические предпосылки, сделан вывод: современная европогенная цивилизация пребывает в системном кризисе, имеющем кардинальной причиной устаревшую онтологию, фундаментальные постулаты которой сформированы в XVI–XVII вв. (авторы называют эту картину мира «Гераклитовой антропокосмологией»). Разрешение кризиса видится в идее неогеоцентризма, изменяющей онтологический ранг планеты Земля во Вселенной и раскрывающей пространственно-временной потенциал биосферы и человека.

Ключевые слова: европогенное общество, антропокосмос, технокарнавал, техномагия, цивилизационный перегрев, неогеоцентризм, «белое окно», суперойкумена.

The paper analyzes the global issues of contemporary world and their historical preconditions; the authors conclude that modern “europogenic” civilization exists under a systemic crisis whose main cause is the obsolete ontology with its basic postulates being formed in the sixteenth and seventeenth centuries (the authors call this worldview a “Heraclite’s antropocosmology”). To settle the crisis the authors propose the idea of neogeocentrism which in their view can change the ontological ranking of the Earth in the Universe and to reveal the spatial and temporal potential of biosphere and human.

Keywords: europogene society, antropocosmos, technocarnival, technomagic, civilization overheating, neogeocentrism, “white window”, superoecumene.

Слово «кризис» в обиходе современного человека заняло привычно пугающее место. Говорить о кризисе экономическом стало уже общим местом; политологи рассуждают о призраках Третьей мировой войны; исследователи современной культуры толкуют о ее вялости и деградации, о симулякрах и отсутствии смыслов. И следует признать, что эти разговоры возникли не на пустом месте. Есть улавливаемое многими ощущение перепутья. Мы – человечество – шли и шли долгим, трудным путем, пришли куда-то, а куда – не знаем.

И дело не в экономике и политике – они лишь признаки, симптомы более глубокого разлада, постигшего большую часть человеческой общности. Дело в разладе человека с реальностью, которую он в значительной степени создал сам. Поэтому выход необходимо искать в самом человеке, в коренной мировоззренческой трансформации [Чумаков 2008: 88–95].

* Глуховцев Всеволод Олегович – доцент кафедры философии, истории и права Уфимского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: shestvossem@mail.ru.

Салахова Алия Илгизаровна – студентка магистратуры Уфимского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: aliya-86@mail.ru.

Разумеется, всякий общекультурный декаданс связан с распадом устоявшейся картины мира и отсутствием новой, адекватной как социальным, так и биосферным – отметим это! – реалиям. Вот и сейчас, очевидно, наблюдается деструкция парадигмы, некогда придавшей обществу невиданный прежде взрывной темп развития, зачаровавший многих самыми что ни на есть прагматическими преимуществами.

Речь идет об идеологеме прогресса, самым краеугольным из основ которой не меньше четырех столетий: они сформированы квартетом великих (Коперник – Галилей – Декарт – Ньютон), причем особенная роль принадлежит двум первым.

Что позволяет нам утверждать это сегодня, зная о неклассической и даже постнеклассической науке? То, что наш космос – это все же антропокосмос [Урсул 2012: 17–32], это система, определяющая прежде всего место человека в мире, а потом уже все остальное.

Во-первых, положи руку на сердце, спросим: «Каким боком проблемы теории поля и квантовой механики касаются жизни рядового гражданина наших дней?» «Да никаким!» – вот честный ответ. Зато классическая механика преследует его на каждом шагу. Но главное даже не в этом.

Во-вторых (и это главное), если бы даже постнеклассическая наука вошла в привычный быт, то все равно это не вызвало бы такого грандиозного переворота в мировоззрении, как идеи Коперника и Галилея. Наверное, это непросто представить, но давайте попробуем: мы пытаемся втолковать средневековому европейцу, что планета Земля мчится в космическом просторе вокруг Солнца по такой-то орбите... и т. д. И, разумеется, в глазах этого человека выйдим сумасшедшими, даже если не брать в расчет его религиозные взгляды. Ведь повседневный опыт и здравый смысл убеждают его, что окружающий мир – нерушимая земная твердь, бескрайние просторы, а над всем этим раскинут полог неба с объектами, исполняющими служебные по отношению к человеку и Земле функции: Солнцем, Луной, звездами... Они дают нам свет, тепло, воду, урожай, а также помогают ориентироваться в пространстве – это совершенно ясно, поскольку подтверждается изо дня в день практикой в отличие от нелепых, ни с чем не сообразных фантазий о летающей Земле, которые непонятно как могли взбрести в голову.

Признаемся: мы сознательно обострили эту сценку. Мы хотели, чтобы читатель как можно глубже прочувствовал, какой невероятный душевный перелом должен был пережить европогенный мир, чтобы из человека XVI столетия, убежденного в том, что он и Земля пребывают в центре мироздания, получился человек XVIII в., знающий, что его Земля – самая рядовая планета, наряду с другими вращающаяся вокруг Солнца! А он сам никакой не «столп бытия», а мелкое бренное существо в огромной Вселенной... И давайте сравним эту коллизию с ближайшей к нам: чем мы в онтологическом плане отличаемся от людей XIX столетия? Да, разумеется, между нами лежит XX в., бурная эпоха, но общепринятое место человека осталось тем же. «Безумные идеи», усложнив структуру физического космоса посредством черных дыр, темных энергий и материй, никак не изменили самой сердцевины онтологии – позиции и значимости человека в мире. В этом смысле современных школьников учат ровно тому же, чему учили гимназистов сто пятьдесят лет назад: в практически бесконечном пространстве Вселенной, среди практически бесчисленного множества планет и звезд затеряна одна

ничтожно малая планета Земля, населенная совсем уж микроскопическими во вселенском масштабе существами, среди которых и мы с вами – люди.

Конечно, на уроках астрономии нет места этическим императивам; но вот онтологически что есть, то есть: современные учителя разъясняют детям именно такую схему космоса, в которой наша жизнь не стоит ничего.

А потом ученики выходят из кабинета астрономии и идут на уроки литературы, обществознания, где им говорят об абсолютно противоположном: что человек – это звучит гордо, а человеческая жизнь – величайшая ценность, права человека священны, и вообще, человек – суть вершина эволюции Вселенной.

И возникает закономерный вопрос: а как же одно согласуется с другим – ничтожество планеты Земля вместе со всеми населяющими ее людьми в научной картине мира и человек как наивысшая ценность бытия в картине гуманитарно-социальной?

А никак не согласуется.

По правде говоря, это должно было быть ясно с самого начала – с отказа от геоцентризма и появления новой физики Галилея. Ведь оба этих концепта делали человеческий мир куда более шатким и тревожным по сравнению с прежним! И мы готовы разъяснить, почему так происходит.

Если с гипотезой Коперника все ясно как на ладони (Земля перестает быть центром мироздания, следовательно, человек автоматически понижается в онтологическом ранге), то с идеями Галилея дело обстоит не столь очевидно, но тем интереснее в них разобраться. Постараемся сделать это как можно более популярно.

Представим самое наглядное физическое тело: шар на столе. В каких состояниях может пребывать этот шар? Наверняка и сейчас, номинально владея знанием классической механики в объеме школьного курса, наш усредненный современник обратится не к ней, а к примитивному здравому смыслу и скажет, что таких состояний может быть два: шар либо движется, либо не движется, и этим ответом он отошлет себя к Аристотелю, на ветхих умозрениях которого и покоилась догалилеева физика. Он действительно считал, что материальные тела могут находиться в двух состояниях: покоя или движения.

Галилей увидел эту проблему иначе.

Он уловил тонкость, ранее никем не замеченную: движение бывает различным. Есть движение с постоянной скоростью, а есть с переменной (с ускорением или торможением). И эти два вида движения принципиально различны: в первом случае тело будет теоретически двигаться сколь угодно долго с неизменной скоростью, а во втором будет ускоряться, опять же теоретически разгоняясь до немыслимо бешеной скорости; согласитесь, очень разные картины! Таким образом, существуют не два, а три состояния тела: неподвижность ($V = 0$), инертное движение ($V = constanta$) и изменчивое движение ($V = variativ$).

Но Галилей на этом не остановился.

Он задался следующим вопросом: а какая, собственно, разница между V_0 и V_{const} ? И ответил: принципиально – никакой. Ведь неподвижность (покой) есть всего лишь частный случай движения с постоянной скоростью: она равна нулю, только и всего. Прежний расклад: всякое тело либо покоится, либо движется – Галилей заменил аксиомой: всякое тело движется либо с постоянной скоростью,

либо с переменной. Иначе говоря, если метода Аристотеля не видела разницы между V_{const} и V_{var} , то Галилей отменил различие между V_0 и V_{const} (рис. 1).

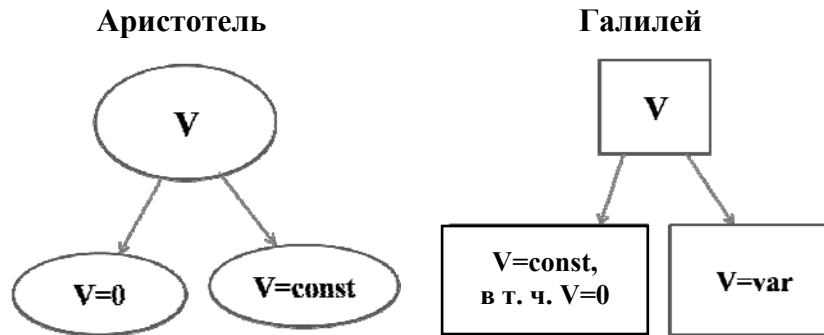

Рис. 1. Методика классификации движения физических тел в концепциях Аристотеля и Галилея

Надо ли долго объяснять, какой колоссальный слом в мировосприятии означал этот маленький мысленный шаг, наверняка не замеченный почти никем, да и после-то, как мы видим, мало кем замечаемый?! Но это был первый камешек, вызвавший лавину. Ведь противопоставление идеи Галилея Аристотелевым воззрениям, в сущности, не что иное, как противопоставление «текучести» Гераклита постоянству элеатов – во всяком случае, в Платоновой интерпретации. А это кардинальная оппозиция. Мироздание элеатов – прочная основа бытия под внешней шелухой изменений, его базовый принцип – «бесчисленно изменяясь по мелочам, мир не меняется в главном». Ну а Вселенная Гераклита – «все течет, все меняется», ни центра, ни иерархической системности у нее нет, это стихия роковых сил и случайностей.

И если в жизни большинства современников Коперника и Галилея не было места выдумкам умников-одиночек, то, разумеется, нашлось меньшинство, которое прекрасно распознало возможные последствия. Церкви, как Римская, так протестантские, в лице теологически и философски образованных элит безошибочно уловили, что означает в метафизическом смысле переход от геоцентризма и стабильности универсума к принципиальным ацентризму и бесконечной изменчивости космоса, иначе – от Ксенофана и Парменида к Гераклиту. Это не что иное, как распад мировоззренческой целостности, этически и эстетически совершенной системы, где Бог, бессмертие, человек и Вселенная составляют живую гармонию, на сомнительный набор противоречащих один другому тезисов, чье практическое суммарное использование закономерно ведет к постепенной хаотизации душевного, а вслед за ним и социального мира.

Меньше всего нам хотелось бы, чтобы у читателя сложилось впечатление: мы, авторы, стремимся доказать, что курс, выбранный европогенным человечеством после грандиозного мировоззренческого и социального переворота XVI–XVII вв., стал трагической ошибкой, одним из величайших заблуждений в истории. Вовсе нет! «Гераклитова» интерпретация космоса придала невиданный динамизм научной мысли – не в обиходном, но в сугубо специальном смысле, когда расплывчатое слово «наука» строго понимается как «эмпирико-логическое моде-

лирование». Оно оказалось чрезвычайно эффективной методой освоения рассеянных в природе сил, о чем человечество всегда мечтало: посредством, например, магии. И «Гераклитова» космопарадигма с ее подвижностью, изменчивостью, принципиальным отсутствием покоя, очевидно, оказалась превосходной базой для создания теоретических моделей эмпирической реальности, а те, в свою очередь, привели к созданию устройств, чрезвычайно усиливших операционные возможности человека.

Конечно, мы говорим о научно-техническом прогрессе (далее НТП). В чем его цель? Мы считаем, в дополнении человеческого организма искусственными энергоконцентрирующими конструктами, предназначенными для максимального расширения и развития функционального пространства организма и обеспечения ему максимального комфорта. Что представляет собой, скажем, автомобиль, увиденный с данной точки зрения? Вот мы садимся на сиденье, захлопываем дверцу, кладем руки на руль, ставим ноги на педали... то есть, собственно, «надеваем» автомобиль на себя как некий технокостюм с целью быстрого и комфортного перемещения. А можно взглянуть и иначе: «надев» автомобиль, мы временно превращаем себя в кентавра! А что такое в этом случае боевой самолет?.. Ясно что: другое техноодеяние, облекшись в которое, пилот временно превращает себя в дракона, способного снести с лица земли целый город.

Вряд ли мы погрешим против сути дела, если скажем так: сциентический и технологический динамизм делает жизнь сказкой, технокарнавалом, где люди в зависимости от обстановки наряжаются в разные технокостюмы – и все это благодаря «Гераклитовым» новациям Коперника и Галилея. В свое время европейцы первыми ухватились за это, а за ними устремились и прочие, видя, какую огромную силу обретают технически развитые страны. Мы полагаем, что середина XIX в. – историческая точка, когда преимущества технокультуры стали социально зримыми. Более того, они стали необходимы политически.

Конечно, войны всех времен и народов так или иначе техногенны – и в древности ухитрялись изобрести оригинальные боевые машины. Но примерно полтора-два столетия назад техническое вооружение, являющееся, в свою очередь, следствием научного и промышленного потенциала державы, стало одним из решающих факторов военной победы.

Австро-прусская война 1866 г., Франко-прусская война 1870–1871 гг. самым рельефным образом подчеркнули первостепенность прогресса как фактора решения геополитических задач. Тогда-то и началась колоссальная гонка вооружений, в сущности, продолжающаяся и по сей день. Существует точка зрения, согласно которой вообще весь научно-технический прогресс последних столетий продиктован военными целями [Бугера 2002: 62–64]; данное мнение является не бесспорным, но и не беспочвенным. Действительно, государства прежде всего стимулировали совершенствование военных технологий, но те «локомотивом» тянули за собой и гражданские технологии: научно-технические достижения предопределяли экономический рост.

Если в первой половине XIX в. это угадывали отдельные мыслители, то во второй его половине прогресс сделался модным трендом среди интеллектуалов, а заря XX в. стала временем, когда индустриальная продукция лавиной хлынула в массы населения европогенных стран. Мир словно по волшебству наполнился автомобилями, самолетами, радио, телефонами, кинематографом. Практически

ничего из вышеперечисленного не было, к примеру, в 1890 г., но все это стало вполне обыденным в 1913 г. А научные открытия той поры: работы Эйнштейна, Пуанкаре, Беккереля, еще неведомые широким слоям населения, – обещали понимающим людям куда более дивные творения и перемены бытия.

В историографии, особенно французской, сложилось устойчивое определение предвоенного двадцатилетия как «прекрасной эпохи» – *la belle époque* [Winock 2002]. Бесспорно, столь лестная характеристика возникла по контрасту с тем, что произошло после; да и тогда, в *la belle époque*, по правде говоря, жизнь европейского простолюдина была такова, что нам, людям XXI в., она показалась бы нищей, жуткой – так что скорее это горькое послевкусие несбывшихся надежд. Но сами-то надежды возникли не на пустом месте. Так почему было не предположить в недалеком будущем новую счастливую жизнь, полную рукотворных чудес?..

То, что могло вскружить голову рядовым интеллектуалам, не затмевало трезвого взора мудрецов. В самый разгар восхищения наукой звучали голоса, предупреждавшие о дисбалансе в картине мира, причем говорилось не просто об отдельных недочетах, но о роковом рассогласовании мировоззренческих подсистем. Осознание своего «Я» в качестве центра Вселенной, а этико-аксиологической проблематики как ключевой сферы мировоззрения является самой сутью человека, этот фундаментальный антропоцентризм сохранялся и в Новое время постольку, поскольку люди оставались людьми, до поры до времени уживаясь с Гераклитовой космологией, ибо она как никакая другая сумела функционально усовершенствовать человечество, но вместе с тем и потребовала снизить его онтологический ранг. Вот это самое требование и оказалось «миной замедленного действия»: в самом деле, если в Средневековье космос, в сущности, был синонимом Земли, живой и при всех демонологических поверьях в целом доброжелательной к человеку ойкумены, то начиная с системы Коперника год за годом мир в массовом сознании неизбежно менялся в сторону отсутствия порядка и относительного уменьшения обитаемого пространства. И вот человек, живущий во второй половине XIX в., осилив школьный курс, знает, что его Земля – крохотная одинокая планета в мрачной, темной, мертвой бесконечности, именуемой космосом.

Повторим: до поры до времени европогенное человечество обходилось без обострения мировоззренческих проблем. Кто-то их попросту не осознавал, предпочитая быть пользователем роста материальных благ, кто-то согласился с собственной «онтологической дисквалификацией», признав, что он, человек, – суть тленная мелочь в равнодушной необъятности... Во втором случае картина мира, пожалуй, выглядит последовательной. И таковой картине случалось быть модной и востребованной. Но, разумеется, естественный антропоцентризм большинства людей делает невозможным ее безраздельное утверждение.

Отрадно сознавать, что в отечественной философской традиции данное проблемное поле оказалось глубоко осмыслено в эру прогрессистских восторгов и упоений, когда от мыслителя требовались и прозорливость, и нравственная смелость – не побояться выглядеть белой вороной, ретроградом, неспособным понять путь развития общества, представляющийся магистральным. Квинтэссенция критического отношения классиков русской мысли к современному им идейному мейнстриму, пожалуй, будет выглядеть следующим образом.

Прогресс науки и технологий вскружил голову человечеству, и оно не замечает опасности мировоззренческого расстройтва. Но отдельные люди начинают чувствовать нечто неладное в несовпадении самоощущения личности (как основного мировоззренческого пункта) и стремительных индустриально-экономических изменений – ведь человек не может не видеть, как в неудержимо растущих городах, в этих новых Вавилонах, он со всем своим уникальным духовным миром никому не нужен и вся его личность – не более чем социально-биологический атом, одна из неисчислимости таких же единиц с никому не нужными духовными мирами... К чему ведет все это? К душевным расстройствам человеко-атомов, а от этого прямой путь к социальным потрясениям.

Предсказания оказались горько-пророческими. Когда сегодня изучаешь историю начала Первой мировой войны, то никак не можешь отделаться от мысли, что тогдашние земные владыки попросту не представляли, во что они втягивают мир [Оськин 2014; Хейстингс 2014]. Они, видимо, вообразить себе не могли, что такое техногенно-эшелонированная война, предпосылки которой к 1914 г. уже созрели... И человечество «провалилось» в тридцать лет несчастья.

По сути дела, нужно признать: практически вся первая половина XX столетия (1914–1945 гг.) стала единым суперкризисом человечества с элементами катастрофы. В нем были периоды обострения, ремиссии, но в целом «темное» тридцатилетие явилось глобальной деструкцией, важнейшие вехи которой таковы:

- Первая мировая война;
- революция и Гражданская война в России;
- ужасная и загадочная пандемия гриппа (так называемая «испанка») 1918–1919 гг.;
- Великая депрессия 1929–1933 гг.;
- фашизм (нацизм);
- Вторая мировая война.

Сложно говорить о понесенных в этих событиях человеческих утратах. По грубым подсчетам, они (убитые, пропавшие без вести, пострадавшее гражданское население, умершие от ран, голода, болезней, безнадежные инвалиды...) могут быть оценены примерно в 170–180 миллионов человек [Вербицкая 2010: 488–523; Рудкевич, Глуховцев 2011]; вместе с виртуальными демографическими потерями (нерожденные потомки погибших) это дает еще более трагическую картину [Капица 2008: 128–143], притом что население Земли в 1914 г. составляло около 1,8 млрд человек.

Разумеется, уже после Первой мировой войны перед человечеством встал вопрос: как такое могло случиться? И, конечно, философия не могла не искать ответов на этот вопрос [Сартр 2013; Шпенглер 2006]. Но опять же, при взгляде из дня нынешнего нам упорно кажется, что эти поиски и ответы (равно как и вспыхнувшая в те годы заря «новой науки») не затронули взбаламученные массы, ударившиеся в жуткие идейные химеры. Мы осмелились бы сказать так: двадцатилетний «интербеллум» (1919–1939 гг.) стал для потрясенного европогенного человечества временем социальной шизофрении, породившей бредовые контркультурные проекты. Наверное, это и не могло закончиться иначе, нежели повторным обострением, срывом из ремиссионной фазы в катастрофическую, о которой долго говорить незачем.

Ну а что же НТП?.. А для него эти годы стали «золотым веком», прежде всего для милитаризма. И Вторая мировая война стала страшным апофеозом, столкнувшим в беспощадных схватках технологизированные Левиафаны великих держав.

В какой-то степени Вторая мировая война, особенно наглядная демонстрация возможностей ядерного оружия, образумила человечество. Но мир не сумел выйти из ситуации геополитической вражды, почти на всю вторую половину XX столетия погрузившись в состояние холодной войны – долгий шлейф катастрофы. Ядерные, космические, информационные технологии – все это инновации того времени, порожденные прежде всего требованиями обороноспособности противостоящих государств. Однако не забудем: при всех тревогах, мелких стычках и даже локальных конфликтах наступила все же в целом мирная жизнь, и прогресс наряду с техногенными обрел куда более заметные экономические очертания.

В свою очередь этот рост явился насущно необходимой стратегией государственного менеджмента: если власть окружает гражданина все более изысканной искусственной средой обитания, то это является наилучшей гарантией лояльности со стороны граждан, обеспечивающей социальную стабильность. Поэтому, разумеется, идеологические службы стран – участниц холодной войны постарались отработать этот пропагандистский материал по максимуму. В сущности, они не придумали ничего нового, просто многократно усилили информационную нагрузку на население, посредством СМИ усердно отождествляя термин «прогресс» с бесконечным ростом и удовлетворением потребностей индивида как существа материалистического. Очень характерно, что данная концепция действовала, по сути, одинаково в обеих враждующих идеологических системах. Одна из них говорила о «демократии, процветании и свободном рынке», другая – о «всемерном росте благосостояния советского народа»... впрочем, для нашего повествования это не так существенно. Гораздо важнее обратить внимание на другое обстоятельство, а именно: темпы НТП достигли пика примерно к 1970–1975 гг., после чего заметно притормозились. В самом деле, если сравнить современные ядерные реакторы, космические корабли, самолеты, автомобили, огнестрельное оружие с аналогичными изделиями сорокалетней давности, то какие принципиальные отличия мы обнаружим? По правде говоря, никаких. Да, спору нет, сегодняшние, скажем, автомобили несколько более комфортны, более напичканы всяческими «опциями» и «гаджетами», но ведь это сугубо второстепенно. Более того, попытки усовершенствования некоторых технических систем натолкнулись на непреодолимые препятствия в виде ненадежности данных систем, чрезмерной сложности в управлении и чудовищного энергопотребления. Вот пример: сверхзвуковая гражданская авиация, реализовавшаяся в двух проектах, – советском Ту-144 и франко-английском Concorde. И та и другая машины оказались склонными к аварийности, требовали исключительно сложного дорогостоящего технического и диспетчерского обслуживания и потребляли немислимое количество топлива. В результате от обоих проектов вынуждены были отказаться, и сегодня – более чем через сорок лет! – пассажиры летают на менее «продвинутых», но более надежных самолетах.

Повторим: к 70-м гг. XX в. НТП достиг практически потолка, за которым эволюция искусственных конструкций становится бессмысленной, нивелируясь человеческим фактором. Говоря техническим языком, оператор *Homo sapiens*, бу-

дучи физиологически ограниченным в объеме памяти, процедуре принятия решений, скорости мышечных движений, способен удовлетворительно справляться лишь с «технокостюмами» ограниченной сложности, и предел этой сложности был практически достигнут 40–45 лет тому назад.

Разумеется, мы не забыли о том, что одна техническая отрасль сделала за последние почти полвека огромный рывок – сфера информатики и связи. Это вызвало к жизни теорему о переходе от индустриального общества к информационному (постиндустриальному), однако мы полагаем, что «переход» здесь не самый удачный термин. Ведь промышленность никуда не делась, подобно тому как в XIX столетии формируемое индустриальное общество не отменяло аграрного, а наслаивалось на него; вот и в наши дни информационная, или «постиндустриальная», социальная подсистема наслаивается и на индустриальную, и на сельскохозяйственную, которые, в свою очередь, существуют и сейчас. То есть общественная эволюция не столько отменяет прежнее, сколько усложняет настоящее и будущее – отметим это как реперный тезис, равно как и упоминание о прогрессе информационных технологий. Мы к этому вернемся.

Итак, реалии холодной войны требовали от оппонирующих геополитических блоков интенсивного НТП и роста материального потребления граждан, в чем, как известно, более преуспел западный блок, а мы были вынуждены признать поражение... Затем последовал недолгий период вздорной эйфории, восклицания о «конце истории» [Фукуяма 2007], но с приходом XXI в. история властно напомнила о себе, и европогенное общество обнаружило себя в бушующем мире, где нет места эпикурейскому благодущию.

И вот тут-то оказалось, что «интеллектуальному штабу» этого общества нечего предложить своим гражданам в качестве адекватно ориентированной в этом самом бушующем мире парадигмы. Столетие (1914–2014 гг.), обрушившее на человечество сначала мегакризис, затем долгий «хвост кометы» в виде холодной войны, после чего еще на два десятка лет протянулись невразумительные идейные метания [Бодрийяр 2013; Лиотар 1998], завершилось, и мы, очнувшись, увидели себя на мировоззренческих руинах XIX в. В качестве модели поведения людям предлагается все тот же самый обветшалый «прогресс», понимаемый как бесконечный рост эмпирических удовольствий. «Потребляй и развлекайся!» – таков девиз, неформально царящий сегодня в массах.

Бесконечный бег за суррогатами счастья вынужденно используется как рецепт социальной стабильности, однако властители мира сего, полагая, отчетливо видят порочный круг, в котором оказались их общества: социальная стабильность обеспечивается ростом потребления и телесных удовольствий, который не безграничен, а массам до того дела нет – они привыкли, что социально-экономическая среда постоянно делает их быт комфортнее; к этому все привыкают мгновенно, а отвыкать никто не хочет. И власть прекрасно понимает, что снижение уровня материальной жизни чревато не просто неприятностями – это может означать конец ее самой. Поэтому она вынуждена стимулировать данный процесс, стараясь не представлять себе, чем это может закончиться.

Ограниченность материальных запасов Земли – тема, разумеется, далеко не новая [Форрестер 2006; Гвишиани 2002] и глубоко дискуссионная; можно указать на противоположные точки зрения. До рубежа 2000 г. население нашей планеты росло с постоянно увеличивающейся скоростью. Тогда многим казалось, что де-

мографический взрыв, перенаселение и неминуемое исчерпание ресурсов и резервов природы приведут человечество к катастрофе. Однако в 2000 г., когда население мира достигло 6 млрд человек, а темпы прироста населения – своего максимума (86 млн в год, или 240 тыс. человек в сутки), скорость роста начала уменьшаться (см. рис. 2). Для оценок населения Земли в предвидимом будущем результаты моделирования можно сравнить с расчетами Международного института прикладного системного анализа (IIASA), ООН и других организаций. Прогноз ООН основан на обобщении ряда сценариев рождаемости и смертности по девяти регионам и доведен до 2150 г. По оптимальному сценарию население Земли к этому времени выйдет на постоянный предел в 11 600 млн, и по среднему варианту Популяционного отдела ООН к 2300 г. ожидается население в 9 млрд [Капица 2008: 128–143].

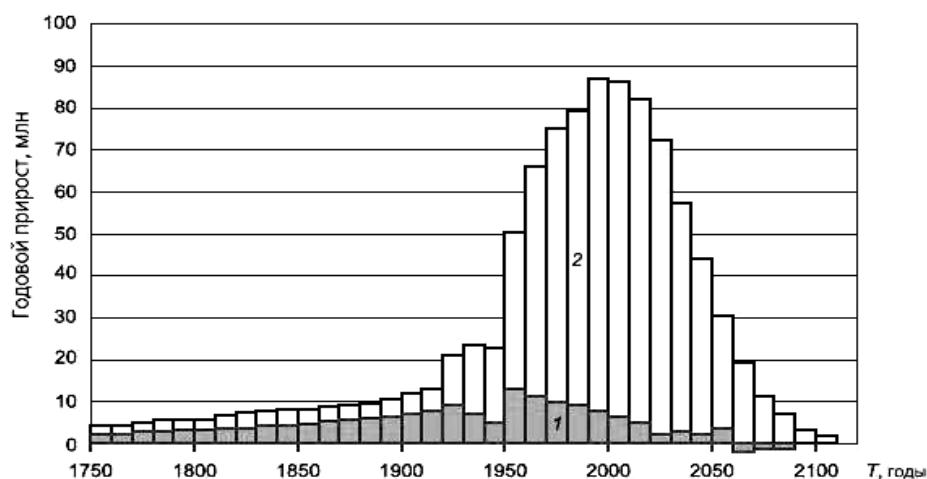

Рис. 2. Мировой демографический переход 1750–2100 гг. (данные ООН). Годовой прирост, усредненный за декады:
1 – развитые страны; 2 – развивающиеся страны

И та и другая стороны по-своему правы, однако мы считаем, что поиск резервов энергопотребления человечества при всей необходимости не решает проблему как таковую, поскольку энергопотребление каждого индивида продолжает расти, а ресурсы планеты остаются прежними; очевидно, что современное человечество угодило в ситуацию «цивилизационного перегрева», из которой пока не может выбраться. Повторим: степень критичности данной ситуации – вопрос оспариваемый, но в самом ее наличии сомневаться не приходится. Разумеется, кризисные явления, пока не фатально, но тревожно встряхивающие современный мир, выглядят свидетельством того, что разбухшие потребительские объемы начинают упираться в ограниченность земной биосферы.

Нижеследующий тезис представляет собой исключительно авторское умозрение, но мы полагаем, что оно зиждется на солидном аналитическом фундаменте [Капица 2008: 128–143; Комлева 2012: 28–34]. Исследовательский взгляд на происходящее в современной большой политике приводит к размышлениям о том,

что глобальный лидерский альянс, не видя кардинальных решений преодоления упомянутого «перегрева», пытается реализовать два паллиативных:

- осторожное, негласное снижение уровня материального потребления для периферийной части «привилегированного человечества» («мягкий проект»);
- организация локальных управляемых конфликтов, в которых некоторое количество потенциальных потребителей уничтожается физически, а некоторое доводится до состояния потребительского минимума, ибо в условиях войны людям не до комфорта – уцелеть бы («жесткий проект» для тех, кому не посчастливилось быть причисленными к избранным).

Вот мы и подошли к ключевому тезису о невозможности решения глобальных проблем современности с сохраняющейся по старинке онтологической частью мировоззрения. Мы утверждаем: основная причина сегодняшней растерянности европогенного человечества, отчетливого чувства планетарного перепутья – отработанность «Гераклитовой» модели мироздания, ее важнейших принципов ацентризма и перманентной текучести. В проблематике периодизации всемирной истории серьезной поддержкой пользуется мысль о том, что 1914 г. – граница, где Новое время закончилось, началось Новейшее [Хобсбаум 2004]. У нас нет причин спорить с этой точкой зрения. Разразившаяся над человечеством буря и ее остаточные явления отложили решение этой коллизии на сто лет, только и всего. Сегодня мы вплотную стоим перед необходимостью решить данную проблему.

Между прочим, отметим, что неклассическая наука являет собой один из ранних симптомов назревших перемен, ведь ее появление (едва ли не год в год) совпадает с рождением Новейшего времени. Выше мы говорили, что масштаб вызванных ею движений в обществе несопоставим с тем, что вызвали в свое время инновации Коперника и Галилея, и не думаем от этих слов отказываться. Но у нас нет сомнений в том, что концептуально и методологически наука XX в. отличается от «классики» – не революционно, но существенно, – и это может быть расценено как первое предвестие грядущей мировоззренческой революции.

И самое, на наш взгляд, существенное: многие годы доминанты «Гераклитовой» космологии, разумеется, не могли не привести к мысли о множественности планет, подобных Земле, то есть обладающих биосферой и, возможно, населенных разумными существами. В самом деле, если закономерности эволюции на Земле приводят к возникновению жизни и человека, то по справедливой аналогии эти закономерности, действуя примерно одинаково во всей лишенной центра «броуновской» Вселенной, должны порождать гипотетически великое множество биосферизированных планет. Эта мысль высказывалась в том числе в солидных академических изданиях [Большой... 1999], а уж для популярной литературы и вовсе была хлебом насущным.

Так это выглядело в теории. А на практике за столетия наблюдений внеземного космоса и за более чем полвека космических полетов нам, землянам, так и не удалось обнаружить всерьез ни малейшего присутствия жизни за пределами родной биосферы. Тем самым все отмеченные выше несообразности сегодняшней устарелой онтологии, в сущности, сводятся к одной чудовищной нелепости: в бескрайнем темном, мертвом пространстве космоса «болтается» одинокая, совершенно ни на что не похожая крохотная планета, возникшая непонятно зачем.

Ясно, что идеология прогресса, переродившаяся в идеологию потребления, изжила себя, превратилась в ветхое одеяние, из которого современный европогенный мир давно вырос, хотя и продолжает кутаться в ее лохмотья за неимением иного. Необходим поиск радикально новой мировоззренческой парадигмы с иной онтологической основой. Мы полагаем, что этот поиск упорно возвращает нас к Парменидовой идее разумного постоянства, то есть к отчетливой структуре с явно выраженным центром, составляющим основу мироздания, в котором, разумеется, присутствует и изменчивость, являющаяся, однако, вторичным качеством бытия.

Итак, мы постулируем резкое отличие биосферы Земли от прочего пространства-времени. Полагаем существенно важным указать на эстетический аспект этого отличия. Опция переживания прекрасного, исходно встроенная в *Homo sapiens*, безошибочно определяет непревзойденной красоту земных ландшафтов, включая и небеса с идеально рассеянным в них солнечным, лунным и звездным светом. Какой в этом кроется смысл?.. А такой, что категория, на языке обыденности обозначаемая как «красота», есть индикатор уровня системной организации пространства-времени; этот индикатор указывает на то, что наивысшим в наблюдаемом мире качеством обладает пространственно-временная форма, привычно-повседневно именуемая нами как «жизнь».

Это приводит нас к «неогеоцентризму», к осознанию того, что Земля действительно может быть признана центром мироздания – не как физическое тело, но как средоточие повышенной пространственно-временной квалификации. Биосфера суть ценностный антипод «черных дыр» мертвого космоса – «белое окно», если угодно, потенциальный выход в неведомую нам еще суперойкумену, живую экосферу. И человечеству надо искать новый подход к своей планете, которую мы, видимо, пока толком не знаем. Равно как не очень ведаем и о себе, о своих внутренних резервах. У авторов есть некоторые основания предполагать, что отчасти упомянутые тенденции последних десятилетий как бы сами собой подталкивают человечество в этом направлении:

а) приостановившийся к 70-м гг. XX в. прогресс технокостюмов, увеличивающих физическую мощь человека, – и явный рывок в области «интеллектуальных» технологий, формирование постоянной информационной реальности, некоторым образом дополнительного измерения пространства-времени [Юдин 2008: 146–155; Гуревич 2010: 139–154];

б) весьма активная фаза эволюции генетики, генной инженерии – вообще дисциплин, в сумме претендующих быть практической антропологией (ПА). Если «классический» НТП был направлен на создание конструкторов, прикрепляемых к человеческому телу снаружи, то ПА может быть нацелена на раскрытие потенциала, доселе дремлющего в самом человеческом организме [Бехтерева 2007];

в) в области психологии постепенное приближение к идее единого психического пространства человечества [Юнг 2013];

г) идея ноосферы как солидарного бытия человека и Земли [Режабек 2008: 159–167], поиск инновационных подходов к проблеме цивилизационно-биосферной синергии [Камуселла 2015].

Все это ведет к необходимости серьезного осознания и раскрытия пространственно-временного потенциала биосферы и человека [Аствацатуров, Базилаиа 2009: 71–81]. Онтология неогеоцентризма естественным образом повлечет за со-

бой и этико-аксиологическую свежесть. Если человек найдет в себе силы совершить кардинальную переоценку ценностей, то перед ним откроется широкое поле возможностей для решения тех проблем, которые проявились в современном нам обществе.

Литература

Аствацатуров А. Е., Базилаи М. А. Глобализация и начало космогармонии // Век глобализации. 2009. № 2(4). С. 71–80.

Бехтерева Н. П. Магия мозга и лабиринты жизни. 2-е изд., перераб. и доп. М. : АСТ; СПб. : Сова, 2007.

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула : Тульский полиграфист, 2013.

Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. М.: Большая Российская Энциклопедия; СПб. : Норинт, 1999.

Бугера В. Либеральные и авторитарные общества: прошлое, настоящее, будущее // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2002. № 3. С. 62–64.

Вербицкая О. М. Демографические процессы в годы войны // Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / отв. ред. А. Н. Сахаров. М. : Гриф и К, 2010. С. 488–523.

Гвишиани Д. М. Пределы роста – первый доклад Римскому клубу // Биосфера. 2002. № 2.

Гуревич П. С. Кибернавт как символ глобального мира // Век глобализации. 2010. № 2(6). С. 139–154.

Камуселла Т. Что мы изучаем, изучая мир? // Век глобализации. 2015. № 1(15). С. 52–65.

Капица С. П. Демографическая революция и Россия // Век глобализации. 2008. № 1. С. 128–143.

Комлева Н. А. Преземптивная война как технология ресурсного передела мира // Пространство и время. 2012. № 2(8). С. 28–34.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб. : Алетейя, 1998.

Оськин М. В. История Первой мировой войны. М. : Вече, 2014.

Режабек Б. Г. Учение В. И. Вернадского о Ноосфере и поиск пути выхода из глобальных кризисов // Век глобализации. 2008. № 1. С. 159–167.

Рудкевич Е. Ю., Глуховцев В. О. Глобальный кризис современного мира и поиск новых мировоззренческих парадигм. Уфа : Вагант, 2011.

Сартр Ж. П. Тошнота. М. : АСТ, 2013.

Урсул А. Д. Космоглобалистика: генезис и направления исследований // Век глобализации. 2012. № 2(10). С. 17–31.

Форрестер Д. Мировая динамика. М. : АСТ, 2006.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М. : АСТ, 2007.

Хейстингс М. Первая мировая война. М. : АНФ, 2014.

Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Краткий двадцатый век. 1914–1991. М. : Независимая газета, 2004.

Чумаков А. Н. Современный мир: на пороге фундаментальных трансформаций // Век глобализации. 2008. № 2. С. 88–94.

Шпенглер О. Закат Европы. М. : Попурри, 2006.

Юдин Б. Г. Технонаука, человек, общество: актуальность гуманитарной экспертизы // Век глобализации. 2008. № 2. С. 146–154.

Юнг К. Структура психики и архетипы. М. : Канон+, 2013.

Winock M. La belle époque. La France de 1900 a 1914. Paris : Perrin, 2002.

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ОТ АНАЛИЗА ВШИРЬ К ИССЛЕДОВАНИЮ ВГЛУБЬ

Барлыбаев Х. А.*

Рассматривается состояние современных исследований в глобалистике. Дан анализ положения России в глобализирующемся мире. Представлена авторская позиция в методологии анализа глобализационных процессов и формировании научной системы глобалистики. Выдвинута идея о концепции устойчивого развития как нормативно-теоретическом основании глобального управления.

Ключевые слова: глобализация, глобалистика, Россия, потребности, общение, глобальное управление, концепция устойчивого развития.

The paper considers the current research within Global Studies as well as the position of Russia in the globalizing world. The author presents his approach within the methodology of analyzing the globalization processes and formation of a scientific system of Global Studies. He puts forward the idea of sustainable development as a normative and theoretical basis for global governance.

Keywords: globalization, Global Studies, Russia, needs, communication, global governance, the concept of sustainable development.

Глобальные исследования сегодня

Развитие глобалистики как науки по изучению современных глобализационных процессов и глобализации имеет небольшую историю – всего около трех десятилетий. Это мизерный срок по сравнению с тем, как многие обществоведческие проблемы исследуются сотни и тысячи лет, но до сих пор не имеют удовлетворительного решения и остаются предметом острых дискуссий. Поэтому было бы неоправданно и преждевременно ждать того, чтобы глобалистика уже стала завершённой научной дисциплиной, имеющей логически последовательную, стройную систему категорий, законов и принципов анализа. Имеющиеся исследования пока имеют фрагментарный, дискретный, узкий и разнонаправленный характер, не исходят из единой, фундаментальной и общепринятой методологически-концептуальной идеи, развиваются в основном «вширь» без системной последовательности. У глобалистики еще нет своих корифеев уровня классиков философии и других наук, в свое время создававших фундаментальные теоретические системы, школы и учения в той или иной области научных изысканий. Пока исследования в ней имеют поисковый, «разведывательный» характер, нахо-

* Барлыбаев Халиль Абубакирович – д. ф. н., д. э. н., ведущий научный сотрудник Института философии РАН, профессор РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. E-mail: hbarlybaev@rambler.ru.

дятся в состоянии «нащупывания опорных точек и красной нити» в сложнейшем «клубке» глобализационных процессов. Большинство написанного в отечественной глобалистике основано на рассудочной логике, нередко излагается путем использования исследователями результатов их профессиональных занятий многолетней давности применительно к современным глобализационным процессам. «Несмотря на увеличивающийся поток публикаций о глобализации, – пишут авторы книги “Куда движется век глобализации?”, – наши представления и знания о ней все еще оставляют желать лучшего. Тем более это касается глобальных процессов в целом, составной частью которых является глобализация. Остро стоит вопрос и об адекватном развитии системы научных взглядов как на глобальные процессы, так и всевозможные последствия, которые они порождают. Словом, на фоне усиливающейся глобализации ощущается острая нехватка знаний в данной области» [Куда движется... 2014: 3].

Изложенная картина характерна для глобальных исследований в целом как во всем мире, так и в нашей стране. Анализ их состояния занял бы много места и времени, поэтому можно ограничиться рассмотрением ситуации в мировой и российской глобалистике по содержанию указанной книги «Куда движется век глобализации?». Ибо, по утверждению ее авторов, в ней «аккумулируются последние достижения научной мысли в области глобалистики. Здесь представлены лучшие статьи, которые публиковались в междисциплинарном журнале “Век глобализации”» [Там же]. Следовательно, можно полагать, что данная книга заслуживает быть своего рода зеркалом, отражающим основные тенденции, достижения и недостатки глобальных исследований в нашей стране. В самом деле, ознакомление со статьями, изложенными в книге, подтверждает приведенную выше оценку состояния глобалистики: фрагментарность, дискретность, узость и разнонаправленность проводимых в ее рамках исследований при весьма содержательном изложении избранной тематики.

Книга открывается двумя весьма интересными, хотя и по характеру ныне общераспространенными, статьями-призывами принцессы Нидерландов Ирэн и всемирно известного венгерского философа-гуманиста Э. Ласло [Глобалистика 2016: 113–114]. Принцесса Ирэн, в отрицание тезиса отдельных авторов о несостоятельности концепции устойчивого развития, утверждает: «Основа для устойчивого развития находится в нас самих» [Куда движется... 2014: 8]. То есть ныне это единственная в мире вразумительная концепция, призванная стать всего лишь первым научно-практическим шагом в решении острейших глобальных проблем, и она не повинна в несостоятельности, в чем ее изредка обличают, а виноваты люди, не признающие, не реализующие ее положения и препятствующие их претворению в жизнь хотя бы в малой степени. Э. Ласло в небольшой статье осветил гигантскую проблему двух имеющихся и возможных сценариев развития человечества: 1) ныне действующего ББИ (бизнеса без изменений), ведущего человечество к самоуничтожению; 2) возможного СИ (своевременных изменений), способного увести его в сторону от точки невозврата, за которой его ждет неминуемый смертельный исход [Там же: 9–11].

Остальные статьи книги охватывают известный круг проблем: философию глобализации и глобалистики; глобальные кризисы; глобализацию на разных уровнях; глобальные процессы, проблемы и прогнозы. Многие из них весьма содержательны в анализе тех вопросов, которым посвящены, снабжены богатым

фактологическим материалом. Статьи в основном имеют повествовательно-аналитический характер, они не связаны между собой единой методологической идеей. Попадают положения, имеющие мало отношения к проблеме глобализации, у некоторых статей содержание не соответствует названию. Отсутствуют работы, посвященные вопросам глобализации в области политики, культуры, права, морали и т. п. Существенным изъяном глобальных исследований как в целом, так и представленных в данной книге является слабость их нормативно-аналитического содержания. А ее преодоление в современных условиях является наиболее актуальной задачей глобалистики. В этом отношении редким исключением можно считать статью Ю. Шишкова, который вместе с вице-президентом Всемирного банка Ж.-Ф. Ришаром утверждает: «Складывается совершенно новая реальность: партнерство политики, бизнеса и гражданского общества. Следует ожидать, что такое трехстороннее партнерство в ближайшие двадцать лет станет процветать на любом уровне – глобальном, региональном, местном... Именно в такие времена неустоявшиеся понятия сетевого управления и решения глобальных проблем по сетевому принципу становятся жизнеспособными» [Куда движется... 2014: 189]. Важной задачей является дальнейшее исследование возможных и необходимых способов установления такого партнерства и обеспечение его практической реализации. В отношении нормативно-аналитических исследований весьма продуктивной является высказанная А. Чумаковым еще 10 лет назад мысль о *поисковом* и *нормативном* прогнозировании, согласно которой «прогнозирование призвано последовательно показывать, какие оперативные цели должны быть поставлены для достижения стратегических целей; какие действия необходимо предпринять для достижения оперативных целей; на какие операции разбивается каждое действие и т. д., вплоть до конкретных заданий на сегодняшний день» [Чумаков 2014: 340–341].

Несмотря на отсутствие в теории системного анализа глобальных процессов и глобализации, находящегося, по названию вышеупомянутой книги, все еще в состоянии рассмотрения «контуров» целостного мира, она (глобализация) как онтологическое явление уже стала объективным доминирующим фактором современного мирового развития, приобрела характер динамически развивающейся целостной системы, проникает во все поры общественной и частной жизни людей во всех уголках земного шара и производит в них кардинальные преобразования и перевороты. Многие объективные элементы глобализационных процессов стали служить в качестве субъективного инструмента влияния на мировые процессы в руках тех, кто их монополизировал и использует в своих узко эгоистических целях и интересах. Одним из самых свежих и показательных примеров подобных явлений могут служить так называемые «цветные революции», оказавшиеся следствием использования западными государствами в последние годы глобализационных механизмов для осуществления социальных потрясений в отдельных регионах мира.

Глобалистика, предметом которой являются указанные процессы, вслед за своим предметом должна приобрести соответствующие свойства целостной теоретической системы и обеспечить его системно-нормативный анализ. Более того, изучение сущности, содержания, структуры и перспектив развития глобализационных процессов сегодня становится актуальнейшей задачей не только философии и обществоведения, но и всей совокупности фундаментальных, прикладных,

естественных, технических, гуманитарных, искусствоведческих и иных наук, а также практики социального управления.

Россия в тисках глобализации

Использование объективных глобализационных механизмов в определенных субъективных целях не ограничивается примерами инициирования Западом «цветных революций». Еще более ярким примером такого же порядка является агрессивное игнорирование западными государствами естественных национальных интересов России как одного из крупных и уважаемых членов мирового сообщества и применение разного рода «санкций» к ней во время трагических событий вокруг Юго-Востока Украины. В данных событиях отдельные западные государства и США, с самого начала активно вмешиваясь во внутренние дела этой страны, вели себя там так, как будто буквально рядом нет Российской Федерации со своими общеизвестными, законными и существенными национальными интересами, с которой Украину связывают тысячи километров непосредственной открытой государственной границы, многовековая общая история и большое количество проживающего в этой стране русскоязычного населения. Они не только не посчитали возможным и необходимым иметь контакты с Россией по вопросам совместного, согласованного разрешения нарастающего конфликта, но, напротив, нагнетали его, откровенно оттесняли Россию от всякого участия в обсуждении проблем и попирали ее мнение. Такое высокомерное и уничижительное отношение к крупнейшей ядерной державе, к одному из постоянных членов Совета Безопасности ООН, участнику G-8 и G-20, своему союзнику во Второй мировой войне было свидетельством или незнания истинного положения дел в регионе, или результатом их откровенного игнорирования. Западные политики должны были понимать, что нельзя создавать для России такую нестерпимую ситуацию и что они сами провоцируют ее на ответные чрезвычайные действия. В результате события скатились к сегодняшней трагической ситуации в этом узлом регионе Евразийского континента.

Изложенная ситуация усугубляется односторонним некритичным оправданием Западом своих действий и действий украинских властей, огульными обвинениями в адрес России и началом применения в отношении нее целой системы «политики санкций». Возможность применения «санкций» возникает из нарастающей тесноты политических, экономических, финансовых, социокультурных и иных взаимосвязей между всеми государствами, включая Россию, в условиях современной фазы глобализации, формирования некоей глобальной системной целостности, ущемление любого элемента которой ведет к потрясениям всей системы и наоборот. Эти связи по существу являются взаимовыгодными для всех стран в соответствии с принципами, законами и преимуществами кооперативных связей и международного разделения труда. Поэтому естественно стремление практически всех современных государств создавать разные международные союзы, объединения, организации и входить в них.

Россия, после распада СССР оказавшись в потоке глобализационных процессов и весьма интенсивно вовлекаясь в указанную систему отношений, вступила в различные международные организации, установила многогранные политические, экономические, торговые, валютно-финансовые, туристические, миграционные, межрелигиозные, социокультурные и иные контакты и взаимосвязи с раз-

личными элементами глобальной системы, практически стала ее тесно интегрированной частью. Таким образом, страна осознанно и отчасти неосознанно оказалась в паутине и тисках глобализации, что особенно ярко проявилось в ситуации растущих противоречий и противоборства Российской Федерации со своими оппонентами по поводу событий на Юго-Востоке Украины. Воспользовавшись тем, что Россия уже в полной мере находится в тесной паутине глобальных взаимосвязей, ее оппоненты, чтобы «наказать и посрамить» ее, испытать удовольствие от «разорванной в клочья» экономики России, стали применять в отношении нее «политику санкций». О том, что такая политика является обоюдоострой, что она «наказывает» не только Россию, но и самих ее оппонентов, последние, особенно европейские, начали вспоминать только задним числом.

События вокруг Украины преподают России ценные уроки, основные из которых, очевидно, заключаются в следующем. Во-первых, за постсоветские годы наша страна практически ничего не сделала для дальнейшего углубления и укрепления исторически давно существующих братских отношений между двумя народами. Даже можно сказать, что произошли обратные процессы. Ослабили межгосударственные связи, российские лидеры практически не бывали в Киеве, хотя украинские часто посещали Москву. Россия не способствовала росту престижа и авторитета украинской государственности, истории, культуры, языка. Отдельные российские авторы даже действуют против этого. Экономические связи были законсервированы на советском уровне и отчасти свернуты. Не было попыток создания различных форм и наращивания совместного взаимовыгодного использования исторической, территориальной и духовной близости двух народов, что сделало бы их братство нерасторжимым при любых обстоятельствах. Отдельные украинские сторонники Москвы сегодня утверждают, что даже на самой последней стадии событий поддержка ею народного движения могла бы удержать их страну в орбите друзей России. Главной проблемой финансово-экономических и торговых отношений были периодические унижительные тяжбы вокруг цены на газ, по которым Россия пошла на существенные, но запоздалые уступки в последний момент только ради удержания В. Януковича от вступления в Евросоюз. Более гибкая и разумная позиция по этому и многим другим вопросам за все постсоветские годы могла бы дать плодотворные результаты, способные предотвратить многие потери и жертвы последних лет. Эти потери сегодня многократно превзошли те «выгоды», которые мы хотели иметь от отчужденных рыночных отношений с Украиной за все постсоветские годы. Сказанное так или иначе относится и к взаимоотношениям Москвы со всеми бывшими советскими республиками.

Во-вторых, с точки зрения обеспечения способности противостоять «санкциям» к главной ошибке руководства российского государства можно отнести то, что о необходимости диверсификации экономики, о которой еще с советских времен твердили некоторые экономисты, в постсоветское время лишь на словах вспомнили только в середине нулевых годов, но на практике до сих пор ничего не сделано. Сегодняшние попытки срочного «импортозамещения» являются вынужденной имитацией диверсификации, запоздалой и кустарной мерой, трудно реализуемой в условиях кризиса и санкций. Компетентное управление государством предполагает предвидение возможности того, что случилось сегодня со страной, и не простого омертвления финансовых накоплений в Фонде национального бла-

госостояния и Резервном фонде, а использования имеющихся ресурсов для осуществления реальных экономических мер. Процесс диверсификации через стимулирование модернизации и внедрение инноваций в производство следовало активизировать еще в «тучные» годы высоких нефтяных цен одновременно с действенной поддержкой малого и среднего предпринимательства, последовательным повышением платежеспособности населения, решительным ограничением вывоза капитала (особенно через офшоры) и действенным усилением социальной ответственности крупного бизнеса.

Для вывода страны из «тисков» деструктивных проявлений современной глобализации недостаточно только мер по «латанию дыр», нужны активные действия в указанных направлениях. С этой же целью прежде всего требуются теоретические знания о глубинных движущих силах, структуре, содержании и сущности глобализационных процессов, с тем чтобы уметь эффективно, с пользой для себя использовать их, в критических условиях находить в сложном лабиринте глобализации правильные ориентиры, выискивать спасительные практические пути выхода из затруднительных положений.

Потребности человека и его устремленность к общению как глубинные движущие силы глобализации

Современная глобализация, охарактеризованная выше как онтологически формирующаяся многогранная целостная система, должна получить адекватную теоретическую рефлексию через научно-философскую систему с соответствующими элементами, отражающими грани указанных реальных глобализационных процессов. Такая многогранность предполагает изучение этих процессов различными научными дисциплинами, то есть указанная научно-философская система должна иметь междисциплинарный характер. Свою позицию о предпочтительных методологических основаниях подобной системы автор этих строк излагал в ряде своих работ [Барлыбаев 2008; 2011; 2014], среди которых особо хочется отметить статью в журнале «Век глобализации» (№ 2, 2008) под названием «Глобализация: вопросы теории и практики».

В этих работах междисциплинарный подход к анализу глобализации автор осуществляет через исследование взаимосвязей между человеческой природой, глобализацией и концепцией устойчивого развития. Их предметные области представляют собой элементы единой системы, в качестве аттракторов и движущей силы которой рассматриваются многообразные потребности людей. В качестве решающего глобализационного фактора рассматривается потребность людей в *общении*, исследуемом как социальный процесс и общественно-коммуникационное отношение, которое эволюционирует с первобытной эпохи до сегодняшних дней, распространяется от индивидуальных, местных и локальных уровней до глобальных масштабов. В отличие от остальных живых существ человек обладает уникальным качеством – способностью к общению с себе подобными как главным смыслом и содержанием своей жизни. Перефразируя известное высказывание Ф. Энгельса «Труд создал человека», без преувеличения можно утверждать, что именно общение сформировало человека умелого (*Homo sapiens*). Именно через общение и коллективную жизнь формировались склонность к трудовой деятельности, речь, язык, сознание, нормы морали, интеллект и иные параметры человеческой природы.

В отличие от утвердившегося в литературе положения, когда бессистемно рассматривается лишь узкий круг сфер и направлений глобализации, включающий экономику, финансовую систему, политику, культуру, информационные технологии и др., излагаемая методология изучает глобализацию как многогранное и широкомасштабное целостное явление, обусловленное многочисленными проявляющимися через различные формы и сферы деятельности человека *параметрами человеческой природы*, среди которых: мировосприятие и мировоззрение – ключевой фактор; разнообразные потребности; профессионально-трудовая, социальная, языковая, информационная, экологическая, экономическая, демографическая, религиозная, образовательная сферы; передвижение через транспортные системы; политика; культура; научная и научно-техническая деятельность; образ жизни; криминальная сфера; физическая культура и спорт. По каждому из указанных сфер и форм, через которые проявляются параметры человеческой природы, следует выделять, анализировать ту или иную форму глобализации, давать ей соответствующее определение. Приводимые в движение и объединяемые неизбывным устремлением людей к общению, все указанные грани глобализационных процессов в симбиозе формируют целостную систему глобализации. Исходя из такого вывода ей можно дать следующее определение: глобализация есть многомерный объективно-субъективный процесс становления глобальной общности людей в масштабе всего человечества в единстве с природной сферой планеты Земля, замещения локальных, изолированных форм и норм жизнедеятельности людей общемировыми, формирования единообразия, взаимодействия и взаимобусловленности различных сторон жизни отдельных континентов, стран, народов и людей в рамках единого мира, в условиях распространения принципов свободы личности, а также открытости и устранения барьеров на пути к установлению материальных, интеллектуальных, духовных, этических, эстетических и иных форм общения между людьми.

Указанную систему схематично можно иллюстрировать в виде следующей таблицы (табл. 1).

Таблица 1

Система «Человек – глобализация – устойчивое развитие»

№ п/п	Проявления и параметры человеческой природы	Сферы и направления глобализации	Условия, меры и пути перехода к устойчивому развитию
1	2	3	4
1	Мировосприятие и мировоззрение	Мировоззренческая глобализация	Демократизация мировоззрения людей
2	Материальные потребности	Глобализация потребностей	Рационализация потребностей
3	Труд – фактор формирования и жизнеобеспечения человека	Профессионально-трудовая глобализация	Развитие творческого характера труда
4	Социальный статус	Социальная	Прогрессивные социальные преобразования
5	Язык как средство общения	Языковая	Развитие мультилингвизма

Окончание табл. 1

1	2	3	4
6	Информация – ресурс общения	Информационная	Совершенствование информационных технологий
7	Транспорт – арена общения и коммуникаций	Глобализация транспортной системы	Развитие логистики. Рационализация транспорта
8	Экономический человек	Экономическая глобализация	Гуманизация и экологизация экономики
9	Человек – природное существо и часть природы	Экологическая	Создание эффективной системы охраны природы
10	Потребность в продолжении рода и сексуальность	Демографическая	Регулирование демографических процессов
11	Потребность в вероисповедании	Религиозная	Реализация конструктивной роли религии
12	Интеллект	Образовательная	Развитие инновационного образования
13	Духовность	Культурно-духовная	Диалог и конструктивное взаимодействие культур
14	Мышление	Научная и научно-техническая	Развитие опережающей науки и техники
15	Образ жизни	Глобализация образа жизни	Гуманизация образа жизни людей
16	Политический человек	Политическая	Совершенствование политических систем
17	Нечеловеческое и недочеловеческое в человеке	Криминальная	Эффективная борьба против преступности
18	Физическая конституция	Глобализация физической культуры и спорта	Популяризация физкультуры как средства оздоровления
	ОБЩЕНИЕ (КОММУНИКАЦИЯ)	ГЛОБАЛИЗАЦИЯ	РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Таблица показывает, как каждый из параметров человеческой природы формирует соответствующее направление и сферу глобализации. Последующий анализ должен выявить, каким образом, подобно единству параметров природы человека в структуре его целостной натуры, из взаимодействия и симбиоза различных сфер и направлений глобализации формируется целостная система глобализации на разных уровнях и в планетарном масштабе. Подобный анализ может способствовать выработке одного из вариантов специфической методологии ис-

следования глобализационных процессов, созданию целостной научной системы глобалистики.

Кроме указанных методологических выводов, из данной таблицы по каждому из человеческих параметров и направлений глобализации можно установить соответствующие меры и пути перехода к устойчивому развитию. А концепция устойчивого развития вполне способна служить теоретическим основанием социального управления глобальными процессами, разработки практического руководства к действию для мирового сообщества.

О проблеме управления глобальными процессами и его теоретических основаниях

Проблема управления глобальными процессами в онтологическом плане стала исключительно острой и безотлагательной. В научно-теоретическом и философском отношении ее разработка находится в зачаточном состоянии, среди разрозненных работ по этой тематике отсутствуют фундаментальные исследования. Несмотря на острейшую нужду в сознательном управлении, мировые процессы ныне пущены на самотек, господствуют хаос, несогласованность политики разных государств. Единые нормы, правила и законы жизни на планете отсутствуют, положения международного права охватывают лишь узкие области, во многом имеют расплывчатый характер. Задача заключается в переходе от международного права к глобальному законодательству. Сегодня актуальными становятся ранее выдвигаемые многими мыслителями идеи о демократически формируемых мировых парламенте, правительстве, правоохранительных органах.

Среди небольшого числа работ, посвященных указанным проблемам, можно выделить статьи А. Вебера и А. Чумакова [Вебер 2009: 3–16; Чумаков 2010: 3–15]. В обеих статьях рассматриваются весьма интересные вопросы, касающиеся отдельных аспектов современного мироустройства и управления глобальными процессами. А. Чумаков в своей статье, упоминая некоторые первые публикации в данной области, оставляет без внимания работы, опубликованные раньше им упоминаемых [Глобализация 2008: 146–164; 341–366]. При более внимательном обзоре литературы авторам упомянутых статей можно было бы, не повторяясь, обойтись ссылками на опубликованные до них работы, уделив больше внимания в своих статьях другим важным проблемам.

Наиболее острой среди этих проблем является задача обеспечения фундаментального нормативно-теоретического анализа и проектного обоснования необходимых мер по осуществлению глобального управления. Из имеющихся разработок единственно подходящей на эту роль является концепция устойчивого развития. С таким утверждением согласен и А. Чумаков: «...коль скоро нет более или менее подходящей конкурирующей идеи, а это именно так, то и поддерживать, и развивать концепцию устойчивого развития, конечно же, надо» [Чумаков 2014: 330]. Очевидно, следует хотя бы в минимальной степени реализовать ее принципы, положения и требования, а также развивать в направлении более полной реализации ею насущных интересов жителей планеты. К сожалению, на насущной необходимости претворять в жизнь хотя бы мизерные рекомендации данной концепции, не говоря уже о ее дальнейшем углубленном и масштабном развитии, сегодня практически мало кто настаивает. Не делает этого и уважаемый А. Чумаков, признающий уникальность концепции.

В западных странах концепцию устойчивого развития формально признают, на бумаге «реализуют», в рамках ООН и в отдельных странах созданы соответствующие органы, разработаны стратегии, время от времени в ее русле выдвигаются различные программы [Global Studies... 2014: 434–437]. Однако реальные дела не достигают хотя бы в малой степени того, что рекомендовано документами конференций ООН. В России отношение к концепции находится в диапазоне от небольшого количества сторонников-энтузиастов, немногих ярых противников, считающих ее «вражеской» идеей, и большинства равнодушных и абсолютно с ней не знакомых. В целом она находится в информационной блокаде и в практическом плане в соответствии с ее положениями в стране ничего не делается.

Ключевым документом концепции устойчивого развития выступает «Повестка дня на XXI век» (Повестка XXI – Agenda XXI), принятая на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в 1992 г. в Рио-де-Жанейро. Она является концентрированным результатом становления концепции устойчивого развития за 1970–1980 гг., начиная с докладов Римского клуба, документов Конференции ООН по окружающей среде (Стокгольм-1972) и заканчивая докладом созданной ею Комиссии во главе с Г. Х. Брундтланд «Наше общее будущее». Все остальные декларации, манифесты, резолюции, обращения и иные документы различных последующих конференций, саммитов и форумов ООН, ее подразделений и других организаций исходят из «Повестки дня на XXI век», повторяют ее положения и принципы, отчасти их дополняют и развивают. К сожалению, содержание концепции устойчивого развития, отраженное в современной литературе, не столь далеко ушло от содержания «Повестки дня на XXI век» и даже, можно сказать, в некотором отношении стало беднее.

Прежде всего не только очень слабы попытки реализовать «Повестку XXI», но даже отсутствует какой-либо анализ того, какова степень реализации или ее отсутствия. По отдельным рассуждениям видно, что многие ее даже не читали. Более или менее известный подробный ее анализ осуществлен в одной из работ автора этих строк [Барлыбаев 2014: 92–110]. Выводы анализа неутешительны. Беспристрастное изучение «Повестки...» показывает, что на сегодня она является единственным в мире программным документом, способным служить нормативно-аналитической базой и руководством к действию для глобального управления. На Западе некоторые авторы считают концепцию устойчивого развития вариантом социалистического проекта, а в России – подрывным антисоветским и антироссийским «мифом», призванным осуществить «ползучий» глобальный переворот. Представляется, что она имеет социально-демократическое содержание, ибо зарождалась во времена популярности идеи о социальном государстве, большинство ее авторов были представителями социал-демократических, социалистических, народных партий. Только при очень болезненном воображении в ней можно найти антироссийские подрывные элементы. В целом в «Повестке дня на XXI век» трудно обнаружить какую-либо политику, идеологию или пропаганду. Напротив, ее особенностью является политико-идеологическая нейтральность, надпартийность, в целом общедемократическая, гуманистическая направленность. Об этом свидетельствуют, например, главы из первого раздела о борьбе с нищетой, изменении структур потребления, охране и укреплении здоровья человека; разделы о сохранении и рациональном использовании ресурсов, укреплении демократической роли различных социальных групп, о средствах осуществления

программ, в том числе о роли науки, просвещения и информирования населения и др. [Повестка дня...]. В главе 3 этого документа «Борьба с нищетой» из раздела I «Социально-экономические аспекты» говорится: «Искоренение нищеты и голода, обеспечение более справедливого распределения дохода и развитие людских ресурсов по-прежнему повсеместно являются основными задачами. Все страны несут совместную ответственность за принятие мер по борьбе с нищетой» [Там же].

Естественно, у «Повестки дня на XXI век» немало изъянов, ей присущи известная фрагментарность и непоследовательность, методологическая узость, отсутствие глубокого системного, научно-философского обоснования. Многие предусматриваемые в ней меры имеют половинчатый или утопический характер, не являются обязательными для исполнения в правовом отношении, представляют собой благопожелание, апеллирующее к морали. Люди, как правило, не склонны добровольно следовать моральным установкам и предпочитают игнорировать концепцию, обвиняя ее в несостоятельности. Тем не менее в ней содержатся все предпосылки превращения в серьезную программу культурно-цивилизационного развития, способность, возможность и необходимость в существенном совершенствовании и развитии. В результате серьезных, глубоких и масштабных поисков в данном направлении концепция может быть доведена до состояния, когда можно было бы дать ей следующее определение: **«устойчивое развитие»** – это переходная ступень учения о ноосфере, общественно-политическая, социально-экономическая *доктрина*, а также выражающая ее философско-мировоззренческая *категория* и разрабатывающая ее принципы *научная система*, которые определяют *необходимость* переустройства всех сфер жизнедеятельности общества (человечества) с целью обеспечения повсеместного и непрерывного безущербного и гармоничного *взаимодействия* людей между собой и с природной средой» [Барлыбаев 2014: 409]. При таком характере трансформации концепция устойчивого развития была бы способна стать научно-теоретическим обоснованием глобального управления в интересах выживания и процветания человечества. Для этого всем жителям планеты, особенно деловой и интеллектуальной элите, необходимо результативно обратиться к здравому смыслу, а лидерам государств – проявить политическую волю к отказу от самоубийственной конфронтации и противоборства, к приверженности всеобщим договоренностям, солидарности и сотрудничеству в решении перманентно обостряющихся глобальных проблем.

Литература

- Барлыбаев Х. А. Избранные труды: в 4 т. М. : Научная библиотека, 2014.
- Барлыбаев Х. А. Антропогенные факторы глобализации и устойчивого развития: дис. ... д-ра философ. наук. М., 2011.
- Барлыбаев Х. А. Глобализация: вопросы теории и практики // Век глобализации. 2008. № 2. С. 21–29.
- Вебер А. Б. Современный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. 2009. № 1. С. 3–15.
- Глобализация: учебник / под ред. В. А. Михайлова, В. С. Буянова. М. : Изд-во РАГС, 2008.

Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / гл. ред., сост. И. В. Ильин, И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. 2-е изд., стер. М. : КноРус, 2016.

Куда движется век глобализации? / под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. Волгоград : Учитель, 2014.

Повестка дня на XXI век [Электронный ресурс]. URL: www.un.org/ru/documents/decl_conventions/agenda21.shtml.

Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М. : ТК Велби; Проспект, 2014.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. 2010. № 2. С. 3–15.

Global Studies Encyclopedic Dictionary / Ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay. With a Foreword by Mikhail Gorbachev. Editions Rodopi B.V., Amsterdam; New York, NY, 2014.

ОЦЕНКА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ПЛАНЕТАРНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ ПЕЧАТИ

Сажинко Е. В.*

Автор рассматривает актуальность глобальных проблем и их освещенность в современной российской научной печати на основе данных, полученных в результате контент-анализа статей, опубликованных в журналах «Век глобализации» и «Journal of Globalization Studies» в 2008–2013 гг. Приводится сравнение частоты использования единиц анализа, имеющих отношение к социокультурным, экологическим, социально-экономическим и демографическим аспектам глобальной проблематики. Рассматривается общая оценка современного состояния цивилизации, а также некоторые глобальные акторы, влияющие на принятие решений.

Ключевые слова: глобальные проблемы, глобализация, кризис, глобальное регулирование, акторы, контент-анализ.

The author examines the relevance of global issues and their coverage in contemporary Russian scientific journals on the base of content analysis data from the journals “Vek Globalizatsii” [Age of Globalization] and “Journal of Globalization Studies” published between 2008 and 2013. The author compares the frequency of the usage of the words belonging to socio-cultural, environmental, socio-economic and demographic aspects of global issues. We consider the overall assessment of the current state of civilization, as well as some global actors influencing decision-making.

Keywords: global issues, globalization, crisis, global governance actors, content analysis.

В процессе развития человечества накопился комплекс проблем, с особой очевидностью проявившихся в последние десятилетия. Эти проблемы, ставшие негативным проявлением научно-технического прогресса, приобрели всеобщие масштабы из-за ускорившегося процесса глобализации, который начался еще во время Великих географических открытий [Элвуд 2013; Чумаков 2014].

Большинство исследователей рассматривает глобализацию как объективный процесс усиления связей между различными государствами и регионами планеты. При этом она может пониматься либо в узком смысле, например как «интеграция мировой экономики, которая началась пять столетий назад, после начала европейской колониальной эры» [Элвуд 2013: 15], либо в широком – как «мегатенденция к объединению цивилизационно, экономически, культурно, политически и иначе разделенного человечества в глобальную (планетарную) общность, реализующуюся (но с разной скоростью и успехом) одновременно по всем из указанных разделительных линий и в многообразии конкретно-исторических форм» [Чумаков 2014: 93].

* Сажинко Екатерина Владимировна – аспирант кафедры социологии и гуманитарных наук Международного университета природы, общества и человека «Дубна». E-mail: suore-87@mail.ru.

Но осмыслению феномена глобализации предшествовало осмысление глобальных проблем и вызовов, с которыми столкнулось человечество и которые встали наиболее остро после Второй мировой войны. До конца 1960-х гг. наиболее острыми оставались военно-политические напряжения, и именно они вызвали появление в языке категорий, связанных с глобальным кризисом. В 1970-х гг. внимание мирового сообщества было перенесено на экологию, и далее перечень кризисных проблем глобального масштаба неуклонно множился.

Для выявления того, какие глобальные проблемы являются наиболее актуальными и освещенными в современной научной печати, был проведен контент-анализ, для которого были отобраны два журнала: «Век глобализации» и «*Journal of Globalization Studies*». Оба журнала отвечают основным требованиям, необходимым для данного исследования, то есть тематический спектр статей, публикуемых в них, достаточно широк, не ограничивается какими-либо отдельными аспектами глобализации и современных проблем. Были проанализированы статьи из всех номеров журнала «Век глобализации», начиная с № 1 2008 г. и заканчивая № 2 2013 г., и журнала «*Journal of Globalization Studies*» (с № 1 2010 г. до № 2 2013 г.). При этом не рассматривались статьи, не имеющие отношения к задачам исследования: в основном не попали в выборку те, которые посвящены месту России в глобализирующемся мире, теоретико-методологическим аспектам глобалистики, а также обзоры монографий или персоналий. При проведении исследования использовалась выборка основного массива. Таким образом, было проанализировано 96 статей из журнала «Век глобализации» и 42 статьи из журнала «*Journal of Globalization Studies*».

Кроме того, анализировались наиболее общие характеристики состояния современного мира. Для этого было выбрано несколько единиц анализа: кризис, глобальные проблемы, глобальные процессы, наднациональные институты, мировое сообщество, глобализация, гибель цивилизации (человечества), война, конфликт, многополярность. Слово «глобализация» было употреблено в большинстве статей, всего насчитано 2492 различных его формы во всех текстах. Понятие «мировое сообщество» использовали 145 раз несколько авторов. «Глобальные проблемы» встретились в проанализированных текстах 175 раз, а слово «кризис» – 1246 раз. Слово «многополярность» было употреблено только 26 раз: 23 раза в русскоязычных и 3 раза в англоязычных статьях. Это свидетельствует о том, что термин чаще используется политиками, чем учеными. Вероятно, это вызвано тем, что многополярный мир пока не является реальностью, существуют лишь отдельные предпосылки для его возникновения. При этом российские исследователи чаще говорят о многополярности, чем иностранные авторы. Причиной может быть нежелание принять итоги холодной войны и проистекающие из этого попытки найти источники политической и экономической силы, альтернативные США – государству, долгое время бывшему единственной сверхдержавой.

Таким образом, при наиболее общей оценке современного состояния глобального общества наиболее часто употребляется термин «глобализация», под которым понимается в первую очередь экономическая и культурная глобализация; в политической сфере все значительно сложнее, поскольку многие правительства руководствуются довольно узко понимаемыми национальными, партийными либо личными интересами. На втором месте по популярности слово «кризис» (это слово чаще всего употреблялось в контексте экологических проблем или

мировой финансово-экономической ситуации). При этом исследователи сходятся во мнении, что кризис давно перестал быть только экологическим, политическим, экономическим или каким-то иным, то есть приобрел системный характер.

Наибольшее внимание исследователи уделяют социокультурным и политическим проблемам, единицы анализа из этой категории встретились 9124 раза. Кроме того, у этой категории самые большие значения медианы и среднего арифметического (табл. 1). То есть данная проблема является наиболее актуальной и освещаемой в современной научной печати. Намного реже использовались единицы анализа из категории «демографические аспекты». Разница в средних показателях – почти в два раза по среднему арифметическому. Это значит, что демографические проблемы считаются менее значимыми по сравнению с политическими и цивилизационными конфликтами, хотя именно демографические процессы, в первую очередь миграция и рост численности населения, становятся одной из причин обострения или возникновения конфликтных ситуаций среди представителей разных культур.

Единицы анализа из категории «социально-экономические аспекты» находятся на третьем месте по частоте использования. Экологические проблемы занимают последнее место, возможно, это вызвано тем, что уже накоплен позитивный опыт их решения, так как экологические проблемы были первыми, на которые обратили внимание исследователи. Хотя экологическая ситуация по-прежнему остается очень острой, особенно в странах с быстро развивающейся экономикой.

Сравнение по абсолютным показателям не производилось из-за разного количества единиц анализа.

Таблица 1

Сравнение частоты использования различных категорий глобальных проблем

Категории	Количество единиц анализа	Общее число употреблений	Медиана	Среднее арифметическое
Экологические аспекты	15	1814	52	120,93
Демографические аспекты	11	1623	27	147,55
Социокультурные и политические аспекты	32	9124	70	285,13
Социально-экономические аспекты	14	1934	77,5	138,14

Теперь рассмотрим каждую категорию более подробно. Чаще всего в категории анализа «социокультурные и политические аспекты» встречаются слова и словосочетания, которые так или иначе связаны с теорией С. Хантингтона о столкновении цивилизаций [Хантингтон 2003], хотя напрямую используют это сочетание («столкновение цивилизаций») только 39 раз. Но, например, слово «Запад» (и однокоренные) встречается 740 раз, «Европа» – 1318, слово «Восток» встречается 109 раз. Религиозный аспект столкновения также четко прослеживается: единица анализа «христианство» была употреблена 202 раза, «ислам» – 242, «буддизм» – 19. Такие сравнительные данные частоты употребления названий

трех мировых религий свидетельствует о том, что рассматривается противостояние в целом между цивилизациями, основанными на ближневосточных религиях. Можно сравнить также и частоту использования единиц анализа «Господь/Бог» (75), «Иисус Христос» (9), «Аллах» (0) и «Мухаммед» (9). Подобное смещение в сторону христианской религии основано на цивилизационной принадлежности большинства авторов проанализированных текстов. Так же, как и в предыдущем случае, частота употребления слов «православие» (65), «католицизм» (72) и «протестантизм» (37) больше говорит об объекте, ставшем предметом изучения автора, чем о реальной роли того или иного направления в христианстве. Кроме того, такое частое употребление слов «Европа», «европейский» и других однокоренных говорит о евроцентризме, присущем российским исследователям. При этом чаще всего слова «ислам», «мусульмане», «арабы» используются в одном тексте со словом «терроризм», то есть исследование феномена терроризма напрямую связано с рассмотрением проблемы столкновения цивилизаций. Это свидетельствует также о том, что религия (данное слово, а также названия различных конфессий, тоже чаще всего встречались именно в этом контексте) действительно является мощным разделяющим фактором. И наибольшее сопротивление глобализационным тенденциям оказывает религия – большинство конфессий, существующих в мире. Причина, вероятно, в том, что религия – крайне консервативный социальный институт, но «религии догматичны не потому, что они не хотят измениться, они просто не могут этого сделать, не погрешив против своей сути» [Косиченко 2013: 52]. Таким образом, между глобализацией и религией существуют неразрешимые противоречия, происходящие из самой их сущности.

Частота употребления единиц анализа может свидетельствовать о роли и значении того или иного региона мира. Так, «Ближний Восток» используется 51 раз, «Азия» – 370, «Африка» – 268, «Латинская Америка» – 96, «США» – 1394, «Россия» – 1117, «Китай» – 1626. Необходимо отметить, что «Африка» и «Латинская Америка» чаще используются в текстах, в которых есть слово «бедность». При этом необходимо отметить, что частота употребления слова «Россия» во многом обусловлена субъективными факторами, связанными с тем, что оба журнала, использованных для контент-анализа, являются российскими, соответственно даже в статьях, посвященных глобальным явлениям, уделяется значительное внимание российскому опыту. Частота употребления рассматриваемой единицы анализа значительно больше в русскоязычном журнале (в среднем 9,32 раза в одной статье), чем в англоязычном (4,27).

На втором месте оказались демографические проблемы. Например, расхожее понятие «демографический взрыв» использовалось всего 13 раз, то есть употребление этого словосочетания остается в большей степени уделом журналистов, а не ученых. Также это может означать, что большинство исследователей признают тот факт, что в настоящий момент совершается вторая фаза демографического перехода (53 раза) – замедление темпов роста численности населения.

Рассмотрим остальные единицы анализа, относящиеся к данной категории. «Демографический рост» использован 4 раза, «рост населения» – 98 раз, «нелегальная (миграция)» – 61 раз, «вынужденная (миграция)» – 10 раз, «беженцы» – 14 раз, «мигрант» (к этой же единице анализа относятся слова «эмигрант», «иммигрант») – 602 раза, «миграция» – 717 раз, «старение населения» – 27 раз, «убыль населения» – 24 раза. Два последних понятия употребляются только по

отношению к демографической ситуации в современной Европе и России. А демографический рост и рост населения употребляются в контексте демографических процессов, происходящих в развивающихся странах или в мире в целом.

При этом демографическая проблема имеет несколько проявлений. Во-первых, рост численности населения планеты, который в последнее время замедляется, то есть намечается вторая стадия демографического перехода. Необходимо отметить, что существуют как минимум два подхода к оценке роста населения. Одни специалисты полагают, что рост численности населения характерен почти для всех этапов истории, но предельно допустимое значение было превышено только в XX в. [Чумаков 2014]. По мнению других, численность человечества неоднократно превышала предельные значения, став, к примеру, одной из причин вымирания мегафауны в плейстоцене, но технологические прорывы (например, неолитическая революция) позволяли справиться с кризисом, вызванным превышением биологической ниши. А это означает, что и современная проблема не уникальна (она уникальна по другим причинам, как, впрочем, и все предыдущие глобальные кризисные ситуации) и может быть решена с помощью очередного прорыва в технологическом развитии [Назаретян 2001].

Вторыми по значению в спектре демографических проблем видятся миграционные аспекты, в том числе и международные миграционные процессы и потоки, из-за которых происходит изменение этнического состава некоторых регионов Земли. При этом «на фоне кризиса институтов национального государства все формы этнизма и религиозности переживают период небывалого подъема и активно востребуются еще вчера пассивными, деидеологизированными и атомизированными массами» [Сафонов 2013: 274]. Подобное явление вызывает многочисленные этнические и религиозные конфликты в регионах с разнообразным этническим составом. При этом не выработано действительно работающих механизмов адаптации и интеграции мигрантов в культуру титульной нации, о чем несколько лет назад говорили лидеры Германии, Великобритании и Франции, утверждая, что политика мультикультурализма провалена.

Несмотря на многие трудности, именно мультикультурализм может оказаться одним из политических решений, которое поможет снять остроту многих современных этнокультурных проблем. Ш. Н. Айзенштадт отмечает, что «прежде всего на Западе (хотя очень быстро и за его пределами), особое значение стало уделяться мультикультурализму как возможному дополнению или замене доминирующей модели гегемонии современного однородного национального государства» [Айзенштадт 2012: 490], поскольку сохранение этнической однородности современных государств вряд ли возможно. Для этого были бы необходимы слишком жесткие меры со стороны крупных центров международной иммиграции по закрытию границ для мигрантов, на которые лидеры этих стран, вероятнее всего, не решатся, в первую очередь из-за внутренних демографических проблем, связанных со старением коренного населения и нехваткой рабочей силы.

Еще одной возможностью для снятия этнокультурной напряженности можно считать формирование сетевого общества. Некоторые признаки его появления уже наблюдаются. Первым о сетевом обществе начал писать М. Кастельс. Он объяснял использование такого термина тем, что это общество «создано сетями производства, власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство» [Кастельс 2000: 505]. Бо-

лее широкое значение сетевого общества заключается в стирании макрогрупповых различий или превращении их в малозначимые за счет включенности индивида в огромное количество малых или относительно малых групп, в том числе и виртуальных, формирующихся по интересам. При этом членами данных сетей могут быть люди, которые по макрогрупповым показателям были бы непримиримыми противниками. Такой переход в отличие от мультикультурализма, который лишь «законсервирует» современную разделенность этнических групп, может означать переход на другой уровень сложности социальной системы в соответствии с законом иерархических компенсаций.

На третьем месте по частоте использования – слова, относящиеся к единицам анализа из категории «социально-экономические аспекты». Ситуация в этой категории напоминает ту, которая связана с концепцией столкновения цивилизаций: само сочетание слов «золотой миллиард» используется сравнительно редко (18 раз), но при этом часто говорится о развитых (342) и развивающихся (305) странах, разрыве в их экономическом состоянии, неравном политическом влиянии Севера (29) и Юга (50), США и ЕС, с одной стороны, и Азии, Африки и Латинской Америки – с другой. При этом аспект экономической интеграции намного менее интересует исследователей, чем разделение мира на богатый Север и бедный Юг.

И хотя есть все основания полагать, что сближение развитых и развивающихся стран «действительно ускорилось и в 90-е годы охватило около 80 % населения развивающихся стран», при этом «чисто экономические индикаторы далеко не всегда и не во всем коррелируют с социально-демографическими» [Фридман, Кузнецова 2000: 13]. Но такое сближение обеспечивается в первую очередь экономическим ростом таких гигантов, как Китай и Индия, в которых проживает почти 2,5 миллиарда человек, что составляет примерно треть от общей численности населения планеты. Л. Е. Гринин отмечает, что именно глобализация стала причиной того, что «развитие периферии ускорилось, а центра замедлилось. Разрыв между богатым Севером и бедным Югом планеты в объеме производства все еще очень велик, однако в течение последующих десятилетий он заметно сократится (в том числе и в отношении доходов на душу населения, но в меньшей степени)» [Гринин 2013: 66].

Ускорение экономического развития имеет помимо положительных последствий в виде повышения уровня жизни людей и последствия отрицательные. «Развитие производящей экономики значительно усилило антропогенное воздействие на природную среду, в результате чего в локальных масштабах превышения предельно допустимых параметров такого воздействия стали более частыми и интенсивными, а социальная экология все больше закрывала собой, втягивала в свою орбиту экологию других живых организмов» [Чумаков 2014]. Основным способом решения этой проблемы является переход с экстенсивного пути развития средств использования природных ресурсов на интенсивный, то есть необходимы разработка и внедрение более экологичных средств их эксплуатации. В современном мире основным фактором влияния на состояние окружающей среды, «превосходящим все остальные антропогенные факторы» [Клименко, Терешин 2012: 608], признана энергетика, поэтому основные усилия должны быть направлены на изменения способов добычи и транспортировки углеводородов и поиск действительно более безопасных альтернативных источников энергии.

Решение экологических проблем (как и многих других глобальных проблем)

сталкивается с рядом противоречий, затрудняющих, а иногда и делающих невозможным это решение. Так, «согласование общей программы борьбы с изменениями климата наталкивается на глубокие противоречия между богатыми и бедными странами» [Вебер 2012: 606]. При этом аргументы обеих сторон имеют под собой веские основания, так как развивающиеся страны вносят лепту в разрушение экологии практически полным отсутствием или низкой эффективностью разнообразных очистительных сооружений, экологических фильтров, на разработку или закупку которых у них нет средств. Развитые страны, обладающие технологиями экологической очистки, все равно оказывают намного более сильное влияние на ухудшение экологической обстановки на планете из-за чрезвычайно высоких объемов производства.

На страницах обоих журналов также уделяется значительное внимание экологическим проблемам, климатическим изменениям, возможному исчерпанию природных ресурсов, истощению озонового слоя (12 раз использовано словосочетание «озоновый слой» и 8 раз – «озон» или «озоновый») и грядущему энергетическому кризису, который может наступить, если не будут развиваться альтернативные источники энергии или, возможно, не будут найдены другие, более экологичные. Кроме того, частое использование слов «энергия» и «энергетика» (559 раз, что делает эту единицу анализа наиболее часто употребляемой в данной категории) говорит о том, что растущее потребление энергии, добыча ресурсов для ее производства и само производство является одной из основных причин возникающих экологических проблем. Кроме того, значительное внимание уделено климатическим изменениям. Слова, связанные с этим явлением, употреблены 220 раз.

Следовательно, современное общество переживает глобальный системный кризис, который охватывает все стороны его существования.

Кроме того, при проведении контент-анализа были рассмотрены акторы глобального регулирования, которые оценивались по следующим единицам анализа: транснациональные корпорации (ТНК), правительство, глава государства (здесь отмечались, кроме слов «президент», «премьер-министр», «глава государства», еще и конкретные политические деятели, возглавляющие или возглавлявшие различные страны в разное время, чьи имена были упомянуты в проанализированных статьях), Организация Объединенных Наций (ООН) и государство.

Таблица 2

Соотношение акторов глобального регулирования

Единицы анализа	Частота употреблений	Процент от общего числа
Транснациональные корпорации/глобальные корпорации	96	3,02
Правительство	518	16,27
Глава государства	174	5,46
Организация Объединенных Наций (ООН)	233	7,32
Государство	2163	67,93
Сумма	3184	100,00

Как видно из табл. 2, чаще всего из этой категории употребляется слово «государство», то есть оно, а не наднациональные структуры и организации, по-прежнему видится основным актором на мировой политической арене. При этом если мы учтем единицы анализа «правительство» и «глава государства», то окажется, что в 89,66 % случаев в качестве субъектов мировой политики и субъектов управления рассматриваются государство или государственные органы управления. Организация Объединенных Наций упоминается только в 7,32 % случаев. Вероятно, данная организация, по мнению исследователей, не обладает реальной властью, то есть является слабой и практически не влияет на принятие решений. Несмотря на то что это единственная существующая на данный момент наднациональная организация, которая включает в себя почти все страны мира и могла бы влиять на события в мире в гораздо большей степени.

Еще реже упоминаются транснациональные корпорации (3,02 % случаев), хотя часто отмечается, что глобальные корпорации оказывают влияние на принятие политических решений как внутри отдельных государств, так и в сфере международных отношений. Кроме того, в рамках категории «социокультурные аспекты» были выработаны единицы анализа «Америка (США)» (1394 раза) и «Европа/Европейский союз» (1318 раз). На основе подсчета частоты употребления этих слов можно сделать вывод о влиянии этих регионов на глобальные процессы. США упоминались в контексте мирового политического и экономического лидера, распространения американской модели массовой культуры. О Европе часто говорили как о бывшем лидере, колыбели западной цивилизации и как о возможном мировом лидере в том случае, если во внешней политике она будет придерживаться позиции, независимой от США. Хотя в качестве альтернативного лидера чаще упоминается Китай (общее число употреблений составляет 1626), который уже претендует на роль мирового экономического лидера, но его возможное лидерство в других сферах подвергается сомнению.

Но, как показывает практика, государства и их союзы не способны эффективно управлять глобальными процессами и в целом состоянием глобальной системы: «...мировое сообщество подошло к тому рубежу, за которым лишь стихийно складывающееся регулирование общественных отношений продолжаться уже не может. Оно должно быть дополнено теперь сознательно и целенаправленно выстроенным управлением всей этой системой, ибо мир глобальных отношений без эффективного глобального управления обречен на серьезные испытания» [Чумаков, Иоселиани 2015: 99]. ООН, одной из задач которой как раз это глобальное регулирование и является, также проявляет крайне ограниченную способность урегулировать возникающие конфликты, особенно если их инициаторами выступают сверхдержавы. Наиболее реальным вариантом субъекта глобального управления из всех возможных кажется реформированная Организация Объединенных Наций, наделенная большими полномочиями, в первую очередь, в вопросе обязательности санкций для всех государств – членов ООН за нарушение международного права (необходимость и его изменения тоже назрела не одно десятилетие назад), а также равного их применения для всех стран. Это одна из наиболее серьезных проблем современности: стоит вспомнить хотя бы ввод вооруженных сил США и их союзников в Ирак в марте 2003 г. для «свержения режима Саддама Хусейна» и поисков мифического ядерного оружия или бомбардировки Югославии в 1999 г. и сравнить их с тем, что происходит после присоединения Крыма к России и начала вооруженного конфликта на Юго-Востоке Украины.

Поскольку в целом современное состояние общества/цивилизации оценивается как кризисное или признается наличие ряда серьезных глобальных проблем, необходимо принятие срочных антикризисных мер. Сами практические попытки регулировать глобальные процессы беспрецедентны, то есть вплоть до XIX в. они не предпринимались. Так, например, первая Всемирная конференция о сохранении мира и ограничении вооружений прошла только в 1899 г. по инициативе российского императора Николая II, хотя теоретическое осмысление глобального регулирования началось значительно раньше. В этом контексте можно вспомнить, например, работы Гуго Гроция [1994], который фактически заложил основу международного права. А на современном этапе социальной эволюции существуют наднациональные структуры, способные при условии глубокого реформирования играть роль субъекта глобального управления.

Необходимо отметить, что решение многих из существующих ныне проблем зависит не только от решений, принимаемых людьми, наделенными властными полномочиями, но и от ценностных ориентаций всех членов общества. Изменить ценности можно через воздействие на человека с помощью институтов социализации: систему образования, СМИ, различные формы искусства, – все эти институты могли бы способствовать формированию приоритета глобальных интересов над национальными и личными, бережного отношения к окружающему миру. Контент-анализ продемонстрировал, что актуальными также являются и социально-экономические проблемы, прежде всего означающие неравенство государств и сословий, неравный доступ к технологиям, наличие которых фактически означает возможность выживания и развития в современном мире. Кроме того, из-за недостаточной эффективности социальных лифтов это неравенство ограничивает возможность талантливых молодых людей получать образование и, соответственно, замедляет развитие бедных регионов Юга.

Таким образом, существует два пути выхода из кризиса: сокращение производства, потребления (но это будет означать начало нисходящей стадии эволюции) и прорыв в развитии технологий с акцентом на их растущую эффективность и экологическую безопасность. Первый путь неприемлем, так как означает снижение уровня жизни большинства людей. Второй путь более сложен, но именно он предоставляет перспективы дальнейшего развития и выхода на странный аттрактор, который позволит нашей цивилизации обрести более высокий уровень сложности. Переход на другой уровень сложности может сопровождаться снижением культурного, этнического, лингвистического, религиозного и иных форм макрогруппового разнообразия в соответствии с законом иерархических компенсаций [Назаретян 2015].

Литература

Айзенштадт Ш. Н. Современная глобализация и новые цивилизационные модели // Универсальная и глобальная история. Эволюция Вселенной, Земли, жизни, общества / под ред. Л. Е. Гринина, И. В. Ильина, А. В. Коротаева. Волгоград : Учитель, 2012. С. 486–492.

Вебер А. Б. Человечество перед экологическим вызовом // Универсальная и глобальная история. Эволюция Вселенной, Земли, жизни, общества / под ред. Л. Е. Гринина, И. В. Ильина, А. В. Коротаева. Волгоград : Учитель, 2012. С. 597–607.

Гринин Л. Е. Глобализация тасует мировую колоду: куда сдвигается глобальный экономико-политический баланс // Век глобализации. 2013. № 2. С. 63–78.

Гроций Г. О праве войны и мира. М. : Ладомир, 1994.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ-ВШЭ, 2000.

Клименко В. В., Терешин А. Г. Мировая энергетика и глобальный климат в XXI в. в контексте исторических тенденций: Пределы роста // Универсальная и глобальная история. Эволюция Вселенной, Земли, жизни, общества / под ред. Л. Е. Гринина, И. В. Ильина, А. В. Коротяева. Волгоград : Учитель, 2012. С. 608–621.

Косиченко А. Г. Глобализация и религия // Век глобализации. 2013. № 1. С. 47–58.

Назаретян А. П. Нелинейное будущее. М. : Аргамак-Медиа, 2015.

Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. М. : PerSe, 2001.

Сафонов А. Л. Нация и этнос: социальные группы в «плавильном котле» глобализации // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 1. С. 273–288.

Фридман Л., Кузнецова С. Глобализация: развитые и развивающиеся страны // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 10. С. 3–13.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003.

Чумаков А. Н. Глобализация: контуры целостного мира. М. : Проспект, 2014.

Чумаков А. Н., Иоселиани А. Д. Философские проблемы глобализации. М. : Университетская книга, 2015.

Элвуд У. Глобализация. М. : Книжный клуб «Книговек», 2013.

ПУТЬ К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Снакин В. В.*

Анализируются цели и теоретические основы концепции устойчивого развития (УР), претендующей на роль ведущей точки зрения для мирового сообщества. Показано отсутствие научного обоснования, противоречие концепции УР закономерностям развития биосферы, законам диалектики. Концепция УР внедрена «сверху» и обусловлена не научным анализом истории, а политическими причинами. Она противопоставляет человека природе, узко трактует экологические знания, не согласуется с основными закономерностями эволюции биосферы (скачкообразность, рост неустойчивости и др.). В этом видится причина отсутствия положительного влияния концепции УР на современные процессы в мире, подверженного усилению неравномерности и неустойчивости роста. Дискутируются результаты опытов Дж. Кэлхуна по созданию «мышинного рая», показывающие губительное воздействие удовлетворения потребительских целей для выживания социума. В противовес концепции УР приводится пример успешного использования в политической практике концепции «управляемого хаоса», основанной на достижениях термодинамики необратимых процессов И. Пригожина. Подчеркивается перспективность разработок новых воззрений на развитие человеческого социума, основанных на эволюции идеи нестабильности и отказа от детерминистической картины мира.

Ключевые слова: концепция устойчивого развития, концепция «управляемого хаоса», развитие цивилизации, опыт Кэлхуна.

This article analyzes goals and theoretical foundations of the concept of sustainable development (SD) which claims to be the leading viewpoint for the world community. The author shows the absence of scientific justification, the contradictions between the SD concept and the laws of biosphere evolution as well as the laws of dialectics. The SD concept has been introduced 'from the top' due to the political reasons and not due to a scientific analysis. It opposes human and nature, and narrowly interprets the environmental knowledge; besides, it does not match the basic laws of the biosphere evolution (explosive character, increasing volatility, etc.). This seems to be the reason for the lack of positive influence of the SD concept on current processes in the world exposed to increasing inequality and unstable growth. The author discusses the results of John Calhoun 'mouse utopia' experiments showing a devastating impact of satisfaction of consuming goals for the surviving society. In contrast to the SD concept an example of successful use of 'controlled chaos' concept in political practice is presented basing on the achievements of Ilya Prigogine's thermodynamics of irreversible process.

* Снакин Валерий Викторович – д. б. н., профессор, заведующий лабораторией ландшафтной экологии Института фундаментальных проблем биологии РАН, зав. сектором Музея земледелия МГУ имени М. В. Ломоносова, член Президиума Российской экологической академии. E-mail: snakin@mail.ru.

The author emphasizes the prospects of elaborating a new outlook based on the idea of instability and denial of deterministic picture of the world and its influence on humane society development.

Keywords: *the sustainable development concept, the controlled chaos concept, the development of civilization, Calhoun experiment.*

Введение

Задача управления природными процессами, извечно манящая человечество, с неизбежностью требует глубокого проникновения в закономерности развития природы в целом, и особенно, что нам, несомненно, ближе всего, биосферы и человеческого социума.

От тех правил, которые социум выработал в историческом процессе и которыми руководствуется в своем бытии, во многом зависит успешность процветания вида. Эти правила могут соответствовать и тем самым способствовать извечному ходу эволюции, а могут ему противоречить и тормозить эволюционный процесс. «Не забегаем ли мы вперед в попытках действовать здесь и теперь без достаточного понимания сути тех процессов, которые намереемся целенаправленно и рационально обоснованно регулировать?» [Чумаков 2015: 100].

Одной из самых популярных в последние десятилетия стала концепция устойчивого развития, претендующая «не только на роль ведущей точки зрения для отдельных частей планеты, равно как и для отдельных государств и регионов, но и для мирового сообщества в целом» [Бехманн 2006: 916].

Наличие многочисленных трактовок термина «устойчивое развитие» и его недостаточная точность «создает препятствие в его распространении и восприятии» [Там же: 917]. Термин, по мысли введившей его Международной комиссии по окружающей среде и развитию (Комиссия Брундтланд), обозначает прежде всего социальное развитие, удовлетворение потребности настоящего времени, не подрывающие природные условия существования человечества. Понимая, что каждое изъятие невозпроизводимых ресурсов означает необратимое уменьшение возможностей следующих поколений, в концепции стали рассматривать ресурсные и демографические аспекты, проблемы загрязнения окружающей среды, несущей способности биосферы, поляризации бедности и богатства, государственные долги и т. п.

На уровне отдельных государств разрабатываются национальные программы устойчивого развития. В 1996 г. в России утвердили Концепцию перехода Российской Федерации к устойчивому развитию. В декабре 2002 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла резолюцию 57/254, в соответствии с которой было провозглашено Десятилетие образования в интересах устойчивого развития на 2005–2014 гг.

Тем не менее «триумфальное» распространение по планете концепции устойчивого развития ознаменовалось современным глобальным социально-экономическим кризисом. Мировая экономика в настоящем отличается усилением неравномерности и неустойчивости роста [Приписнов 2014]. 2016-й г. начался с обвала фондовых рынков и в США (крупнейшего за 119 лет), и в Китае, и в России.

Попытаемся проанализировать некоторые особенности концепции устойчивого развития с позиции имеющихся разработок в области теории эволюции.

Достижимость и обоснованность целей устойчивого развития

1. Концепция устойчивого развития родилась не на основе анализа исторического развития, не на основе научных теорий, а была предложена «сверху» как политико-социальная рекомендация для всех стран мира в 1987 г. При этом она не была наполнена естественно-научным содержанием. Возможно, именно поэтому при подготовке Всемирного саммита по устойчивому развитию (Йоханнесбург, 2002) Генеральный секретарь ООН К. Аннан признал, что слово «устойчивость» превратилось скорее в заклинание, чем в призыв к действию [цит. по: Вебер 2006: 921]. Несмотря на широкий спектр интерпретаций понятия «устойчивое развитие» (большинство из которых, к сожалению, не удовлетворяет критериям научного, выраженного в универсальных мерах), оно до сих пор не имеет общепринятого толкования [Кузнецов, Рябкова 2009: 81]. «Устойчивое развитие еще не стало научной теорией в строгом смысле этого слова» [Урсул 2014: 95].

Появление концепции устойчивого развития напоминает историю с победным шествием в свое время теории Лайеля (униформизма, или актуализма), отвергшей теорию катастрофизма. Эта по сути геологическая теория, построенная адвокатом Чарльзом Лайелем, также во многом была обусловлена не столько научным анализом истории Земли, сколько политическими причинами [Голубчиков 2009].

2. Характерной особенностью концепции устойчивого развития является противопоставление человека и природы, стремление примирить их взаимоотношения, как будто человек какое-то неземное явление. Но человек – продукт эволюции биосферы, органичная ее часть, и он действует в соответствии с законами этой эволюции: оказывает возрастающее давление на природу (закон давления жизни), преобразует окружающую среду с целью максимальной независимости от нее, как и все другие биологические виды. И как более разумное по сравнению с другими обитателями планеты существо впервые активно поддерживает усиливающуюся обратную связь с окружающей средой, в меру современного понимания охраняя природу.

3. При обосновании концепции устойчивого развития очень часто привлекают так называемый экологический подход с весьма узким пониманием экологии. Так, в интересном (в целом) учебнике по устойчивому развитию дается следующее характерное определение: «Экология – предметная область, изучающая взаимные связи и взаимодействия между Человеком (Человечеством) и окружающей его природной средой» [Кузнецов, Большаков 2001: 264]. Такое ограниченное определение экологической науки обедняет возможности ее использования, отрезает весь пласт фундаментальных знаний о взаимоотношении видов между собой и окружающей средой, сводя все виды к одному – человеку. Возможно, поэтому в разделе упомянутого учебника «Научные основы теории устойчивого развития в системе “Природа – общество – человек”» авторы ничего не смогли рассказать о согласовании концепции устойчивого развития с законами глобальной эволюции живой природы.

4. Концепция устойчивого развития неоднократно подчеркивает основное противоречие во взаимодействии общества и природы – между растущими потребностями мирового сообщества и невозможностью биосферы обеспечить эти потребности. Но жизнь и официальные данные ООН [GEO-4 и др.] свидетель-

ствуют о другом: качество и продолжительность жизни подавляющего большинства землян неравномерно во времени и по регионам, но растут, уменьшается доля голодающих в мире, сокращаются рождаемость и прирост народонаселения (в основном благодаря естественным механизмам регуляции). Сказанное вовсе не означает отсутствия проблемы антропогенного воздействия на биосферу и его отрицательных последствий для жизни человека. Но излишняя драматизация этой проблемы (экологический алармизм), как показывает практика, ведет лишь к росту нигилизма и снижению общественного интереса к проблемам охраны природы.

5. Анализируя концепцию устойчивого развития, следует также оценить поставленные ею цели и последствия их достижения. Целью, как бы мы ни завуалировали этот вопрос фразами о тревоге за будущее поколение, об охране природы и т. п., является выживание человечества, но не просто выживание, а с постоянным (устойчивым) нарастанием возможности удовлетворения своих (вечно растущих) потребностей.

Однако к чему ведет подход, ориентированный на «сытую жизнь», наглядно показали результаты опытов американского этолога Джона Кэлхуна по созданию так называемого «мышинного рая» [Calhoun 1973; Хок 2003]. При этом ученый считал, что не существует логических причин, по которым наблюдаемые в экспериментах социальные эффекты не могут произойти в человеческом обществе. В своих исследованиях он ввел понятие «поведенческая клоака» (англ. *Behavioral sink*), описывающее усугубление и распространение отклоняющихся, патологических форм поведения мышей в условиях избытка ресурсов и высокой плотности.

Один из наиболее наглядных опытов Кэлхуна (названный «Вселенная-25», поскольку проводился в 25-й раз) выглядел следующим образом. В спецзагон, рассчитанный на ~4000 мышей, были помещены 4 пары здоровых мышей. Внутри загона поддерживалась комфортная для мышей температура (+20 °С), присутствовали в изобилии еда и вода (из расчета до 9500 особей), поддерживались чистота и ветеринарный контроль, были предприняты меры безопасности от хищников и массовых инфекций, созданы многочисленные гнезда для самок. На практике рост численности популяции остановился на максимальном значении 2200 особей, затем численность сокращалась. В период стабилизации численности агрессивность самок повысилась и часто была направлена на потомство, матери не ухаживали за мышатами; среди молодых самцов также проявлялось девиантное поведение: пассивность либо чрезмерная агрессивность, пансексуальность и гомосексуальность, каннибализм. Возросла группа «самцов-красавцев», не вступавших в борьбу за самок и территорию, только питающихся и чистивших свою шерстку, в результате чего они отличались хорошим внешним видом (чем не аналогия с современными метросексуалами?!). На последней стадии существования «мышинного рая» средний возраст мышей составил 776 дней, что на 200 дней превышает верхнюю границу репродуктивного возраста, смертность молодняка составила 100 %, количество беременностей было незначительным, а вскоре снизилось до нуля. Через четыре года в загоне осталось лишь 122 мыши (100 самок и 22 самца) вне репродуктивного возраста, и опыт был завершен ввиду очевидности гибели подопытной популяции.

6. Важный аспект любой концепции – ее соответствие современному состоянию наших знаний о законах развития. Обобщение закономерностей эволюции биосферы свидетельствует прежде всего о скачкообразности процесса развития как на видовом, так и на более высоких уровнях организации, о тенденции к стабильности при одновременном уменьшении устойчивости развитых (климаксных) сообществ [Снакин 2014 и др.]. История не дает нам примеров устойчивого развития ни одной страны мира. Войны, депрессии, политические кризисы, перевороты – реальные черты реальной эволюции. Предшествующий период и нынешняя ситуация в мире (незатухающие конфликты на Ближнем Востоке, в различных районах Африки и других регионах) являются яркой иллюстрацией неустойчивости развития. В то же время именно через конфликты пробивает свой путь прогрессивное новое, сочетающее процессы глобализации с локальными тенденциями общественного развития (глокализация).

При этом, как бы мы ни критиковали социально ориентированную западную цивилизационную модель, именно она в настоящее время является центром притяжения других народов, подтверждением чему является усиливающаяся волна эмиграции в страны Запада. Возможно, новая волна переселения (смещения) народов уже в условиях глобализации станет важной частью разрешения современного цивилизационного кризиса, как в свое время решению мировых кризисов способствовали интернационализация капитала, создание атомного оружия и Интернета.

О тенденции роста сложности экосистем, развитии интеллекта у биологических видов, об улучшении условий существования отдельных видов можно говорить только в историческом контексте с большими характерными временами, существенно превышающими средний возраст поколений (для человечества – около 30 лет), и это скачкообразный процесс с тенденцией эволюционного ускорения и, соответственно, уменьшением характерного времени.

Ко всем этим процессам концепция устойчивого развития никак не привязана.

7. Концепция устойчивого развития не согласуется с общепризнанными основными законами диалектики (развития) великого Г. В. Ф. Гегеля (саморазвитие, взаимопроникновение противоположностей, диалектическое отрицание). Навязывание устойчивости (по сути, постоянства) часто приводит к противоположному результату – депрессии или как минимум стагнации.

8. В качестве сравнения и показателя эффективности опоры на научные разработки можно говорить об успехе активно используемой в политике правительством США концепции «управляемого хаоса», именно в силу того, что последняя основана на теории ученых-естествоиспытателей Ильи Пригожина и Изабеллы Стенгерс о развитии неравновесных систем (теория динамического хаоса).

9. Необходимость разработки новой концепции развития цивилизации становится все более очевидной, учитывая, что за десятилетия распространения концепции устойчивого развития мир не стал ни стабильнее, ни устойчивее. Одними из перспективных направлений разработки такой новой концепции являются развитие идеи нестабильности и отказ от детерминистической картины мира. Подобного рода работа по развитию единой науки, объединяющей представления о физическом и социальном универсуме, проводится в независимом Институте

теоретических исследований в Санта-Фе (*Santa Fe Institute*), созданном в 1984 г. группой ученых (Дж. Коуэн, М. Гелл-Ман, С. Кауфман и др.) для междисциплинарных исследований фундаментальных свойств сложных адаптивных систем, включая физические, математические, биологические и социальные системы, а также для образовательной деятельности среди студентов. Интеграция науки, аполитичность, формирование целостной картины мира и единой терминологии позволяют этому институту выходить на новый уровень обобщения закономерностей эволюции и разработки конкретных предложений по проблемам современных международных отношений.

В России обсуждение подобных проблем впервые началось в неформальном объединении исследователей, сформировавшемся вокруг междисциплинарного научно-теоретического журнала «Век глобализации», «нацеленного на глубокий анализ острейших проблем современности, устремленного в будущее, не избегающего новизны и самых жгучих тем наших дней» [Израэль 2008].

Заключение

Человечество будет процветать до тех пор, пока идет борьба за выживание, пока не достигнута цель – независимость человечества от пугающих своей мощью сил природы. Любой биологический вид пытается сделать свою жизнь независимой от внешних сил. Но человечество достигло в этом максимальных успехов благодаря более развитому интеллекту, открытию новых источников энергии, преобразованию биосферы в своих интересах, космическим исследованиям и проектам, все более развивающейся обратной с биосферой связью в процессе охраны природы. И достигать этих целей человечество будет через кризисы, падения, ошибки, борьбу концепций, цивилизационных парадигм, исправление ошибок и движение вперед благодаря достижениям науки.

С момента появления концепции устойчивого развития не прекращаются попытки найти ей достойное научное обоснование. Но его нет до сих пор. Это вполне естественно, поскольку научные концепции рождаются не из благих пожеланий, а на основе научных фактов и анализа законов развития природы (биосферы). Концепция устойчивого развития не соответствует ни законам эволюции биосферы, ни теории сложных систем, ни законам диалектики. Более того, навязанная системе стабильность чаще всего приводит к накоплению и усугублению проблем, что в дальнейшем может привести к еще большему кризису!

Создавшейся реальности весьма соответствует эпатажное высказывание К. Свасьяна: «Мы вступаем в эпоху слабоумия. Первый симптом этого слабоумия: крики об опасности, грозящей природе, и о необходимости защитить природу. Но защищать природу надо не от “*выхлопных газов*”, а от “*выхлопных мыслей*”; зоны экологического бедствия обнаруживаются не по отклонениям стрелки счетчика Гейгера, а по плотности присутствия интеллигентов. *Мышлению* грозит опасность...» [Свасьян 2003: 40].

Изложенный материал показывает необходимость разработки новых концепций дальнейшего развития цивилизации, в частности основанных на современных теориях сложных систем, развитии идеи нестабильности и отказе от детерминистической картины мира. А устойчивое или самоподдерживающееся развитие, так

и не получившее научной основы, остается благим пожеланием, очередным историческим мифом.

Литература

Бехманн Г. Устойчивое развитие // Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. М.; СПб.; Н.-Й. : ИЦ «ЭЛИМА», ИД «Питер», 2006. С. 916–918.

Вебер А. Б. Устойчивого развития концепция // Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. М.; СПб.; Н.-Й. : ИЦ «ЭЛИМА», ИД «Питер», 2006. С. 918–921.

Голубчиков Ю. Н. Эволюционизм или катастрофизм? // Материалы Международного научного конгресса «Глобалистика – 2009: пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства». Т. 2. М. : МАКС Пресс, 2009. С. 247–250.

Израэль Ю. А. Слово к читателю // Век глобализации. 2008. № 1. С. 3.

Кузнецов О. Л., Большаков Б. Е. Устойчивое развитие: научные основы проектирования в системе «Природа – общество – человек»: учебник. СПб.; М.; Дубна, 2001.

Кузнецов О. Л., Рябкова С. А. Возникновение и основные проблемы вхождения понятия «устойчивое развитие» в современную науку // Материалы Международного научного конгресса «Глобалистика – 2009: пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства». Т. 1. М. : МАКС Пресс, 2009. С. 79–82.

Приписнов В. Мировая экономика – усиление неравномерности и неустойчивости роста // Год планеты: Ежегодник. Вып. 2014 г. / под ред. В. Г. Барановского. М. : Идея-Пресс, 2014. С. 7–21.

Свасьян К. Европа: Два некролога. М. : Evedentis, 2003.

Снакин В. В. Глобальные тенденции в эволюции биосферы // Век глобализации. 2014. № 2. С. 3–13.

Урсул А. Д. О разработке концепции устойчивого развития // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2014. № 6. С. 95–99.

Хок Р. 40 исследований, которые потрясли психологию. СПб.: Прайм-ЕВРО-ЗНАК, 2003.

Чумаков А. Н. Глобальные проблемы устойчивого развития // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2015. № 1. С. 98–101.

Calhoun J. Death Squared: The Explosive Growth and Demise of a Mouse Population // Proc. Roy. Soc. Med. 1973. Vol. 66. № 2. Pp. 80–88.

GEO-4: Global Environment Outlook: Environment for development. 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unep.org/geo/docs/geo-4assessmentbrochure.pdf>.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ПРОБЛЕМА ГОЛОДА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ковалева Е. А., Ковалев М. О.,
Родионов Д. А.*

В данной статье исследуется проблема формирования мирового голода в контексте предполагаемой эволюции глобальных процессов, перспектив выживания человечества, приведен анализ снабжения населения продуктами питания. Массовое недоедание и другие трудности аналогичного рода оказывают обратное влияние на общественную жизнь. Для решения проблемы голода важно составить соответствующее представление о процессе приобретения продуктов питания и о самом процессе питания.

Ключевые слова: голод, аграрное производство, скрытый голод, продовольствие, социально-экономические процессы.

This article examines the issue of starvation in the world in the context of the expected evolution of global processes, as well as with account of the prospects for the humankind's survival; the author provides the analysis of supply of population with food. The mass starvation and other issues of a similar type produce an opposite effect on public life. To solve the problem of famine, it is important to make an appropriate understanding of the process of producing food and nutrition itself.

Keywords: hunger, agricultural production, hidden hunger, food, social and economic processes.

В XXI в. мировое сообщество вступило с грузом серьезных нерешенных проблем, среди которых особенно выделяются угрозы, имеющие взрывоопасный характер и ставящие человечество на грань выживания. Именно к таким проблемам относятся массовый голод и недоедание, в той или иной степени затрагивающие как развивающиеся, так и экономически развитые страны.

Голод – термин, употребляющийся как для обозначения ощущения, сопровождающего определенное физиологическое состояние организма, так и в разрезе социальном для обозначения массового явления, выражающегося в длительной недостаточности удовлетворения пищевой потребности больших групп населения [БСЭ 2014].

По оценке Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), из каждых 100 человек, живущих в настоящее время на земном шаре, 10 не получают доста-

* Ковалева Елена Анатольевна – к. т. н., доцент, профессор РАЕ, начальник лабораторного центра, доцент филиала ДВФУ в г. Находке. E-mail: biogel@mail.ru.

Ковалев Максим Олегович – старший преподаватель кафедры Нефтегазового дела и нефтехимии Инженерной школы ДВФУ. E-mail: m6dbx@mail.ru.

Родионов Данила Александрович – аспирант Института технологии и бизнеса (г. Находка). E-mail: dan.maggot@mail.ru.

точного питания; 200 млн человек находятся на грани голодной смерти [Васильев и др. 2007: 125–130]. По данным Всемирной продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), в Азиатско-Тихоокеанском регионе больше всего страдающих от голода и неполноценного питания – 642 млн человек. За ним следует юг Африки, где таких людей 265 млн [Расовая... 2011]. По подсчетам ФАО, каждый третий ребенок в мире умирает именно от голода, а еще 200 миллионов маленьких граждан регулярно голодают. Лидируют в списке детской смертности от голода Африка и Азия. Здесь проживают 90 % из всех голодающих детей в мире, причем из тысячи детей 132 не доживают до 5 лет [Там же]. В России, к примеру, этот показатель гораздо ниже – на тысячу детей младенческого возраста приходится 13 умерших [Там же].

Голод – как крайнее его проявление и огромное социальное бедствие – обрушивался на массы людей в древности, Средние века, периоды новой и новейшей истории.

Накопленный многовековой опыт свидетельствует, что освещаемая проблема представляет собой синтетическое явление, которое не замкнуто рамками общественного воспроизводства и требует более широких подходов. Как указывал великий русский физиолог И. П. Павлов, «взаимоотношения живого организма с окружающей средой – есть взаимоотношения, опосредованные вопросами питания» [Павлов 1973], поэтому сложно рассчитывать на заметное улучшение положения за счет проведения мероприятий сугубо технологической или узкоэкономической направленности. Еда, в своей первооснове принадлежащая среде обитания, используется уже как продукт культуры и в этом смысле нейтрализует противопоставление в рамках системы «природа – культура», занимая в ней промежуточное, переходное положение [Сорокин 2003]. И притом отнюдь не второстепенное, о чем свидетельствует, например, бытующий в классической географии термин «цивилизация риса», в которой рису принадлежит ведущее место не только в питании, но и во всем комплексе духовной связи между людьми и миром природы [Продовольственная... 1983].

Нехватка продуктов питания сопровождала человечество на всем протяжении его истории. В мифологии индейцев Центральной Америки существовало божество голода, а благодаря текстам кодексов майя и священным книгам древних обитателей региона, сказаниям, ритуалам, религиозной сакральной символике мы можем судить о той выдающейся роли, которая принадлежала его главной продовольственной культуре – кукурузе [Кинжалов 2000: 54–62]. В греческой мифологии уже первая женщина, созданная богами-олимпийцами, Пандора, открыв врученный ими сосуд, выпустила на волю заключенные в нем людские пороки и несчастья, среди которых был и голод, расплзшийся по всей Земле [Энциклопедия... 2014].

Если же обратиться к более близким реалиям, то вплоть до XIV–XV вв. голод многократно косил миллионы людей, учитывая, что за ним следовали всякого рода эпидемии (голодный тиф и иные заболевания), вызывавшие массовую гибель населения [Сорокин 2003]. В Англии, например, в 1005–1322 гг. было зафиксировано 36 подобных голодных эпидемий. Лишь в эпоху позднего Средневековья нехватка продуктов питания в европейских странах стала ослабевать: наблюдавшееся развитие торговли, налаживание хранения зерна, совершенствование транспорта – все это облегчало участь населения в неурожайные годы и частично спасало от преждевременной смерти [Джеллифф 1987].

Однако тенденция явного, принципиального оздоровления ситуации распространилась только на отдельные регионы, приведя к резкой территориальной дифференциации мира в уровне обеспечения и потребления продовольствия. Она начала ощутимо проявляться после победы промышленной революции в странах Запада и была усугублена в пору становления колониальных империй [Джеллифф 1987]. Задача преодоления сложившегося разрыва еще далека от разрешения, и дефицит продовольствия существует и в настоящее время. Неслучайно еще ранее было сделано заключение, что история человечества всегда была историей борьбы за хлеб насущный [Сорокин 2003]. Отсюда часто следовал пессимистический вывод, четко сформулированный бразильским ученым Жозуэ де Кастро в его книге «География голода», опубликованной в России в 1954 г.: «Очень трудно понять, каким образом это высшее животное, этот господин и хозяин вселенной, выигравший столько битв у природы, не одержал решающей победы в борьбе за питание» [Кастро 1954].

Эти горькие и эмоциональные слова тем не менее весьма спорны, и вопреки им неправомерно было ожидать иного: изначальное изобилие продуктов питания фатально обрекло бы людей оставаться на стадии присваивающей экономики, довольствуясь собирательством, охотой и рыболовством. Именно процесс аграрного производства на протяжении многих столетий выступал главным двигателем прогресса общества, так что необходимость тяжелым трудом в поте лица своего добывать пропитание – это не только наказание человека, но и одновременно отражение его избранности, предначертанное ему судьбой.

Объяснение причин неискоренимости голода, как правило, не обходится без восходящего к Т. Р. Мальтусу мнения о том, что население растет быстрее (см. табл. 1), чем расширяются возможности увеличения средств к существованию, то есть в первую очередь продуктов питания [Мальтус 1895]. В своей книге «Опыт о законе народонаселения...», появившейся в 1798 г., он писал: «...население, если процесс не ограничивать, увеличится в геометрической прогрессии, а средства к существованию – только в арифметической» [Там же].

Таблица 1

Ретроспективная и прогнозная оценка мировой численности населения

Страна	Численность населения, млн человек	
	1950 г.	2050 г.
Китай	554,760	1477,730
Индия	357,761	1528,853
США	157,813	349,318
Россия	102,182	121,256
Всего в мире	2500	8909

Источник: Васильев и др. 2007: 125–130.

Жозуэ де Кастро утверждал, что «трудно объяснить и еще труднее понять тот поразительный факт, что человек, претендующий на превосходство над другими живыми существами, одержавший столько побед в борьбе с силами природы, провозгласивший себя ее господином, так и не добился решающего успеха в борьбе за собственные средства к существованию. В настоящее время около двух третей населения мира существуют в условиях постоянного голода и около полутора миллиардов человеческих существ не располагают средствами, чтобы

вырваться из тисков этого самого страшного из всех социальных зол» [Кастро 1954: 374].

Голод проявляется наиболее остро в регионах, отличающихся высокими темпами рождаемости, – преобладающее большинство недоедающих людей планеты проживают в развивающихся странах, за счет которых преимущественно и увеличивается мировое население. Кроме того, с ростом населения сокращается среднедушевой размер посевных площадей, что также рассматривается как свидетельство объективного сокращения возможностей для всеобщего обеспечения продовольствием.

Однако существует и другой, уже ставший общепризнанным, научно обоснованный и подкрепленный расчетами взгляд на причины голода. Голод и недоедание вызваны не отсутствием объективных условий для продовольственного обеспечения, а неравенством в его распределении. На Земле существует обширный пояс голода и недоедания, протянувшийся по обе стороны экватора (рис. 1) [Vse Znamus 2011]. Этот пояс начинается в Южной Америке, охватывает большую часть Африки, а затем продолжается в Азии. Эпицентр этого пояса давно уже находится в Тропической Африке, беднейшем регионе мира. В начале 70-х гг. XX в. в Африке насчитывалось 90 млн голодающих, в начале 80-х гг. – 110 млн, в середине 80-х гг. – 140 млн, а в середине 90-х гг. – 210 млн. В этом регионе есть страны, где доля голодающих и недоедающих людей во всем населении превышает 40 % (Чад, Сомали, Уганда, Мозамбик) или составляет от 30 до 40 % (Эфиопия, Мали, ДР Конго, Замбия) [Там же].

Рис. 1. Мировой пояс голода и недоедания

Источник: Vse Znamus 2011.

Несмотря на то, что только на протяжении XX в. население нашей планеты увеличилось в несколько раз и в настоящее время превышает 7,1 млрд человек,

задача накормить всех является разрешимой. По утверждению экспертов, сегодня на планете достаточно пространства для принципиальной возможности обеспечить питанием 20–25 млрд человек [Современный... 2011].

Масштабы голода были многократно рассмотрены и проанализированы в научной и публицистической литературе – российской и зарубежной. Данные официальной международной статистики свидетельствуют об актуальности проблемы голода в современном мире.

Несмотря на достижения «зеленой революции», довольно сложная продовольственная ситуация сохраняется и в Юго-Западной, Южной и Юго-Восточной Азии. Так, в Южной и Юго-Восточной Азии общая численность голодающих в 70–80-х гг. XX в. держалась на уровне 280–290 млн человек, да и в 90-х гг. этот показатель мало изменился. По некоторым данным, в первой половине 90-х гг. в Непале к категории недоедающих относилось 70 % всего населения, в Индии – более 60 %, в Пакистане и Индонезии – 40 % [Там же].

На таком фоне проблема обеспечения питанием в Латинской Америке представляется менее острой. Однако и на этом континенте ареал недоедания охватывает многие Андские страны. И здесь численность недоедающих достигает 60 млн, а доля их в общем населении некоторых стран может составлять 40–45 %.

Для экономически развитых стран явление голода и недоедания в целом уже нехарактерно. Эти страны ныне производят и потребляют более 3/4 мирового продовольствия, хотя в них проживает менее 15 % населения Земли (рис. 2) [Там же]. В большинстве этих государств средняя калорийность питания превышает 3000 ккал в сутки. В связи с этим в последнее время в литературе особое внимание обращается на то, что в мире все больше людей переедают и имеют лишнюю массу тела, в результате чего повышается их восприимчивость к болезням, понижается работоспособность и сокращается продолжительность жизни. Общее число переедающих оценивается в 600 млн человек, большинство из которых проживает в США, Великобритании и некоторых других европейских странах.

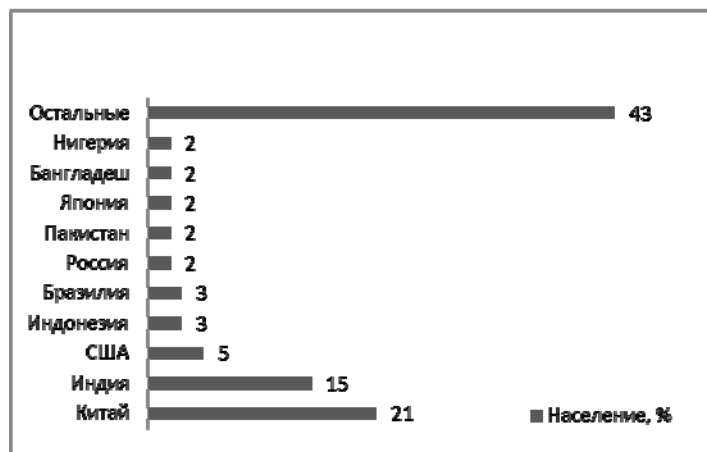

Рис. 2. Население крупнейших стран мира

Источник: Современный... 2011.

Физиологическое определение голода сводится, как правило, к недостаточному потреблению основных продуктов питания, низкой калорийности, небольшому содержанию в рационе витаминов и микроэлементов, необходимых для поддержания жизнедеятельности и работоспособности человека. Голод, хроническое недоедание, а также несбалансированное питание являются причиной смерти и многих заболеваний.

По расчетам ФАО, примерная норма питания должна составлять 2400–2500 ккал в день. Этот показатель может варьироваться в зависимости от пола, возраста, вида труда, природно-климатических условий и некоторых других факторов. Отчетливо выраженное недоедание наступает тогда, когда он опускается ниже 1800 ккал, а явственный голод – когда он проходит «критическую отметку» в 1000 ккал в день [Васильев и др. 2007: 125–130].

Голодный рацион, вызывающий в итоге физическую деградацию организма, содержит менее 1000 ккал в день; его получают, согласно имеющим большой разброс оценкам, от 500 млн до 800 млн человек. Еще в мире распространено хроническое недоедание, которым охвачено 1,5 млрд человек, регулярно получающих лишь 1000–1800 ккал в день [Там же]. Оно представляет собой в настоящее время более серьезную угрозу на земном шаре, чем голод в старом смысле слова, который вызывался отдельными недородами и поражал локализованные, хотя часто обширные и густонаселенные, районы.

Возможно, что под термином «недоедание» рационально понимать не только общую калорийную недостаточность питания, но и специфически белковую. В этом отношении контраст между промышленно развитыми и развивающимися странами особенно нагляден и велик. Для развитых суточное потребление белков на душу населения составляет около 100 г, из которых свыше 50 % приходится на белки животного происхождения. Для стран третьего мира эти показатели равняются соответственно немногим более 50 г и примерно 20 %. Протеиновое голодание может возникать при недостаточной калорийности пищи, даже если она сбалансирована по белкам, поскольку часть их тогда используется в организме как источник энергии. В результате если питание низкокачественное, усваиваются только 30–40 % белков против 50–60 % в случае обеспечения полноценной диетой [Там же].

Однако как для бедных, так и для богатых стран в технизированном мире стала общей и актуальной проблема скрытого голода. Речь идет не о голоде, который человек из гордости скрывает. Скрытым голодом принято называть хронический дефицит витаминов и микроэлементов в рационе питания. Жизнь в экологически неблагоприятных городах и нервные перегрузки требуют повышенного расхода витаминов. А современные технологии питания не способствуют сохранению самого ценного в продуктах. Острота ситуации становится еще более ощутимой в условиях холодного климата, экономической бедности, нехватки тех или иных элементов в почве и воде. От дефицитов особенно страдают беременные женщины, молодые матери, дети.

По потреблению микронутриентов (витаминов, минеральных веществ) Россия находится на одном из последних мест в мире, чему закономерно соответствует столь же незавидное место и по средней продолжительности жизни. Исследования, проводимые ведущими исследовательскими институтами страны (например, Научным центром здоровья детей и подростков, Институтом питания и др.), показывают все более угрожающий рост дефицита. Кроме того, средняя душевая ка-

лорийность питания снизилась до 2300 ккал в сутки, что объясняется общим кризисным состоянием экономики, резким снижением личных доходов и уровня жизни большей части населения, низкой продуктивностью и неустойчивостью земледелия.

Все страны уже приняли или принимают экстренные меры для борьбы со скрытым голодом, четко сознавая, что тем самым фактически предотвращают национальную катастрофу. Обязательное обогащение массовых продуктов уже воплощено в различного рода национальных программах, закреплено законами. Например, в США, Канаде и десятках других стран предписывается обогащать абсолютно всю муку. Так, в Венесуэле за один год заболеваемость анемиями у детей 7–15 лет снизилась с 37 до 19 %, а обогащение школьных завтраков в Перу только за полгода уменьшило число анемичных детей почти в 5 раз. Профилактика микронутриентной недостаточности в Америке позволяет им предотвращать 4 из 10 детских смертей и на треть снижать материнскую смертность, повышать на 40 % работоспособность и на 10–15 пунктов средний коэффициент интеллектуального развития (IQ) населения, на 5 % увеличить валовой продукт страны [Максаковский 2011].

Голод и недоедание по сути своей являются физическими явлениями. Но в человеческом обществе они неизбежно обретают социально-экономическое выражение или, правильнее сказать, имеют свою социально-экономическую сторону [ООН... 2009]. С этой точки зрения голод – это, во-первых, основной фактор роста нестабильности в обществе, результат социально-экономического неравенства, постоянный спутник и атрибут нищеты; во-вторых, голод занимает далеко не последнее место в ценностно-мотивационной сфере общества. Он является наиболее действенным стимулом, но вряд ли можно назвать гуманным принуждение к труду или выполнению каких-либо действий (даже в интересах всего общества) посредством угрозы голода, что равносильно шантажу. Поэтому отсутствие в механизмах социального взаимодействия принципа «созидатель должен быть голодным для того, чтобы не быть ленивым» может служить одним из индикаторов морального здоровья общества. В-третьих, сокращение численности голодающих и недоедающих людей является одним из главных критериев эффективности социальной политики государства, важной составляющей международных программ социально-экономического развития.

Медицинские и социально-экономические последствия голода страшны, многочисленны и разнообразны. Проявляясь в комплексе, они образуют ловушку безуспешного прорыва из нищеты. Голод и недоедание в детстве сдерживают психическое и физическое развитие, снижают сопротивляемость организма болезням, если же они носят хронический характер, то зачастую приводят к смерти. У недоедающих людей снижается производительность труда, у детей – успеваемость. Экономя на продовольственных субсидиях, государство вынуждено значительно больше средств тратить на систему здравоохранения. В целом же страны, в которых не решена продовольственная проблема, из-за низкого качества рабочей силы теряют возможности успешного социально-экономического развития.

Каким же образом человечество пытается бороться с этой глобальной проблемой? Мировое сообщество неоднократно ставило цель – ликвидировать голод или, по крайней мере, снизить его остроту, но каждый раз поставленные ориентиры оказывались недостижимыми. Так, на состоявшейся в конце 1989 г. в итальянском городе Белладжио международной неправительственной конференции по

борьбе с голодом было заявлено, что вполне достижимо в короткое время покончить со смертностью от голода и избавить от него половину бедных семей. Но реального воплощения этих прогнозов не произошло. Далее, на состоявшейся в 1996 г. Всемирной встрече на высшем уровне по вопросам продовольствия одной из международных целей было объявлено сокращение во всем мире процентной доли голодных и хронически недоедающих людей к 2017 г. Чтобы добиться снижения наполовину доли голодающего населения к 2017 г., она должна ежегодно уменьшаться на 20 млн человек, между тем как с начала 90-х гг. ежегодное сокращение этого показателя составляло менее 8 млн человек [Кускова 2011].

Искоренение голода можно рассматривать как задачу обеспечения каждого средствами для приобретения стандартного количества продуктов питания. Для производителей продуктов питания решение этой задачи зависит от того, что они могут произвести «сами», что они должны продавать (для удовлетворения других потребностей – в одежде, медикаментах и т. д.), что они могут приобретать (иногда люди продают дорогостоящие продукты питания, скажем, производимую ими продукцию животноводства, с тем чтобы купить более низкокалорийные продукты растительного происхождения, например зерно – так часто поступают сельские жители).

Что касается тех, кто не производит продукты питания (промышленные рабочие, работники сферы услуг) или не является собственником произведенной продукции (наемные сельскохозяйственные рабочие), то для них возможности приобретения продуктов питания на рынке обуславливаются их доходами, ценами на эти продукты и уровнем других необходимых расходов. А доходы, в свою очередь, зависят от условий занятости и уровня оплаты труда – для наемных работников; от производства других товаров, цен на них и их продажи – для ремесленников и тех, кто предлагает услуги и т. д.

Будет ли человек обречен на голод, зависит от его «права на продовольствие» (объем продовольствия, который он может приобрести, которым он может владеть и пользоваться), а вовсе не от общего наличия продовольственных товаров в стране или регионе. Конечно, данный фактор вносит свой вклад в право людей на продовольствие (особенно если учесть влияние, которое оказывают продовольственные поставки на цены). Но это один из многих факторов влияния. Нельзя добиться продовольственной обеспеченности, просто гарантируя в рамках экономики производство и поставку соответствующих товаров.

Международное звучание продовольственной проблеме придает и то обстоятельство, что ее прочного решения невозможно достичь изолированными усилиями отдельных стран, от которых требуется хорошо налаженное сотрудничество вне зависимости от господствующих в них общественных и политических систем. К ней нельзя подходить также в отрыве от других сложных ситуаций глобального размаха, с которыми вынуждено сталкиваться человечество. В настоящее время в мире нет государства, в котором производство, распределение и внешняя торговля продовольствием не были бы серьезной заботой центральных властей. И в этом отношении рассматриваемая проблема тоже выступает поистине планетарной, несмотря на то, что одни страны сталкиваются с хроническим недостатком продуктов питания, в других текущей целью стало качественное улучшение пищевого рациона, с тем чтобы приблизить его к научно обоснованным нормам, а некоторые вынуждены даже «бороться» с излишками производимых продуктов и вызываемыми их избыточным потреблением болезнями населения.

Заключение

Анализ социально-экономических и исторических истоков сильной географической дифференциации в снабжении населения мира продуктами питания приводит к выводу, что голод, массовое недоедание и другие трудности аналогичного рода сами в сильнейшей степени оказывают обратное влияние на общественную жизнь. Среди многообразных последствий обострившегося продовольственного положения, помимо тех, что имеют явно выраженную гуманистическую сущность, особенно важным представляется торможение развития экономики при сохранении ее устаревших консервативных форм. Поэтому задача преодоления продовольственного кризиса для любого государства превращается в приоритетную, и решение ее демократическими методами неизбежно приобретает судьбоносный характер, открывая дорогу к национальному возрождению.

Литература

Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://bse.sci-lib.com>.

Васильев А. В., Успенский Ю. П., Тутельян В. А. и др. Современные аспекты фундаментальных и прикладных проблем // Медицинский академический журнал. 2007. № 4. С. 125–130.

Джеллифф Д. Б. Оценка состояния питания населения. М. : Мир, 1987.

Кастро Ж. География голода. М. : Изд-во географической литературы, 1954.

Кинжалов Р. В. Индейская культура // Культура Латинской Америки: энциклопедия. М. : Росспэн, 2000. С. 54–62.

Кускова Е. В. Проблема голода и недоедания в современном мире. 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inspp.ru>.

Максаковский В. П. Глобальная продовольственная проблема и ее географические аспекты. 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://geo.1september.ru>.

Мальтус Т. Р. Опыт закона о народонаселении. М. : Ланшкевич и Тверская. Дом славянского подворья, 1895.

ООН: проблема голода в мире обостряется // BBC. 2009. 9 сентября [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/world_food_day.shtml.

Павлов И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей деятельности (поведения) животных. М. : Наука, 1973.

Продовольственная проблема в современном мире / под ред. В. А. Мартынова, В. А. Морозова. М. : Наука, 1983.

«Расовая дискриминация?» – нет, «Расовый голод» – поветрие Манхэттена! 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://goyhman.ru>.

Современный голод. 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://anticomprador.ru>.

Сорокин П. А. Голод как фактор. М. : Academia & LVS, 2003. XII.

Энциклопедия мифологии. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://godsbay.ru>.

Vse Znamus. Проблема голода в мире. 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.id4.ru>.

«ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО» КАК ШАГ НА ПУТИ К КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ?*

Васецова Е. С.**

Оккупация экстремистской исламистской группировкой «Исламское государство» значительной части Ирака и Сирии дает повод для продолжения дискуссии о том, насколько прав был С. Хантингтон, предрекая конфликт между западной и исламской цивилизациями.

Ключевые слова: «Исламское государство», сирийский конфликт, С. Хантингтон, конфликт цивилизаций.

The occupation of large parts of Iraq and Syria by a radical extremist organization ISIS causes continuing discussions about the validity of Samuel Huntington's theory on the clash of civilizations.

Keywords: ISIS, the Syrian conflict, Samuel Huntington, the clash of civilizations.

В мае 2015 г. боевики экстремистской суннитской организации «Исламское государство» (ранее носила название «Исламское государство Ирака и Леванта»), признанной террористической в ряде стран и запрещенной на территории РФ, захватили легендарный античный город Пальмира, расположенный в центре Сирии. Этот «город пальм», по преданию, основанный царем Соломоном, веками являлся одним из центров античного мира. Город входит в список Всемирного наследия ЮНЕСКО благодаря многочисленным древнейшим памятникам и целым уникальным архитектурным ансамблям.

Генеральный директор ЮНЕСКО Ирина Бокова неоднократно выражала свою обеспокоенность сложившейся ситуацией [Ирина Бокова... 2015]. Например, г-жа Бокова выступила со следующим заявлением: «Я крайне обеспокоена всем, что происходит сейчас в Пальмире. Ранее уже дважды я обращалась с официальной петицией ко всем участникам сирийского конфликта – отвести все свои вооруженные формирования и прекратить любые боевые действия вокруг города.

Пальмира – это совершенно уникальный и необычный объект Всемирного культурного наследия в ближневосточной пустыне. Любые разрушения здесь станут не только военным преступлением, но также будут означать колоссальную утрату для всего человечества. Нам необходима тотальная мобилизация сил всего мирового сообщества. Нужно, чтобы все подписали петицию с призывом отвода войск из Пальмиры. Нельзя допустить, чтобы повторились недавние катастрофы – разрушения Нимруда, Хатры, Ниневии, разграбление музея Мосула. По большому

* Статья выполнена в рамках гранта 15-07-00001 «Международные отношения в контексте глобальных процессов и проблем безопасности и противодействия терроризму».

** Васецова Елена Сергеевна – к. полит. н., доцент кафедры политологии Востока ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: vasetsova-es@yandex.ru.

счету, как минимум, и Совет Безопасности ООН, и все политические лидеры мира, и особенно пользующиеся известностью и уважением главы всех религиозных конфессий обязаны приложить все усилия, чтобы предотвратить наступающий ужас. Это крайне важно, ведь мы говорим о колыбели цивилизации, о наследии, которое принадлежит всему человечеству» [цит. по: Гостев 2015].

После захвата города боевиками были убиты более 400 человек. Новость о показательной казни 82-летнего археолога, хранителя античных памятников Халеда Асаада, подвергнувшегося перед казнью пыткам, потрясла все цивилизованное человечество (цивилизованное в самом широком смысле слова). Боевиками были разрушены античные статуи, мавзолеи и другие ценности мирового культурного наследия [Боевики...].

Очевидно, что боевики ИГ, борющиеся с христианско-иудейской западной цивилизацией, публично и активно, перед объективами телекамер уничтожают ее историческую память и идентичность, символы культуры. Данное обстоятельство наводит на размышления о конфликте цивилизаций, неизбежность которого была спрогнозирована американским политологом С. Хантингтоном [Huntington 1993: 22–49].

По мысли Хантингтона, цивилизация является наивысшей культурной целостностью, наиболее стойкой из человеческих ассоциаций. Одна из основных идей ученого заключается в том, что культура и различные виды культурной идентификации (которые на самом широком уровне являются идентификацией цивилизации) определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта. Следствием этой посылки являются такие происходящие в мире процессы, как смещение баланса влияния между цивилизациями, проявляющееся в снижении влияния Запада, росте мощи азиатских цивилизаций, дестабилизирующих последствиях демографического взрыва ислама для мусульманских стран и их соседей и осознание незападными цивилизациями значимости своих культур.

В соответствии с гипотезой Хантингтона, в современном мире наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут вовсе не между социальными классами, бедными и богатыми, а между народами различной культурной идентификации. Центральной осью мировой политики станут взаимоотношения западной мощи и политики с мощью и политикой незападных цивилизаций. И если глобальная политика представляет собой политику цивилизаций, то соперничество сверхдержав сменяется столкновением цивилизаций.

Таким образом, центральным и наиболее опасным аспектом глобальной политики становится конфликт между группами различных цивилизаций. По прогнозу исследователя, одним из наиболее серьезных конфликтов станет конфликт Запада с исламской цивилизацией. Неизбежность данного конфликта Хантингтон объясняет следующим образом. В конце XX в. произошло повсеместное возрождение религий, заключающееся в усилении религиозного сознания и подъеме фундаменталистских движений, что привело к усилению различий между религиями. Наиболее очевидной и мощной причиной повсеместного религиозного возрождения стали процессы модернизации. Религия является одним из способов самоидентификации личности, и религиозные группы зачастую удовлетворяют социальные потребности, которые государственная бюрократия оставляет без внимания.

Запад пытается и будет продолжать пытаться сохранить свое высокое положение, защищать собственные интересы, называя их интересами мирового сообщества. Исламская культурная традиция резко отличается от традиций Запада и, что важно, уверена в своем превосходстве перед последними. Мощь и самоуверенность исламской цивилизации по отношению к западной растет, и конфликты между ее ценностями и интересами и таковыми Запада становятся все более многочисленными и напряженными.

Отношение к гипотезе Хантингтона самое неоднозначное, но многие признают, что действия организации ИГ, основанной на исламистской идеологии, подтверждают правильность умозаключений политолога. Так ли это на самом деле? Или ситуация кажется столь однозначной лишь на первый взгляд? Каковы аргументы за и против?

В пользу теории американского ученого свидетельствуют неоднократные заявления представителей ИГ о том, что они бросают вызов сложившемуся мироустройству по западному образцу, выступая за построение наднационального халифата и являясь непримиримыми оппонентами всех национальных государств, прежде всего немусульманских или недостаточно мусульманских. Риторика лидеров ИГ носит ярко выраженный исламистский характер. Дать универсальное определение явлению исламизма крайне трудно в силу его сложности и многогранности. Но в целом все исламисты борются за реставрацию первоначальных недеформированных или утраченных на дорогах истории исламских ценностей и представлений. Исламизм содержит жесткую установку на единство светского и религиозного начал и не приемлет даже намека на секулярность.

Исламизм предлагает идеальный, с точки зрения своих сторонников, вариант устройства общества и государства, основанного на законах шариата, социальной справедливости, с сильным правителем. Этот правитель совмещает светскую и духовную власть, гарантирует социальную справедливость общине, которая, в свою очередь, всецело поддерживает сильную и справедливую власть.

В исламизме культивируются разного рода фобии, отторжение чужих ценностей и ограниченность в использовании чужого, неисламского опыта. По сути, идейное острие исламизма направлено на решение не религиозных, но светских проблем обустройства общества. В то же время богословский дискурс есть не просто идеологический флер. Религиозная интерпретация становится главным инструментом доведения до рядовых мусульман политических и социальных установок, а также средством мобилизации на борьбу за предлагаемые исламистами цели [Бекбосынова 2007: 85].

Впрочем, ИГ примечательно не столько своей идеологией, не сильно отличающейся от идеологии множества других исламистских группировок. Феномен ИГ интересен тем, что он доказывает: негосударственная организация, опирающаяся на идеологию воинствующего исламизма, открыто противопоставившая себя Западу, в течение более года оккупирует значительные территории Ирака и Сирии и постоянно осуществляет успешную экспансию.

Более того, группировка показала себя жизнеспособной не только в боях, но и при организации структуры власти на подконтрольных ей территориях.

ИГ оккупировало, по разным данным, примерно 30–40 % Сирии и 20–25 % территории Ирака с населением от 4 до 7 млн человек (такая разница в цифрах объясняется непрекращающимися боестолкновениями и массовой миграцией

населения из захваченных ИГ районов). Данные относительно количества боевиков армии ИГ также разнятся, но чаще всего звучат цифры от 100 до 200 тыс. человек, из них иностранцами являются от 22 до 40 тыс. человек. Среди боевиков ИГ немало выходцев из западных стран, для которых европейская цивилизация оказалась чуждой.

Столь значительная разница в количественном соотношении впечатляет и наводит на мысль о том, что местные жители относятся к ИГ достаточно лояльно. Верно ли данное предположение, можно судить, разобравшись в том, какой порядок насаждает организация на захваченных землях.

О порядках, установленных ИГ на подконтрольных территориях, можно судить по словам очевидцев, спасшихся бегством от карательных акций группировки. По словам беженцев из города Фалуджа, завоеванного боевиками ИГ, первые полгода боевики фактически не заставляли население строго следовать их законам, боясь мятежа среди населения [Cockburn 2015]. Однако затем ситуация изменилась, и в городе был введен шариат в самой жесткой его интерпретации. Иноверцы (называемые неверными) провозглашались воплощением дьявола, их нужно было убить или взять в рабство (что больше относится к женщинам). К неверным ИГ относят также всех мусульман-шиитов. Все мужское население обязано носить бороду, а женщинам положено носить чадру и абайю [*Ibid.*]. Среди других правил были названы следующие:

- нельзя курить сигареты и жевать резинку, за нарушение правила – 80 ударов плетью;

- запрещено называть ИГИЛ словом «ДАЭШ» (оригинал сокращения ИГИШ), наказание – 70 ударов плетью;

- во время пятидневных молитв все магазины должны закрываться;

- женщинам запрещено передвигаться без сопровождения мужчины, нарушительницу доставляют домой, а мужчина-опекун подвергается наказанию в 80 ударов плетью;

- врачами-гинекологами должны быть только женщины [*Ibid.*].

Для подавления протестных настроений ИГ организовало массовую слежку за населением, пресекая любые попытки нарушения установленных законов. Во многом ей помогает практика повсеместного доносительства, что подтверждает поддержку ИГ со стороны значительной части местного населения. У многих семей боевики насильно забирают мальчиков и девочек, чтобы первых сделать новыми боевиками, а вторых выдать замуж за боевиков или превратить фактически в проституток через практику временных браков [*Ibid.*].

Широко распространена информация о показательных казнях и применяемом боевиками ИГ насилии по отношению к населению, проживающему на захваченных территориях. В марте 2015 г. был опубликован доклад ООН [Эксперты... 2015], основанный на исследованиях, проводившихся экспертами Управления ООН по правам человека в Ираке с июня 2014 г. по февраль 2015 г. В докладе констатируется: действия группировки ИГ могут быть квалифицированы как военные преступления, преступления против человечности и даже как геноцид. По заявлению главы миссии, «группировка ИГ не пощадила ни одну общину в Ираке. Насилию подверглись езиды, христиане, туркмены, сабии-мандеи, курды, шииты и представители других общин, в том числе и сунниты. По сути, мы видим, как в Ираке разрушается богатое этническое и религиозное разнообразие» [Там же].

Только в 2015 г. на распространенных видеозаписях были убиты почти 5 тыс. граждан подконтрольных ИГ территорий, среди которых военные, западные журналисты, христиане и беременные женщины. Количество жертв ИГ с начала гражданской войны в Ираке исчисляется сотнями тысяч, а число беженцев превысило 1,8 млн человек. Гражданская война в Сирии с участием боевиков ИГ унесла порядка 200 тыс. жизней [Ларинина 2015].

В то же время нельзя однозначно утверждать, что ИГ удерживает захваченные территории одной лишь силой. По сообщениям очевидцев, многие мирные жители решают добровольно оставаться на территории ИГИЛ, так как считают, что на подконтрольных шиитским войскам территориях их судьба будет не менее плачевной. Также они отмечают, что боевики ведут активную работу в социальной сфере, прежде всего восстанавливая инфраструктуру городов, которая была в плачевном состоянии при правлении проамериканских властей Ирака. Многие жители получили чистую воду, электричество, горючее, Интернет и многие другие блага. Боевики снова открыли больницы, не работавшие еще со времен иракской войны [Cockburn 2015].

Таким образом, у ИГ есть довольно весомая общественная поддержка. В отличие от многочисленных исламистских движений, ИГ по сути является квазигосударственным образованием. Данное образование может существовать только при наличии территории с населением, которое в целом поддерживает установленный боевиками порядок. Что движет населением: слепой фанатизм, страх жестокой расправы или крайняя степень отчаяния, которая делает людей не способными к сопротивлению, – не так уж и важно, главное, что ИГ удастся контролировать завоеванные территории.

Очевидно, если мы зададимся вопросом, является ли ИГ ответом на глубокий кризис, аспектами которого являются и цивилизационная, и идентификационная, и культурная, и политическая, и социально-экономическая составляющие, то ответ на этот вопрос, скорее всего, будет положительный.

Общим местом стало утверждение: события «арабской весны» показали, что альтернативой свергнутым авторитарным режимам стали не либеральные демократии западного типа, а стремительное утверждение сторонников радикального ислама. Однако исламистские режимы тоже не смогли стать ответом на запросы местного населения. Альтернативой радикальному исламу стал еще более радикальный ислам.

Таким образом, у ИГ есть социальная база, и сейчас мы являемся свидетелями борьбы и за территорию, и за умы. Надо полагать, что в лице местного населения у ИГ есть ресурс.

Можно ли каким-то образом контролировать ситуацию? Допустим, что удастся ликвидировать источники воспроизводства людских и финансовых ресурсов, поставок вооружений. Тогда ситуация будет «загнана» в некое латентное состояние, когда процесс можно контролировать. Но со временем тлеющий под почвой огонь начнет вырываться наружу. Возможно, это не самый плохой вариант развития событий.

Впрочем, очевидно, что в таком исходе заинтересованы далеко не все игроки. Залог успеха ИГ во многом заключается в том, что у него есть довольно широкий простор для маневра. Нельзя не согласиться с экспертом *Geopolitical Monitor* Захари Филлингхамом, который дал ситуации следующую оценку: «Соединенные

Штаты балансируют между шиитами и суннитами, между Тегераном, с одной стороны, и Эр-Риядом и Анкарой – с другой. Саудовцы же с легкостью разменяют становление раз и навсегда проиранской власти в Багдаде на государство ИГИЛ, равно как и турки предпочитают образование исламистского анклава на своей границе суверенитету курдов. Или выживанию режима Башара Асада. В динамичной ситуации обстоятельства могут сложиться так, что появление государства под эгидой ИГИЛ устроит одного или нескольких ведущих игроков» [Аронов 2015].

Таким образом, радикальный исламизм, наиболее ярким представителем которого в данный момент является ИГ, представляет собой одновременно и вызов западной цивилизации, и ее порождение.

Литература

Аронов Е. «Никто не ожидал от ИГИЛ такой прыти» [Электронный ресурс]. URL: <http://svoboda.org/content/article/27177611.html> (дата обращения: 09.08.2015).

Бекбосынова С. С. Исламский фактор и терроризм в современном мире. Политологический анализ: дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. С. 85.

Боевики ИГИЛ казнили хранителя памятников Пальмиры [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/27196790.html>.

Гостев А. Безжалостная кувалда джихада [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/27039151.html> (дата обращения: 27.05.2015).

Ирина Бокова осудила новые разрушения культурных памятников Пальмиры в Сирии [Электронный ресурс]. URL: http://www.unesco.org/new/ru/media-services/single-view/news/irina_bokova_condemns_latest_destruction_of_cultural_property_from_the_site_of_palmira_in_syria/#.VdjDv8jtlBc (дата обращения: 04.07.2015).

Ларина Е. Анатомия террора. ИГ в цифрах и фактах [Электронный ресурс] : Аргументы и факты. 2015. 29 июня. URL: http://www.aif.ru/politics/world/anatomiya_terrora_ig_v_cifrah_i_faktah (дата обращения: 29.06.2015).

Эксперты ООН представили доклад о зверствах в Ираке [Электронный ресурс] : Euronews. 2015. 19 марта. URL: <http://ru.euronews.com/2015/03/19/isis-suspected-of-genocide-against-yazidis-in-iraq-says-un-report> (дата обращения: 19.03.2015).

Cockburn P. Isis, a Year of the Caliphate: Day-to-day Life in the Islamic State – Where Any Breach of Restrictive, Divinely Inspired Rules is Savagely Punished [Электронный ресурс]. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/isis-a-year-of-the-caliphate-daytoday-life-in-the-islamic-state--where-any-breach-of-restrictive-divinely-inspired-rules-is-savagely-punished-10348151.html> (дата обращения: 27.07.2015).

Huntington S. P. The Clash of Civilizations? [Электронный ресурс] : Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. No. 3. Pp. 22–49. Перевод на русский язык подготовлен журналом «Политик». 1994. № 1. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498> (дата обращения: 20.01.2007).

ГЛОБАЛЬНОСИСТЕМНЫЙ КРИЗИС ТРАНСИНФОРМАЦИОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Скаленко А. К.*

В результате глобальносистемного анализа реалий и тенденций современного развития автором зафиксировано наличие всемирного общецивилизационного кризиса. На основе этого факта и ранее сформированной системно-информационной методологии исследований и реализации современных мировых процессов автором разработан и представлен в данной статье инновационный концептуальный подход для определения трансинформационной сущности новопроявленного феномена – глобальносистемного кризиса цивилизационного процесса. Определены дезинформационно-дезинтеграционные эффекты как факторы образования кризисных моментов глобальносистемного влияния, а также разработаны соответствующие рекомендации по преодолению кризисов на различных уровнях социально-экономической деятельности и развития.

Ключевые слова: глобальносистемный кризис, трансинформационный кризис, цивилизация, дезинформация, дезинтеграция, деятельность, развитие.

Having performed a global systemic analysis of realities and current trends the author maintains the presence of global civilizational crisis. Basing on this fact and on the previously formed systematic-informational methodology of research and implementations of current global processes, the author develops the innovative conceptual approach for determining the trans-informational essence of the newly defined phenomenon of the global systemic crisis of civilizational process. The author also determines the misinformation and disintegrational effects as factors of formation of crisis phenomena with global systemic influence, and also there were developed appropriate recommendations to overcome the crisis at different levels of socio-economic activity and development.

Keywords: global systemic crisis, trans-informational crisis, civilization, misinformation, disintegration, functioning, development.

Хозяйство есть знание в действии,
а знание есть хозяйство в идее.

[Булгаков 1990: 99]

Реалии и тенденции развития современного мира объективно предоставляют исследователям возможность уже в который раз зафиксировать кризисное состояние дел почти во всех сферах жизни на нашей планете. Главная возможность – это глубже, можно сказать, инновационно, во *всеобще-системном* измерении рассмотреть ситуацию, сложившуюся как на всем планетарном пространстве, так

* Скаленко Алексей Карпович – ведущий научный сотрудник ИМЭМО НАН Украины, президент Международного фонда «Единение», академик Международной академии информатизации при ООН. E-mail: icf_unity@ukr.net.

и глобально, то есть с учетом естественно-объективных закономерностей исторического хода всех вещественно-энергетических, гуманитарных, общественных, социально-экономических, технолого-производительных и вообще – *цивилизационных* процессов.

С целью улучшенного восприятия содержания используемого в этой работе сущностно и методологически углубленного *концептуализационного* арсенала изучения проблем преодоления современных острых кризисных ситуаций в различных формах их практического проявления автор считает целесообразным осуществить здесь *уточнительно-согласовательный* анализ ключевой терминологии, по необходимости коротко, но по существу.

Итак, используемый здесь термин *глобальносистемный* обозначает адекватную отраженность и место субъект-объекта нашего исследования во *всеобщей мировой структуре на естественно и социально закономерном плане*. Таким образом, эту структуру вполне закономерно составляют: человек (человечество) как субъект творческой активности в социальной форме мирового развития и вещественно-энергетический мир как единый объект и ресурсная первооснова в глобальной системе всеохватывающего взаимодействия. Такая всеобщесистемно-закономерная глобальность мирового процесса обязывает субъекта непременно учитывать во всех системах *активно-творческой* деятельности суть человека и природно-экологические возможности. Этот фактически глобальный подход демонстрировали выдающиеся классики марксизма. Однако в реальности везде проявилось, что *Homo sapiens*, как и *Homo socialis*, воспринимает мир не только непосредственно, но и трансинформационно, то есть с использованием информационных знаний как идеально-абстрактного, но глобально функционирующего ориентира относительно результативности и эффективности деятельности, а также системной безопасности развития в *объективно нерушимой сфере законов природы*. Здесь также уместно будет вспомнить классическое выражение: «От живого созерцания – к абстрактному мышлению, а от него – к практике» [Ленин 1986].

Несмотря на многозначность восприятия и понимания, термин *кризис* в контексте нашего исследования рассматривается главным образом как приближение процесса к апогею в эволюционном переходе на новый этап мирового развития. Поэтому, будучи приближенным к определенному экстремуму, этот переход также проявляется естественно закономерным, хотя он является архисложным по всем параметрам. Таким образом, критическое состояние процесса развития также является *эволюционно закономерным*, даже можно сказать – *позитивным*. И, наверное, на предварительном плане правильным будет считать, что собственно понимание позитивной сущности этого перехода станет первым шагом в направлении системного преодоления кризисных ситуаций. Как станет понятно из заключительной части данной статьи, принципиальные возможности *антикризисного* развития методологически и праксеологически находятся в руках самого субъекта, но в его транспсихоинформационном, социально-синергетическом единстве с законами объективно существующей природы.

Ключевой термин *цивилизация* тоже является неоднозначным, но используется здесь в том же значении, что и в научно-философском сообществе, то есть как синоним мировой культуры или уровня ее развития. Употребляется этот термин и как определение социальной формы движения в объективно существующем

материальном мире [Пахомов и др. 1998; Энгельс 1982]. Что же касается ключевого термина *трансинформационная цивилизация*, то здесь речь, наверное, должна идти собственно о функционировании по своей сути и влиянию глобального, при этом приоритетно стратегического *идеально-информационного* фактора в методологически целостных социокультурных и экономических системах. Автор искренне надеется, что все это предстанет понятным для читателей из материалов, кратко изложенных в следующих разделах.

Фундаментальная трансинформационная сущность цивилизационного процесса

Если не только прагматически, но и научно-методологически, то есть глобально и системно, подходить к проблемам, так или иначе связанным с реально существующим кризисом общемирового масштаба, то в первую очередь надо зафиксировать наиболее реальную картину социально опосредованного мира как свидетельство его всеединства и закономерной глобальности. Эту объективную глобальносистемную реальность необходимо рассматривать как глубочайшую основу существования, которую начиная с доисторических времен современное многомиллионное человечество со своими потребностями принципиально не может изменить, а тем более отменить. Напомним себе, что всеобщим основанием и фундаментом в глобальном плане нашего рассмотрения «всегда были, есть и будут» материально-энергетическая первооснова и информационно-целевая основа социокультурной и технико-экономической деятельности в естественном, объективно существующем мировом пространстве [Скаленко 2002].

Итак, мы уже должны хорошо осознавать, что человеческая деятельность как процесс *целенаправленный* в глобальносистемном измерении требует и физических, то есть вещественно-энергетических, и *идеальных*, то есть абстрактных, ресурсов. Последние являются по всем свойствам сугубо специфическими и формируются, можно сказать, исторически процессуально, или *транспсихоинформационно*, то есть путем познания объективно существующей вещественно-энергетической среды. Вспомним также, что результатом познания субъект-объектных отношений вообще является не только *вещественно-энергетический продукт*, но и уже так называемый нами *идеальный информационно-знаниевый ресурс* деятельности и развития. Он исторически, служит человечеству специфическим *механизмом* – «*мостоукладчиком*» на путях его жизнеобеспечения и усовершенствования, а в общем – ресурсом *прогрессирующего цивилизационного процесса* [Вернадский 1997].

Выше с глобальносистемной точки зрения мы рассмотрели только лишь начальные моменты этапа исследований в направлении цивилизационного определения проблем современного мирового развития. Главным образом, мы начали понимать, что собственно жизнь человечества как *социально опосредованная форма единого процесса всемирного развития* естественно и глобально закономерно базируется на основе вещественно-энергетических ресурсов и на *генетически, методологически и праксеологически единой основе информационных знаний* – специфического идеального ресурса деятельности и развития, то есть вообще *цивилизационного прогресса*.

Обозначая изложенное более убедительно, акцентируем, что наиболее глубоким фундаментом, или *первоосновным* фактором в жизни людей и обществ

зационного движения, является *глобальносистемная, природно и объективно существующая вещественно-энергетическая среда*. Будучи неотъемлемой природно единой частью этой среды, человечество (человек) воспринимает мир и непосредственно, как и все существующее в стихийном самобытии, и специфически – *идеально-информационно*.

Однако феномен *глобально-абстрактного* опосредствования процессов взаимного сосуществования и взаимодействия человечества в естественной, *самозакономерно* существующей сфере не только *принципиально отличает* человека от других созданий, в том числе в мире животных и растений, но и предоставляет ему особые *возможности* и преимущества в этом взаимодействии. По необходимости дополним, что сугубо животный и растительный миры *абстрагировать принципиально не способны*, в жизненно важной ситуации, вероятно, пользуясь *биоэнергомоделями* окружающей среды.

Таким образом, глобальносистемно рассматривая поставленную проблему, нам необходимо еще раз четко зафиксировать основные позитивные моменты *естественно-законно обусловленного* функционирования идеального (абстрактного) информационного фактора в процессах эволюции, социально-экономического развития и цивилизационного прогресса.

Во-первых, несмотря на печально известный феномен планетарно распространенных жестоких войн между так называемыми материалистами и идеалистами, человечество как подсознательно, так и вполне осознанно всегда базировало свою деятельность на созерцании объектов, то есть природных материально-энергетических формаций, реальных процессов или явлений, в дальнейшем мысленно переводя результаты абстрактного познания главным образом в *сферу идеально-информационных знаний* как специфического ресурса своей деятельности, социокультурного и экономического развития.

Вот показательный для данной темы пример. Чрезмерно воинственные утверждения материалистов о том, что все началось и всегда первично зависит только от материи, хотя и были глубоко фундаментальными, но, к сожалению, реально проявились *«иерархически» ошибочными в отношении субъект-объектных отношений вообще*. Ведь в системах социокультурной и экономической деятельности, как процессах закономерно целенаправленных, собственно **цель** деятельности *сущностно* формируется исключительно на *основе идеального информационного ресурса*. И именно поэтому она (цель) объективно, закономерно выступает уже иерархически первичной, и таким образом – приоритетно решающей относительно эффективности действий. Как на следствие такой *глобальносистемной ошибки* можно указать на «парадокс дефицита материальных товаров в коммунистических обществах» и на суть «дезинформационных оснований» вроде бы «загадочного развала» антиидеалистической всесоюзной сверхдержавы, которая безоговорочно исповедовала так называемую материалистическую идеологию.

Во-вторых, путем использования литературной и числовой символики, то есть *трансинформационно*, человечество осознало не только универсальную цикличность природных явлений, но и интенсивность их глобального, объективно неотвратимого влияния на свою жизнь, особенно в сфере целеполагающей трудовой деятельности [Вернадский 1997; Булгаков 1990; Скаленко 2002].

В-третьих, *естественная способность человека-субъекта абстрактно познавать мир и исторически накапливать идеальные информационные ресурсы* предоставила ему возможность путем социально-экономического *прогрессирования, творческого опережения, ускорения и прогноза эволюционно, и даже революционно, повышать эффективность своего труда, перманентно, системно и комплексно совершенствовать все системы самоуправления с целью повышения качества социальной и духовной жизни.*

Вспоминая В. И. Вернадского, добавим, что «постепенно познавая мир, человечество научилось использовать (*идеально-информационные*. – А. С.) знания как особый ресурс в социально-экономической сфере, в дальнейшем (*трансформационным путем*. – А. С.) передавая эти знания последующим поколениям, фактически покладая начало своей цивилизационной истории».

Таким образом, наступил момент обобщения изложенного в этом разделе материала и представления действительной роли и основных функций идеально-информационных знаний как глобального системного ориентира поведения, гаранта безопасного существования в естественной среде, и, главным образом, как рычага повышения цивилизационного уровня жизни путем творческой деятельности и совершенствования процессов управления.

I. Идеальное и абстрактное, практически суть трансформационное, опосредствование *социализированной формы развития мира* предоставляет человеку возможность самопознания не только как его неотъемлемой части, но и как *активно-творческой личности и синергетически действующего субъекта* в естественно закономерной сфере объективно существующей вещественно-энергетической среды.

II. Идеальный информационный ресурс практически функционирует в социально-экономической сфере как *мерило реальности*, то есть как глобально ориентирующие, универсальные знания о мировых процессах и законах. Этот ресурс исторически накапливается и без всяких ограничений может быть использован в любой системе оперативной и стратегической деятельности. Здесь еще раз обратим внимание на то, что, будучи *единым и полномочным представителем объективно существующего материального мира*, именно таким *закономерным образом информационные знания утверждают свою приоритетно-стратегическую роль, решающие функции и глобально влиятельный статус* в личностной и мировой социально-экономической жизни.

III. Итак, *глобально единственный ресурс трудового целеполагания* – информационные знания – функционирует в сфере человеческой деятельности в качестве *системообразующего фактора*, то есть это фактор формирования целей и их реализации, в том числе (и в первую очередь) в процессах самоуправления трудовыми системами. Именно таким образом в функциональной структуре каждого трудового процесса возникают так называемые *прямая и обратная связи*, а также, по нашей методологии, – *глобальносистемная связь*.

IV. Идеальный *информационно-знаниевый* ресурс своей глобально влиятельной функцией (можно даже сказать – *суперфункцией*) предоставляет чудесную возможность *Ното sapiens* для начала *теоретически* выходить именно в идеальную сферу природно-объективно закономерных возможностей и уже активно-творчески осуществлять *трансформационное моделирование* и выбор вариантов практической реализации проектов, целенаправленных на удовлетворение

социально-культурных и экономических потребностей. Именно такой путь удовлетворения потребностей и самоусовершенствования человеческой жизни реально имеет *глобальносистемное измерение*, его по всем основаниям можно назвать *общецивилизационным*. Глобальносистемно углубляя конечный вывод по этому тезису, необходимо назвать выделенную нами *суперфункцию информационных знаний глобально прогрессотворческой*.

V. Будучи *абсолютно идеальным* феноменом-ресурсом, информационные знания имеют *фундаментальное свойство свободно, без сопротивления*, то есть без традиционных препятствий и ограничений, распространяться в социальной и экономической сферах. Это специфическое свойство особенно влиятельно проявилось в наш век высоких электронных и интернет-технологий с их *сверхскоростными носителями информации*. Именно поэтому феномен глобализации предстал так императивно и неотвратно в первую очередь в социально-экономических процессах, где, например, финансово-денежная сфера как только практически *специализированная, товарно-эквивалентная*, но суть *информационная подсистема* всемирной научно-информационной системы, является *экономически супервыгодной*. И эта функция информации должна быть признана сегодня одной из глобально важнейших в *целостном механизме цивилизационного процесса*, и наиболее конкретно – в механизме социально-экономической деятельности и мирового развития [Скаленко 2002].

Таким образом, если мы определяем *идеально-информационный ресурс* стратегически приоритетным во всей иерархии факторов социокультурного и экономического процессов, и именно по *глобальносистемному измерению*, то это практически означает, что собственно все сферы человеческой жизни закономерно требуют *высококачественных* соответствующих своим целям *достоверных* информационных знаний, и прежде всего – *методологической и концептуальной* информации. *Гуманитарную сферу*, например, несмотря на некоторую легкомысленность современного субъекта касательно понимания *глобально решающего* влияния информационных знаний на социально-экономические процессы, фактически следует считать *альфой и омегой эффективности* активно-творческой деятельности и управления развитием. И это в первую очередь свидетельствует о *глобальносистемном статусе информации* в сфере человеческой жизни не только на приоритетно стратегическом плане, но и в плане оперативного управления деятельностью на протяжении полного целеполагающего процесса достижения результата.

Из представленного выше материала видно, что все без исключения *возможности и преимущества* социально-экономической жизни углублены в глобальную сущность трансинформационного представительства объективно существующего, естественно закономерного мира, потому что это *глобально единственный ориентир* – проводник на путях жизненного поведения Человека разумного и социального; *единый источник получения знаний о реальных методах и механизмах жизнеобеспечения* активно-творческим интеллектуально-инновационным путем; это закономерные *возможности транстехнологического опережения* стихийно проходящих событий и явлений; *законные возможности ускорения и усовершенствования уже созданных человеком технологических процессов*; это трансинформационное *предвидение и прогнозирование* событий и магистральных

направлений развития; возможности перспективного и текущего планирования; это возможности системного самоконтроля в процессах деятельности и развития.

Вывод по этому разделу можно представить в виде *глобальносистемной формулы цивилизационного процесса: объективно-законно существующий мир – социум-субъект – научно-образовательная сфера – информационные знания – ресурс – творческий интеллект – инновации – высокие технологии – производство – духовно и материально совершенная жизнь человечества.*

Дезинформационно-дезинтеграционные эффекты как факторы глобальносистемного кризиса современной цивилизации

К великому сожалению, далеко не все осуществляется однозначно *позитивно* в жизни человечества. Хотя, действительно, все без исключения системы социокультурной и экономической деятельности принципиально должны быть только целенаправленными и целесообразными. Однако в действительности идеальный информационно-целевой ресурс, как глобально единый ориентир и гарант трудового успеха, *только законно изначально открывает человеку возможности системно-эффективной деятельности, социально-экономического и общецивилизационного прогресса.* И именно поэтому жизнь сегодня четко указывает на самую главную возможность современности – на **науку** как *главного производителя* достоверного, высококачественного информационного ресурса.

Тем не менее фактически *неотрицаемым* явлением в реальной жизни людей XXI в. предстали так называемые *системные кризисы и глобальные проблемы* почти во всех сферах деятельности и развития. Все чаще ученые вспоминают о кризисе общемирового масштаба. Но о чем же они ведут речь? К сожалению, по большей части они говорят только о *кризисах планетарной экосферы.* Здесь, в нашей работе, хотя по необходимости и в реферативном изложении, но *по содержанию углубленной сущности,* представлены разработанные автором общие концептуальные положения инновационного определения *глобальносистемного кризиса современной цивилизации* как процесса мирового развития на *приоритетно стратегической, иерархически и оперативно решающей основе информационных знаний.*

И. С точки зрения выдающегося глобалиста современности В. Вернадского, наука как системно наиболее эффективный институт исследования природно-обусловленных процессов возникла из религии и философии [Вернадский 1997; Булгаков 1990]. Если оглянуться назад и опираться, например, на библейские тексты, то, наверное, *глобальносистемно первичным* и по сути *кризисообразующим моментом* в сфере человеческого бытия следует признать так называемый *первогрех* как событие съедения яблока с дерева познания. Дальнейшая философская мысль, кроме разве что вульгарно материалистической, принципиально не отрицала этого «религиозно-исторического факта».

Однако здесь необходимо обратить особое внимание на *греховную сущность* отмеченного факта, а именно – на *разделение объективно единого мира* на «нечто доброе и нечто злое» в самом процессе познания. Глобальное, *функционально неизбежное использование абстрактного метода,* прежде всего в науке, находит свое *социально-историческое и общецивилизационное* подтверждение. И скажем, что это и есть *первичный фактор глобальной информатизации-дезинтеграции природно целостного мира в человеческом сознании.* Но именно в этом событии

человечество практически получило на вооружение *трансформационный метод* как путь *мировоззрения*, жизненно необходимого *труда* и *развития*. Также здесь уместно отметить, что реалии и тенденции мирового развития на современном этапе не только не отрицают, но с очевидностью и вполне убедительно подтверждают факт человеческого прогресса именно на этом пути. Добавим, что сверхвысокие технологии и феномен *сверхинтенсивной информатизации мира* – это реальный процесс перехода наиболее развитых стран на рельсы широкого построения *трансформационно-ноосферного бытия*.

II. К нашему (человеческому) сожалению, *первогреховному разделению мира сопутствует глобальносистемно связанная иерархическая цепь дезинформационно-дезинтеграционных эффектов* во всех сферах социально-экономической деятельности и вообще – в цивилизационном развитии. Системно наиважнейший пример. Современные подходы к проблемам построения *информационного общества*, следовательно, и к проблемам научно-практического познания явлений, свойств и закономерностей, а также реализации процессов в объективных условиях вещественно-энергетической среды, также, к сожалению, не имеют соответствующей реальному состоянию и потребностям человечества всесторонне взвешенной, *глобальносистемной методологии*. Поэтому *исторически нагроможденные информационные ресурсы мира* сегодня большей частью представляют собой фактически *должным образом не систематизированные массивы* различных не совсем доброкачественных сообщений, неоконченных результатов исследований, не до конца обоснованных идей, умозрительных предположений и другой, по сути, *дезинформации*. Удивительно, что эти, мягко говоря, парадоксы господствуют на исторически наиболее ответственном этапе *революционной информатизации и построения информационно-ноосферного образа жизни*.

Заметим, что наиболее высокий уровень «объективности», а следовательно, относительной истинности, имеют так называемые *научные открытия* и *прикладные изобретения*, потому что они ближайшим образом базируются на уже проверенной практикой информационно-целевой основе. Но, по словам известного ученого-научоведа академика Н. И. Вавилова, *«если бы явления и их сущность совпадали, то всякая наука была бы излишней»*. А собственно научное открытие находится ближе всего к объекту исследований, потому что, отображая действительность, оно начинается из созерцания явлений как конкретных объектов познания. И именно таким образом *научный метод* позволяет человеку познавать свойства и закономерности поведения объектов открытий, в дальнейшем *теоретически* предусматривая характер их проявления в каждой конкретной ситуации субъект-объектных отношений, и, конечно, с использованием *практического критерия истины*.

Также для примера акцентируем, что фактически действующая во всех развитых странах система подготовки специалистов и научных кадров, а также оценка эффективности их практической деятельности, особенно в *сфере производства информационного ресурса*, просто поражают не только своим сверхтрадиционным консерватизмом, но и переполненностью резкими противоречиями. При этом формальные требования к *информационному продукту* так называемой *новизны* концентрируются только на «количестве печатных листов», а не на наличии и оценке настоящих научных инноваций. Такая «псевдонаучная тенденция» в некоторых странах сведена просто к уровню «чернокоммерческой» торговли чисто «бумажными дипломами о высшем образовании и научной степени». А любую

так называемую «научную публикацию», даже объемную монографию, любой желающий может просто купить по «правилам черного рынка», то есть за валюту или услуги, даже в издательствах, называющих себя специализированными. И все это осуществляется открыто, с демонстрацией вроде бы официальной поддержки такой лженауки. На самом деле *информационный псевдопродукт* не только не имеет ни для кого никакой ценности, но ускоренным образом содействует саморазвалу наиболее важных систем жизнеобеспечения людей в каждом обществе, и следовательно, систем безопасности мирового развития.

III. Здесь также необходимо особо подчеркнуть, что **информация** как феномен абсолютно идеальный сама по себе является *несамодвижимой*, и для выполнения своих благородных функций информационные знания требуют *особенной, целенаправленной движущей силы*. Если по возможности детально и целостно рассматривать систему собственно человеческой деятельности, то идеальные информационные знания могут «существовать» и в голове каждого человека (компетентность), и в так называемых общественных, общенациональных или специализированных фондах. Здесь, чрезмерно не углубляясь в *психотехнологию* использования информационных знаний каждым человеком-субъектом, *вообще* зафиксируем, что *единственной движущей силой во всех так названных информационных процессах являются психическая энергия и воля компетентных людей-субъектов, выраженные их психоэнергоинформационными импульсами*. С глобальносистемной точки зрения также заметим, что механизм использования информационных знаний во всех общественных фондах принципиально ничем не отличается от изложенного, кроме времени образования и специализированной подготовки.

IV. Специфический *конвейер* социально-экономической деятельности людей и обществ цивилизационного процесса свидетельствует прежде всего об *ограниченности возможностей одного человека*. Именно поэтому в жизни людей закономерно возникают так называемые *социальные отношения* среди разных по ключевым способностям индивидуальных субъектов в едином по своей сути социально-экономическом процессе. Следовательно, каждый субъект, каждый уровень образования и специальной подготовки, каждый показатель психофизического и морального здоровья должен быть целесообразно согласован и направлен к поставленной цели. Но это лишь идеальный вариант, которого на практике не бывает. В реальности всегда, на каждом этапе трудового процесса неизбежно появляются «метод проб и ошибок», постоянное уточнение целевых планов, подбор кадров и ресурсов, а также поиск новых технологических решений. И это все *вследствие дефицита высококачественных информационных знаний*, если речь идет о социализированном принципе человеческого труда. А что уж говорить о сверхсложных проектах, национальных программах или международном сотрудничестве? Сплошное разделение и соответствующая проблематичность.

V. Современная жизнь человечества представляется проблематичной во всех отношениях. Сегодня кажется: это главным образом потому, что сверхинтенсивно проявились такие феномены, как «информационный взрыв» и информационно-технологическая революция, именно в сфере социально-экономической деятельности и развития. Вроде бы современная наука и образование являются высоко развитыми, и информационных ресурсов в мире предостаточно, и технологическая высота зашкаливает, но уровень и давление проблем катастрофически растут. Об этом убедительно говорит не только тематика всемирных форумов по проблемам глобального развития, но и выступления антиглобалистов, которые

по-своему законно озабочены конкретикой своей национальной, региональной и личностной жизни как в экономическом, так и в экологическом пространстве. Именно поэтому мы (я имею в виду всех хорошо информированных оптимистов) так настойчиво и постоянно говорим о реальности и потенциальной катастрофичности *глобальносистемного кризиса трансинформационной цивилизации*.

Категорический императив глобальносистемного антикризисного единения

В заключительном разделе статьи мы еще раз вспомним о содержательной сущности используемого нами термина *глобальносистемность*. В отличие, например, от выражения *мир-система* или *планетарная экономика* *глобальная система* как таковая в свою структуру включает прежде всего *фундаментальные знания о природе вообще* как информацию *универсального космического измерения*, и собственно *человека как соавтора творческого*, естественно обусловленного процесса. Человек как субъект активности также естественно закономерно способен во взаимодействии с окружающим миром продуцировать такой важный для своей жизни ресурс, как *абстрактные, идеальные по своей содержательной сути информационные знания* [Вернадский 1997; Булгаков 1990; Скаленко 2002].

Учитывая стратегически приоритетное и оперативно решающее влияние информационного (знаниевого) ресурса во всех без исключения процессах социокультурного и экономического развития, а также вполне естественную *способность человека быть глобально единственной движущей силой* так называемых *информационных процессов*, мы по научной логике обязаны утвердить своеобразную триаду: *информационные знания о мире – человек активнотворческий – естественная вещественно-энергетическая среда* – суть **глобальной системы** в контексте нашего рассмотрения.

Итак, объективно необходимая потребность жизнеобеспечения людей и обществ обуславливает не только их *активный творческий труд* как *прямую трансинформационную связь этой глобальной системы*, но и императивную необходимость внимательно отслеживать эффективность своей социальной, политической, экономической и экологической деятельности – *обратную трансинформационную связь этой системы*. Однако поскольку как прямой, так и обратной связью микропроцессуально (психоинформационно) может принципиально управлять только человек, то *судьба всех социокультурных и технико-экономических процессов оказывается в его руках*. Таким образом, эффективность любой человеческой деятельности в первую очередь зависит от наличия *качественного, объективно достоверного информационного ресурса, компетентности и психоздоровья людей – субъектов трудовых процессов*. Одновременный и постоянный учет субъектами труда прямой и обратной связей – это уже по сути начальная часть *глобальносистемной связи*, позволяющей эффективно управлять жизненно важными процессами по современным методологическим и праксеологическим принципам [Скаленко 2002].

Но жизненная судьба человечества сложилась так, что, как показано выше, все «неприятности», особенно на современном этапе развития, не только продолжают «первогреховную» инерцию бытия, но и добавляют новейшие, даже катастрофические в глобальносистемном масштабе. Поэтому мы еще раз проследим *основные моменты разделения основ* социально-экономической жизни на глубоко фундаментальном уровне как факторов возникновения *глобальносистем-*

ных по своему влиянию дезинформационных эффектов во всех социокультурных и экономических процессах:

1. Глобальносистемное разделение *объективно единого мира* в процессах познания на всех уровнях деятельности и развития.

2. Познание явлений, объектов и природных процессов исключительно *интеллектуальным путем*, то есть *трансформационно разделительно (абстрактно)*.

3. Производственное формообразование *природно-социализированным* путем, то есть разделением собственно интеллектуального труда между отдельными людьми-субъектами коллективами, отраслевыми или даже международными организациями в процессах сотрудничества.

4. *Специализация труда и дифференциация наук* в системной несоразмерности.

5. Научно-образовательные процессы по *разным идеологиям и методам*.

6. Использование существенно различных по *«психоинформационному здоровью»*, образованию и *специальной подготовке* людей как индивидуальных субъектов труда.

7. *Дезинформационные войны* на всех уровнях и формах сосуществования людей, их жизнедеятельности и др.

Как понятно из вышеизложенного материала, все эти по влиянию *узловые моменты* не только усложняют трудовые процессы, но и являются *дезинтеграционными факторами*, в первую очередь представляясь *действительными причинами целевого излома и развала систем* социально-экономической деятельности, всей сферы жизнеобеспечения людей.

И наконец, главнейший момент: естественно, глобально и объективно обусловленная закономерность именно *трансформационного социально-экономического (цивилизационного) целеполагания* выводит жизнь людей на *виртуальный уровень бытия* или, так сказать, на *информационно-эквивалентный принцип человеческого существования* и *«цивилизационного прогресса»*, в котором «греховным» образом круто смешивается «божий дар с яичницей». К великому сожалению, современная жизнь человечества почти полностью очутилась, мы уже имеем право так сказать, в *«вульгаризированных тенетах трансформационной финансово-денежной эквивалентности»*. Главным образом это происходит потому, что *монетарная сфера как интегрированная основа и рычаг самоуправления развитием* по своей сущности является только *специализированной информационной подсистемой общемировой научно-прикладной информационной системы*, способной к конвертации. А что касается так называемого *монетаризма*, то это вообще диким образом социализированный, но *психотехнологически наиболее влиятельный рычаг и могущественный инструмент в механизме глобальносистемного управления* социально-экономическими процессами. Следовательно, этот рычаг обладает не только функциональным позитивом, но он и *глобальносистемно опасен*. Без соответствующего контроля этот **рычаг** может представлять собой грозное *оружие дезинформационных войн и способ извращения психики людей* и всего *социально-психологического пространства*. Сигнализируют об этом прежде всего симптомы **глобальносистемного кризиса трансформационной цивилизации**. Добавим, что поскольку феномен информации и человеческая психика существуют и функционируют в непосредственном единстве, то теория и практика в исследовании механизма информационного процесса фактически совпадают. Живая диалектическая взаимосвязь этих факторов в условиях *дефицита правосо-*

знания граждан и морали в обществе предоставляет некоторым людям возможности не только злоупотреблять информационными ресурсами, но и опасно манипулировать общим социально-психологическим пространством. Классическое выражение «Диалектичен переход не только от материи к сознанию, но и от ощущения к мысли» глубинно подтверждает эти опасные возможности. А постоянно идущий процесс виртуализации жизни фактически является процессом отчуждения людей от живой реальности, следовательно, от природы, он может привести и уже незаметно приводит к кризису катастрофического, глобально-системного измерения.

Какие же спасительные рекомендации можно предложить людям сейчас?

Сегодня мы можем сделать лишь общесистемный вывод о том, что все возможные рекомендации-алгоритмы принципиально, научно и практически логично должны вытекать из реально проявленной ситуации и тенденций мирового развития, а также из вышеизложенных размышлений как результатов многолетних исследований по системно-информационной, вернее, глобальносистемной методологии, как возможности максимального учета специфики современной жизни. Итак, рекомендуем:

А. Всестороннюю научную доработку (национальными, международными и общемировыми усилиями) глобальносистемной трансформационной Концепции научных исследований и реализации современных мировых процессов.

Б. Введение этой Концепции в научно-образовательные процессы, а также в сферу практического функционирования государственного и демократического предпринимательского управления хозяйственными структурами.

В. Для реализации этих шагов разработать и внедрить глобальносистемный методологически универсальный модуль – комплекс принципов творческого труда и управления на генетически и праксеологически единой информационно-целевой основе, где каждый принцип должен быть иерархически связанным со всеми другими и все – между собой.

В соответствии глобализированной системе принципов современной цивилизационной жизни иерархически наивысшим следует признать категорический императив глобальносистемного антикризисного единения, предоставляющий возможность формирования в обществе синергетического мировоззрения у граждан уже на начальных уровнях воспитания, обучения и специальной подготовки. Автор убежден, что благодаря использованию представленных рекомендательных алгоритмов появятся и принципиальные следствия как шаги преодоления трансформационных по своей глубинной сущности глобальносистемных кризисных явлений в жизни современного человечества.

Литература

- Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М. : Наука, 1990. С. 99.
Вернадский В. И. О науке. Т. 1. Дубна : Феникс, 1997.
Ленин В. И. Философские тетради. М. : Политиздат, 1986.
Пахомов Ю. М., Крымский С. В., Павленко Ю. В. Пути и перепутья современной цивилизации. Киев : БМДЦ, 1998.
Скаленко А. К. Глобальные резервы роста. Киев : Интеллект, 2002.
Энгельс Ф. Диалектика природы. М. : Политиздат, 1982.

РУССКИЙ КОСМИЗМ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Старостин А. М.*

Автор репрезентирует философскую инноватику как сферу прикладной философии и философских разработок. С этих позиций рассматривается эволюция русского космизма. В этом идейном течении выделяются два основных этапа: классический и современный. Ставится задача анализа и обобщения результатов развития современного русского космизма.

Ключевые слова: космизм, русский космизм, философская инноватика, русская идея, космизация.

The author considers philosophical innovatics as a sphere of applied philosophy and philosophical research. The evolution of Russian cosmism is analyzed from this point. In this ideological trend two main stages are emphasized: classical and modern. The task of the analysis and summing up the results of the modern Russian cosmism development is set up.

Keywords: cosmism, Russian cosmism, philosophical innovatics, the Russian idea, cosmization.

В современной философской, научной, теологической литературе и публицистике достаточно велик и стабилен интерес к феномену русского космизма. Данное мировоззренческое течение считается одним из фундаментальных и вместе с тем оригинальных проявлений русской культуры XIX–XX вв. Действительно, в попытках выделить наиболее яркие и оригинальные проявления в развитии отечественной гуманитарной и философской мысли, предпринимаемые как российскими, так и зарубежными исследователями, чаще всего обращают внимание на известную триаду: цивилизационный подход (Н. Я. Данилевский), экзистенциальный взгляд на человека (Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский) и русский космизм (Н. Федоров, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский).

Исследованию русского космизма посвящена большая по массиву публикаций литература¹. В ней даны различные определения и интерпретации русского космизма, выявляются разные его формы, изучается эволюция. Под космизмом понимается «психологический и мировоззренческий феномен, который находит проявления в различных сферах культуры – религии, философии, искусстве, литературе, обыденном сознании; глубинное переживание человека и космоса, в рационализированной форме выражаемое мировоззренческими идеями и философскими принципами, которые соответствуют различным этапам культурной истории человечества» [Космизм 2006: 449].

* Старостин Александр Михайлович – д. полит. н., к. филос. н., член-корреспондент Российской академии космонавтики им. К. Э. Циолковского, заместитель директора Южно-Российского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: dorobr@skags.ru.

¹ Для примера укажем на следующие работы: [Русский... 1993; Философия... 1996; Космическая... 2001; Куракина 1993; Николаенко 2006].

Анализируя различные подходы к пониманию космизма, известный исследователь этого феномена В. В. Казютинский отмечает следующие наиболее характерные смысловые позиции: 1) специфическое «мировоззрение» или «мировосприятие», связанное с осознанием единства всего со всем; 2) распространение «космической точки зрения» на человечество, его прошлое и будущее, выступающее в одних случаях как мировоззренческое выражение идеи единства человека и космоса, в других – освоения космоса человеком; 3) мировоззренческая идея «активной эволюции» человека и мира, направляемой разумом; космическая экспансия человечества оказывается частью этой программы; 4) почти неуловимые смыслы внутреннего космоса человека (связанного, естественно, с космосом физическим); 5) «последнее слово философии техники» – считается, что космизм выступает оправданием самых антиэкологических и антигуманных черт современной цивилизации (такая точка зрения, выдвигаемая антикосмизмом, относится не к космизму как таковому, а лишь к его техницистским версиям). В некоторых из этих интерпретаций космизм оказывается синонимом не собственно космических, а земных ситуаций, лишь проецируемых на космос [Казютинский 2001: 403].

Одним словом, в изучении феномена русского космизма нет недостатка внимания со стороны философов, естествоиспытателей, теологов, публицистов. Однако следует учесть две характерные ситуации, которых менее всего касаются или даже осознанно обходят исследователи и популяризаторы русского космизма:

1) основные проявления русского космизма резко «обрываются» на фигурах К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского. Продолжения как бы не следует. Между тем, на наш взгляд, нужно говорить о современном русском космизме или «советском космизме», который дал огромный пласт философских, социально-политических, естественно-научных, художественных и публицистических публикаций, связанных с предвестием и началом космической эры – непосредственным проникновением в космическое пространство, его изучением и освоением. Данное течение отечественной естественно-научной и гуманитарной мысли продолжает оставаться и в наши дни одним из наиболее оригинальных проявлений в мировой культуре;

2) в анализе русского космизма прежде всего подчеркивают его уникальность в многообразии течений мировой философской, художественной, мировоззренческой мысли. Между тем русский космизм выступает как одно из наиболее ярких течений мирового космизма, явные истоки которого находятся в творчестве ряда античных мыслителей, ученых Нового времени и в обращении к этой тематике в новейших течениях зарубежной научной, художественной, философской, теологической мысли.

Думается, что в претензиях на полное освещение содержания и эволюции русского космизма нельзя избежать анализа данных важнейших ситуаций, которые позволяют полнее показать всю глубину, оригинальность и значимость (в том числе прогнозную, стратегическую) данного течения и умонастроения отечественной мысли².

² О том, что эта мысль подошла к подготовке (гуманитарной, философской, научно-технической) нового этапа развития космической деятельности, свидетельствует фундаментальное издание: [Космонавтика... 2010].

Интерпретируя статус и особенности русского космизма в системе философского, гуманитарного, естественно-научного, теологического знания, важным видим его современную репрезентацию. Не претендуя на окончательные и законченные трактовки, отметим, что удачной выглядит репрезентация русского космизма и в классической, и в современной версии в качестве области философской инноватики.

В этом плане мы хотели бы обратить внимание на философскую инноватику как сложное, многослойное взаимодействие философского и междисциплинарного научно-гуманитарного знания, которое проявляется при постановке, обсуждении, разработке ряда проблем.

Речь идет о необходимости перевода сложного гуманитарного дискурса из неявно принимаемого философско-методологического и философско-мировоззренческого контекста в отрефлектированный контекст и даже текст, системно совмещенный с междисциплинарным и дисциплинарным знанием. Такого рода рефлексия требует введения системного видения философской деятельности и ее связи с гуманитарно-научной деятельностью. Ключевым понятием в этой связке выступает категория философской инноватики.

Философская инноватика в своих массовых проявлениях генерируется в процессе развития и усложнения отношений философии с наукой и практикой. Это определенный и вполне конкретный этап развития философской деятельности, связанный с развитием ее инструментально-прикладного потенциала. В этом плане философия следует по пути развития любой отрасли рационального познания, где происходит дифференциация на фундаментальную и прикладную сферы. В развитии философии возможно выделить четыре основных ситуации:

1. Разработка новых философских систем.
2. Развитие уже существующих философских систем.
3. Формирование областей философской инноватики как сферы прикладных философских исследований и разработок.
4. Популяризация философских систем.

Первые две ситуации – развитие фундаментального философского уровня. Третья и четвертая позиции – область философской инноватики в широком смысле: решение нефилософских проблем с помощью философского инструментария. По преимуществу философская инноватика ориентирована на комплексные и междисциплинарные проблемы. С ее помощью осуществляется формирование эпистемологического контекста, который впоследствии остается «за скобками» междисциплинарного или дисциплинарного исследования.

Запрос на философскую инноватику в сфере гуманитарного знания, пожалуй, впервые обозначился в конце XIX – начале XX в., с одной стороны, в философии марксизма, создавшего на базе модернизированной гегелевской диалектики принципиально новые прикладные области социальной философии и философии политики, затем реализованные в инновационную концепцию научного коммунизма. Русские последователи марксизма (Г. В. Плеханов, В. И. Ленин) довели данную многослойную схему деятельности до применения в неклассических условиях.

С другой стороны, в этот же период в рамках позитивизма сформировалась система философской инноватики, приложенной к области естественно-научного познания.

В современной философской деятельности инновационный компонент значительно усилился. Философы все более ориентированы не только на освоение, развитие классических и новых философских систем, парадигм, но и на решение задач, имеющих по отношению к ним прикладной характер.

Вместе с тем нужно подчеркнуть, что в сфере философской инноватики задействованы не только профессиональные философы.

Многие крупные ученые, конструкторы, художники, практики, сталкиваясь с трудными проблемами, обращаются к инструментарию восточной или западной философии, а то и изобретают «философский велосипед». Но руку философам в этих случаях редко протягивают. Дескать, «наука сама себе философия». Но это не так. Есть обширная пограничная область, и не научная, и не философская, и не религиозная, и не идеологическая, где востребован инструментарий философской рефлексии. Это «пограничье» сейчас стало очень обширным и плотным. Его и следует конституировать как сферу философской инноватики и отнести к ней профессионально, а не по-дилетантски и не снобистски.

Иными словами, функциональный аспект философского знания выводит нас на его методологические, мировоззренческие, аксиологические и иные приложения. А если продолжать двигаться по этим векторам далее, то мы выходим на уровень философской инноватики.

Однако здесь есть и множество векторов, которые идут не от философии к ее приложениям, а от запросов сложных проблем и задач науки, политики, религии, идеологии. И в этих направлениях, как правило, в случае междисциплинарной проблематики также формируется сфера философской инноватики.

Конституирование философской инноватики – это не дань моде. Востребованность философско-инновационной сферы связана со значительным ростом задач, требующим инструментария философской инноватики. Что обусловлено прежде всего потребностями быстро развивающегося информационного общества, где задачи роста различных отраслей духовного производства начинают превалировать над отраслями материального производства.

Возвращаясь к русскому космизму, нам видится вполне естественной его интерпретация в качестве одной из областей философской инноватики, возникшей в результате философской рефлексии (разной природы: и рациональной, и теологической, и натурфилософской) над междисциплинарной, многоплановой проблемой взаимосвязи человека и жизни вообще с Космосом. Конечно, не все течения космизма удастся интерпретировать в рамках концепции философской инноватики. Космизм, культивируемый на платформе мифологии, мистицизма, эзотерики и ряда других внерациональных проявлений, вряд ли можно трактовать с точки зрения философской инноватики. Разве что с помощью инструментария философской инноватики удастся перевести, интерпретировать результаты космо-мифологических и эзотерических поисков в рациональный план. Вместе с тем наиболее значимые и результативные течения космизма рациональной природы все же укладываются в парадигму философской инноватики.

В современных исследованиях русского космизма мы встречаемся с достаточно большим внутренне дифференцированным разнообразием трактовок этого феномена. Это и сужение космизма до образа космической философии, и расширение до уровня синонимизации терминов «космизм» и «русская культура» [Куракина 1993; Леднев 1994], и рассмотрение космизма как целостного культурного

образования, самостоятельного течения, и в качестве своеобразной формы неоязычества, выступившего против православия³.

Думается, что те или иные указываемые авторами мотивы присутствуют в феномене русского космизма. Однако он не сводится лишь к ряду этих мотивов и в то же время не выступает как единая монолитная доктрина. Его единство обусловлено обращенностью к проблеме «человек – космос» и попытками перевести ее из трансцендентной плоскости в плоскость научных, мировоззренческих, технических решений. Хотя формы и версии предлагаемых решений весьма различны.

В классическом русском космизме выделяют по крайней мере три течения: естественно-научное (Н. Г. Умов, Н. Г. Холодный, В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский); религиозно-философское (Н.Ф. Федоров); поэтически-художественное (С. П. Дьячков, В. Ф. Одоевский, А. В. Сухово-Кобылин, Ф. Тютчев).

Русский космизм возникал как своеобразная антитеза классической физикалистской парадигме мышления, основанной на жестком разграничении человека и природы. В нем была предпринята попытка возродить онтологию целостного видения, органично соединяющего человека и космос. Эта проблематика обсуждалась как в сциентистском, так и в религиозном направлении космизма. В религиозном направлении наиболее значительной была концепция Н. Федорова. Как и другие космисты, он не был удовлетворен расколом мироздания на человека и природу как противостоящие друг другу части мироздания. Такое противопоставление, по его мнению, обрекало природу на бездумность и разрушительность, а людей – на подчинение существующему злу. Н. Федоров отстаивал идею единства человека и природы, связи «души» и космоса в терминах регуляции и воскрешения. Предложенный им проект воскрешения не сводился только к оживлению в узком, прямом смысле, а в более широком – метафорическом – смысле включал способность природы к самовосстановлению [Федоров 1982]. Федоровский проект воскрешения связан с идеей выхода человеческого разума в космос. Для него «земля не граница», а «человеческая деятельность не должна ограничиваться пределами земной планеты», которая является лишь исходным пунктом этой деятельности.

Но если религиозный космизм отличался скорее фантастически-умозрительным характером своих рассуждений, то в естественно-научном направлении при решении проблемы взаимосвязи человека и космоса особое внимание уделялось осмыслению научных достижений, подтверждающих эту взаимосвязь.

Н. Г. Холодный справедливо отмечал, что антропоцентризм в свое время сыграл позитивную роль в качестве мировоззрения, освободившего человека от страха перед силами природы ценой своего возвеличивания над ней. Однако постепенно наряду с антропоцентризмом стали возникать зачатки нового взгляда – антропокосмического. Антропокосмизм рассматривался Холодным как определенная линия развития человеческого интеллекта, воли, которые вели человека к достижению его целей. Существенным элементом в антропокосмизме была попытка пересмотреть вопрос о месте человека в природе и о взаимоотношении его с Космосом на основе естественно-научных знаний. Человек начинал рассматриваться как одна из органических частей мира, и утверждалось, что только на этом пути можно найти ключ к пониманию природы самого человека. Человек должен

³ Подробный обзор данных точек зрения представлен в работе: [Николаенко 2006: 4–12].

стремиться к единству с природой, которое обогащает и расширяет его внутреннюю жизнь [Федоров 1982: 178–197].

Подобные идеи развивал и Н. А. Умов, подчеркивая, что «человек может мыслить себя как часть, как одно из преходящих звеньев Вселенной». Он также полагал, что антропоцентрическое мирозерцание разрушается, освобождая место антропокосмизму [Умов 1916: 215].

Идея взаимосвязи человека и космоса с особой силой звучала в работах К. Э. Циолковского, который даже называет одну из них «Космическая философия». «Весь космос обуславливает нашу жизнь, – писал он, – все непрерывно и все едино» [Циолковский 1986: 302]. «Вселенная не имела бы смысла, если бы не была заполнена органическим, разумным, чувствующим миром» [Там же: 378].

Можно отметить определенное созвучие развиваемых Циолковским идей сформулированному впоследствии антропному принципу.

Циолковский не просто указывает на взаимосвязь человека и Космоса, но и подчеркивает зависимость человека от него. «...Трудно предположить, чтобы какая-нибудь его (космоса) часть не имела рано или поздно на нас влияние» [Там же: 302].

Эта идея – влияние как ближнего, так и дальнего космоса на жизнь человека – достаточно подробно анализировалась А. Л. Чижевским, который полагал, что «наше научное мировоззрение еще далеко от исторического представления о значении для органического царства космических излучений» [Чижевский 1976: 27]. Однако ряд достижений науки XX в., по мнению Чижевского, позволяет сделать вывод, что «в науках о природе идея о единстве и связанности всех явлений в мире и чувство мира как неделимого целого достигли в наши дни особой ясности и глубины... Строение Земли, ее физико-химия, биосфера являются проникновением строения и механики Вселенной» [Там же: 24].

Чижевский противопоставляет свою точку зрения существующему мнению, что «жизнь есть результат случайной игры только земных сил». Для него жизнь в значительно большей степени есть явление космическое, чем земное. Она создана воздействием творческой динамики космоса на инертный материал Земли. Человек «не только земное существо, – отмечал он, – но и космическое, связанное всей своей биологией, всеми молекулами, частицами своих тел с космосом, с его лучами, потоками и полями» [Там же: 33, 331].

В сциентистской традиции русского космизма проблема единого мира и единого знания о мире нашла свою наиболее значительную разработку в концепции В. И. Вернадского. Как и другие космисты, Вернадский отмечал, что «антропоцентрическое представление не совпадает с тем реальным выявлением Космоса, который охватывается научной работой и научной мыслью исследователя Природы» [Вернадский 1978]. Он полагал, что «в науке нет до сих пор ясного сознания, что явления жизни и явления мертвой природы, взятые с геологической, то есть планетарной точки зрения, являются проявлением единого процесса» [Там же: 12].

Вернадский, как и другие космисты, противопоставляет традиционной позиции иную точку зрения. Он показывает, что в мировой эволюции жизнь выступает не случайным, а закономерным следствием, что характер космического развития жизненных процессов обусловлен всем космическим целым. При таком рассмотрении жизнь выступает уже как космическое явление.

В русском космизме достаточно отчетливо осознавались не только зависимость человека от космоса, но и (что особенно важно) обратное влияние человека на окружающий мир.

Соразмерность человека и остального мира послужила основой для развитой русскими космистами идеи о необходимости соизмерять человеческую деятельность с принципами целостности этого мира.

В русском космизме обосновывались принципы нового отношения человека к природе. Фактически он достаточно близко подошел к осознанию тех проблем, которые впоследствии получили название глобальных.

И все же космизм, несмотря на то, что содержал оригинальные идеи и обладал большой прогностической силой, не получил широкого распространения. Фактически он повторил судьбу многих философских концепций, продуктивные идеи которых значительно опережали свою эпоху.

Однако в современной ситуации, когда человечество оказалось перед лицом экологического кризиса, поиск «общего дела» как регуляции отношений человека и остального мира приобретает уже приоритетное значение.

Можно утверждать, что космизм как особое течение философской мысли оказывается созвучным современным исканиям новых жизненных смыслов и идеалов, гармонизации человека и природы.

Особо следует подчеркнуть совпадение главных принципов философии космизма и многих фундаментальных идей современной научной картины мира и ее мировоззренческих выводов. Космизм возвращает нас к целостному видению мира как единства человека и космоса.

Если философия русского космизма существовала, то существовали ли в других странах аналогичные философские течения? Или космизм составляет исключительную традицию русской культуры? Необходимо подчеркнуть, что философия космизма существовала и в других культурах, и еще предстоит осуществить сравнительно-исторический анализ различных вариантов космической философии. Каждому знакомому с историей науки в Германии хорошо известно имя А. Гумбольдта – автора пятитомного труда «Космос» (1845–1859), влияние которого на всю европейскую, в том числе и русскую, культуру еще предстоит изучить. Одно несомненно – А. Гумбольдт стоит у истоков немецкого варианта философии космизма. Французский вариант философии космизма представлен, конечно, концепцией «творческой эволюции» А. Бергсона, соединившего в себе традиции французского спиритуализма, неоламаркизма и психологизма. Американский вариант «космической философии» представлен не только в творчестве религиозного натуралиста Дж. Фиске (которому мы, скорее всего, и обязаны самим термином «философия космизма»), но и в концепции «эмерджентной эволюции» (Д. Льюис, С. Александер и др.), подчеркнувшей качественное своеобразие каждого нового уровня эволюции.

В связи со сказанным возникает вопрос о связи русского космизма с общим полем духовных исканий в России XIX–XX вв. И здесь прежде всего характерна связь русского космизма с русской идеей, поисками смысла бытия на общенациональном уровне.

Проблемная ситуация, приведшая к возникновению русской идеи, связана с тем, что Россия нуждалась в модернизации. Для русских мыслителей (философов, писателей, художников, ученых), живших в предмодернизационную эпоху,

характерны активные поиски общенациональных смысложизненных ориентаций, генерирование новых мировоззренческих идей. Русская идея – это разработка одного из вариантов национального самосознания, ответ на потребность иметь оригинальную философию истории. Ее особенностями являются: глобально-эволюционный подход; идея межкультурной, межнациональной, нравственной соборности; антропокосмизм, поиск путей преодоления телесной, пространственной и временной ограниченности; поиски «царства божьего», преодоление духовной ограниченности и замкнутости.

В этом отношении русский космизм выступает как логическое продолжение русской идеи. Во всяком случае, космизм Запада носит скорее чисто природный, объективированный, а не антропокосмический – как в России – характер.

Русский космизм продолжает русскую идею, онтологизируя те историософские, нравственные социально-экологические интуиции всемирно-исторической миссии России, которыми увлечены определенные круги либеральной интеллигенции. Космизм – это вселенское обоснование русской идеи, ее вселенский урвень.

И этногенетические, и социальные, и духовные посылы русской идеи и русского космизма носят настолько универсальный характер, что воспроизводятся в разных, порой совершенно независимых группах интеллигенции в философской, религиозной, художественной, научной, мистической формах.

Поэтому ответ на вопрос: «Живы ли русская идея и русский космизм в наше время?» – положителен. Конечно, они развиваются в естественных формах и фазах. Россия сейчас находится в преддверии новой модернизации, она вновь на перепутье.

Современные формы русского космизма формировались в связи с началом космической эры и возникшей необходимостью как осмысления принципиально нового вида человеческого опыта, так и прогнозирования и подготовки к новым шагам в данной области. В связи с формированием указанной проблематики в 60–80-е гг. XX в. сложилось несколько ведущих исследовательских центров, координирующих разработки в области мировоззренческой и гуманитарно-космической проблематики. Ими стали отдел философских проблем естествознания Института философии АН СССР и Институт истории естествознания и техники АН СССР. Основным форумом для обсуждения научно-технических, философских, социально-политических и правовых проблем освоения космоса стали многочисленные научные секции Чтений памяти К. Э. Циолковского, ежегодно проводимые в г. Калуге на базе музея истории космонавтики им. К. Э. Циолковского. В 2005–2010 гг. прошли уже 40–45-е Чтения [Научное... 2005].

За четыре с лишним десятилетия современности отечественный космизм прошел несколько этапов в своем развитии. На первом этапе, в начале 60-х гг. XX в., были сделаны первые достаточно общие публикации прежде всего философского и мировоззренческого характера. По праву приоритет здесь принадлежит Е. Т. Фаддееву, А. Д. Урсулу, Н. А. Варварову, И. М. Забелину, В. П. Бранскому и др. [Варваров, Фаддеев 1961; Забелин 1963]. Введен термин «космизация».

Параллельно интенсифицируется разработка космической проблематики в художественной форме в советской научно-фантастической литературе и публицистике, в кино и на телевидении. Признанными корифеями здесь по сей день остаются А. и Б. Стругацкие и И. А. Ефремов. После некоторого спада интереса

к их произведениям, вышедшим в 50–70-е гг. XX в., наметилась новая волна повышенного внимания к их творчеству в начале XXI в. В исторической и философской науке этого времени началась интенсивная разработка классического наследия известных русских космистов, прежде всего К. Э. Циолковского и В. И. Вернадского.

Широкое воздействие первых шагов космической практики на духовное развитие общества позволило сформулировать и обосновать тезис о космизации общественного сознания [Урсул 2006; Старостин 1991]. В качестве концептуального ядра этого феномена можно рассматривать интенсивное развитие философско-мировоззренческих исследований, которое и обозначило контуры современного отечественного космизма.

В середине 80-х гг. XX в., подводя рубежные итоги, Институт философии АН СССР подготовил и опубликовал пятитомное издание «Истории философии в СССР». Одна из глав этого издания специально была посвящена философско-мировоззренческому осмыслению космической практики [История... 1985: 782–797]. В частности, здесь отмечалось: «К предмету философских проблем освоения космоса были отнесены наиболее общие закономерности и тенденции взаимодействия общества и космоса, исследование общих характеристик отношений типа “человек – Вселенная”, “общество – космос”, “человечество – космические цивилизации”... Систематическая разработка философских и социологических проблем космонавтики развернулась в начале 60-х гг., после первых <...> полетов людей в космос. В настоящее время в Советском Союзе над этой проблемой работает большой коллектив ученых, опубликовано в общей сложности более 300 работ... Расширение общих масштабов космической деятельности еще больше привлекло внимание философов и социологов (В. Е. Давидович, Б. М. Кедров, В. В. Рубцов, А. М. Старостин, Ю. Н. Стемпурский, А. И. Тукмачева, П. Ф. Тукмачев, Е. Т. Фаддеев, Ю. А. Школенко, К. Х. Хайруллин и др.), ученых и специалистов в области ракетно-космической техники, космических исследований, космической биологии и медицины, астрономии, астрофизики (О. М. Белоцерковский, О. Т. Газенко, В. П. Глушко, Н. С. Кардашев, К. Я. Кондратьев, Б. Н. Петров, Р. З. Сагдеев, Б. В. Раушенбах, И. С. Шкловский и др.), летчиков-космонавтов СССР (Г. Т. Береговой, А. А. Леонов, В. И. Севастьянов, К. П. Феоктистов и др.) к общетеоретическим проблемам космонавтики» [Там же: 784–785].

Огромный пласт работ, опубликованных в 60–80-е гг. XX в., затрагивал как общемировоззренческие и онтологические проблемы взаимодействия человека и его духа с космосом [Ильенков 1988; Казначеев, Спириин 1991], как бы продолжающие мировоззренческие изыскания К. Э. Циолковского, П. Тейяра де Шардена, В. И. Вернадского, так и содержащие достаточно конкретную проблематику, обобщающие реальную практику космической деятельности⁴ и вместе с тем ставящие и обсуждающие проблемные ситуации, которые могут реально возникнуть в процессе целенаправленного исследования и освоения ближнего и дальнего космоса. К числу таких проблем следует отнести не только анализ перспективных направлений освоения и обживания космоса, возможных позитивных и нега-

⁴ См. работы А. Д. Урсула, А. М. Старостина, П. Ф. Тукмачева, М. П. Фомичева, Г. М. Хозина, Ю. В. Школенко.

тивных воздействий на экологию Земли и человека, но и вопросы поиска разумной жизни во Вселенной и установления контактов с внеземными цивилизациями (программы SETI и SETI) [Проблема... 1975; Шкловский 1973; Кардашев 1969].

Следует отметить, что в значительной мере данная проблематика была идеологически нагружена, достаточно объемно включена в идеологические акции холодной войны. основополагающим пропагандистским тезисом здесь выступал: «Социализм – стартовая площадка советских космических кораблей». К концу 1980-х гг. многоаспектная и масштабная космическая деятельность, осуществляемая в СССР, стала претерпевать серьезные сокращения. В массовой печати появились нападки на советский ракетно-космический комплекс, который «оттягивает огромные средства от удовлетворения нужд советского народа». В последующие 90-е гг. после разрушения СССР космическая деятельность многократно сократилась. Оценочно к середине 1990-х гг. финансирование космической деятельности сократилось более чем в 20 раз (оно и сейчас более чем в 10 раз уступает уровню финансирования советских космических программ в середине 80-х гг.). На практике как бы демонстративно стали убирать все напоминающее, что «социализм – стартовая площадка освоения космоса», поскольку и в самом деле организационно-управленческая и материально-техническая эффективность обеспечения большими космическими проектами в СССР в 3–4 раза превосходила американскую за счет прежде всего более высокого уровня централизации, сокращения конкурентных и транзакционных издержек в процессе государственного управления большими проектами.

Существенно сократились и объемы гуманитарных исследований и публикаций по данной тематике, наметились новые направления, связанные прежде всего с освоением внерациональных способов отражения космоса и космической деятельности.

Следует подчеркнуть, что это еще в большей мере коснулось массовых представлений, которые ныне формируются по преимуществу на внерациональной и иррационально-мистической основе.

Тем не менее в середине 90-х гг. XX в. – начале XXI в. в отечественной исторической, мемуарной, философско-мировоззренческой литературе был введен в оборот значительный пласт знаний, расширяющих как представления о классике русского космизма, так и разрабатывающие и популяризирующие внерациональные формы духовного освоения космоса. В основном это связано с преодолением прежних цензурных и идеологических препон. Например, наследие такого оригинального отечественного, но малоизвестного направления, как биокосмизм, не разрабатывалось, поскольку в 1920–1930-е гг. основные его представители были репрессированы. Недостаточно освоено было наследие таких мыслителей, как Н. Федоров, П. Флоренский, А. Чижевский. Да и большинство философских и гуманитарных работ К. Э. Циолковского увидело свет только в этот период.

Тем не менее в начале XXI в. проблематика отечественного космизма в его современных формах продолжает развиваться. В последние годы появились значительные обобщающие работы, в которых подытоживаются и обобщаются результаты исследований, проведенных в 70–90-е гг. На рубеже XX и XXI вв. защищены ряд докторских диссертаций, в которых разрабатываются различные ас-

пекты космической деятельности [Сафронов 1994; Мапельман 1999; Казютинский 1999]⁵.

Таким образом, современный отечественный космизм продолжает развиваться. Он во все большей мере испытывает потребность в саморефлексии, осмыслении и обобщении того круга идей, которые выдвигались и обсуждались на протяжении более 50 последних лет. Это примерно та же ситуация, в которой оказались отечественные ученые и философы в 60–70-е гг. XX в. по отношению к классическому этапу русского космизма. Думается, что данные задачи будут решаться в ближайшие годы.

Литература

- Астрономия и современная картина мира / под ред. В. В. Казютинского. М., 1996.
- Варваров Н. А., Фаддеев Е. Т. Философские проблемы астронавтики // Вопросы философии. 1961. № 8.
- Вернадский В. И. Живое вещество. М., 1978.
- Гиндилис Л. М. SETI: поиск внеземного разума. М., 2004.
- Забелин И. М. Физическая география и наука будущего. М., 1963.
- Ильенков Э. В. Космология духа // Наука и религия. 1988. № 8, 9.
- История философии в СССР: в 5 т. Т. 5. Кн. 1. М., 1985.
- Казначеев В. П., Спиринов Е. А. Космопланетарный феномен человека. Новосибирск, 1991.
- Казютинский В. В. Традиции и революция в современной астрономии. М., 1999.
- Казютинский В. В. Космическая философия К. Э. Циолковского в контексте русского космизма // Космическая философия К. Э. Циолковского. М., 2001. С. 403.
- Кардашев Н. С. Астрофизический аспект проблемы поиска внеземных цивилизаций // Внеземные цивилизации / под ред. С. А. Каплана. М., 1969.
- Космизм // Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. М.; СПб.; Н.-Й., 2006.
- Космическая философия К. Э. Циолковского. М., 2001.
- Космонавтика XXI века. Попытка прогноза развития до 2101 года / под ред. Б. Е. Чертока. М., 2010.
- Космос в фокусе политики, экономики, культуры / под ред. Л. В. Голованова, И. А. Маринина. М., 2002.
- Куракина О. Д. Русский космизм как социокультурный феномен. М., 1993.
- Леднев В. П. История русского космизма. Екатеринбург, 1994.
- Лесков Л. В. Космическое будущее человечества. М., 1996.
- Лесков Л. В. Нелинейная Вселенная: новый дом для человечества. М., 2003.
- Мапельман В. М. Идея космической перспективы человечества в русской философской культуре: социально-философский анализ. М., 1999.

⁵ Вышли обобщающие монографические работы или разделы: [Стратегия... 1997; Астрономия... 1996; Лесков 1996; 2003; Русская... 2000; Космос... 2002; Гиндилис 2004; Урсул 2006; Старостин 2007].

Научное творчество К. Э. Циолковского и современное развитие его идей: Материалы XL Чтений памяти К. Э. Циолковского. Калуга, 2005.

Николаенко Н. М. Космизм в контексте отечественной философской культуры. Омск, 2006. С. 4–12.

Проблема СЕТИ (связь с внеземными цивилизациями) / под ред. С. А. Каплан. М., 1975.

Русская идея, славянский космизм и станция «Мир» / сост. Е. С. Троицкий. М., 2000.

Русский космизм: Антология философской мысли / сост. С. Г. Семенова, А. Г. Гачева. М., 1993.

Сафронов И. А. Человек и Вселенная: философско-методологический аспект. СПб., 1994.

Старостин А. М. Актуальные мировоззренческие вопросы современной астрономии и космических исследований. Ростов н/Д., 1991.

Старостин А. М. Космические исследования и научное познание // Концепции современного естествознания. М.; Ростов н/Д., 2007.

Стратегия выживания: космизм и экология. М., 1997.

Умов Н. А. Собр. соч. Т. 3. М., 1916.

Урсул А. Д. Космонавтика, космизация, освоение Вселенной // История и философия науки: уч. пособ. / под ред. А. Д. Урсула. М.: Изд-во РАГС, 2006.

Федоров Н. Ф. Соч. М., 1982.

Философия русского космизма / под ред. А. П. Огурцова. М., 1996.

Циолковский К. Э. Грезы о Земле и небе. Тула, 1986.

Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. М., 1976.

Шкловский И. С. Вселенная, жизнь, разум. 3-е изд. М., 1973.

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

МНОГОПОЛЯРНАЯ КУЛЬТУРА ЕДИНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА*

Петренко В. Ф.**

Статья посвящена проблеме взаимообогащения, взаимосвязи, взаимопроникновения национальных культур и одновременно их конкуренции и борьбы за самосохранение. Акцент в статье делается на специфике национального языка и гуманитарной науки, на их несводимости к единой логике и некоему универсальному смысловому содержанию.

Ключевые слова: *естественный язык, культура, познание, логика, конструктивизм, картина мира.*

The article is devoted to the issue of mutual enrichment, interaction and interpenetration of national cultures and also to their competition and struggle for self-preservation. The article emphasizes the peculiar character of national language and the Humanities, as well as the impossibility of their reduction to a single logic and universal semantic content.

Keywords: *natural language, culture, cognition, logic, constructivism, picture of the world.*

Отрицание политики однополюсности и доминирования одной политической силы, претендующей на роль гаранта цивилизационного развития, имеет свое основание в презумпции ценности многообразия культур и их вклада в прогресс и развитие Человечества. Под культурой мы понимаем всю совокупность семиотических средств общения и сознания (национальные языки, язык жестов, живописи, архитектуры, музыки, языки математики и программирования, невербальных символов и дизайна, ритуалы, вербальные и невербальные коды и прочее), а также созданные с их помощью тексты, материальные и виртуальные объекты, литературные произведения, архитектурные сооружения, производственные комплексы, машины и механизмы, произведения искусства и правила поведения, детские и спортивные игры, правила гигиены и медицинские технологии и т. п. Доминирующим семиотическим средством культуры выступает язык, точнее, множество национальных языков. При этом ведущая роль языка проявляется как в общении между людьми, так и в функционировании сознания и отдельного человека, и общества.

Широко известно высказывание М. Хайдеггера: «Язык – дом бытия» и утверждение Л. Витгенштейна: «Границы моего языка означают границы моего

* Исследования проводятся при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-06-10451.

** Петренко Виктор Федорович – д. псих. н., член-корреспондент РАН, профессор, зав. лабораторией факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: victor-petrenko@mail.ru.

мира». В наших совместных с В. В. Кучеренко исследованиях неоднократно показано, что блокирование с помощью гипноза тех или иных значений ведет к выпадению из сознания фрагментов мира, которые связаны с заблокированными значениями. Например, при гипнотическом блокировании значения слова «курить» испытуемый не видит не только сигареты и пепельницы, полной окурков, но и спичек (как предмет, связанный с прикуриванием), и даже зажигалки. Но он может и видеть эту зажигалку. Вертит ее в руках и говорит: «Какой-то цилиндрок, возможно, из-под валидола». Если запрещенный объект достаточно громоздкий, то испытуемый обходит «невидимый объект», а не пытается пройти сквозь него. То есть, опуская доказательные детали исследования, можно утверждать, что испытуемый видит «запрещенный» объект и рефлекторно действует исходя из этого, но не осознает его. Таким образом, можно развести процессы видения аспектов, фрагментов мира и осознание их. Из связи языка и сознания вытекает так называемая гипотеза лингвистической относительности Сэпира – Уорфа, гласящая, что разные языки определяют разное видение мира. А если следовать конструктивистской методологии, согласно которой в познании мы не отражаем «объективную действительность», а строим различные модели бытия, то носители различных языков пребывают в несколько разных мирах, а национальные культуры выступают, согласно Борхесу, как «сад расходящихся тропок», обеспечивая генетическое многообразие единого Человечества. В этом плане можно сказать, что существуют не только диалог культур и взаимообмен достижениями культуры и техники, но и конкуренция культур, борьба за распространение своего национального языка и национального мировоззрения.

Повторюсь, сказав, что разные культуры конструируют разные миры бытия, с различными «моделями потребного будущего» (термин Н. А. Берштейна), разной системой ценностей и различающимися утопиями. Даже логика разных культур может частично не совпадать. Сошлюсь на работу А. В. Смирнова [2001] об арабской логике и приведу пример суждения из буддизма, отрицающего логику «исключенного третьего», где «отрицание великой Истины есть тоже Великая Истина». Кстати, и само понятие истины имеет религиозные корни и является, как пишет А. П. Назаретян [1995], «мифологическим понятием» (тем не менее принятым на вооружение как в марксистской философии, так и в позитивизме). Представление о том, что есть некая «объективная действительность», независимая от позиции наблюдателя («то есть, что есть на самом деле»), познание которой и есть обнаружение истины, соответствует «ленинской теории отражения» или ее западному аналогу «копирующей теории истины».

Философия постнеклассической рациональности [Степин 2000; 2003] и методология конструктивизма [Келли 2000; Петренко 2010; 2013] исходят из того, что наше познание не имеет возможности непосредственно отображать «вещь в себе» и тем самым «открывать истину», а создает различные конкурирующие модели бытия, характеризующиеся различной предсказательной, эвристической силой, уровнем обобщения и полноты, и даже красотой и этичностью. Роль наблюдателя в создании модели отмечали и Н. Бор, и В. К. Гейзенберг, а современные квантовые физики Р. Пенроуз и М. Б. Менский даже говорят о присутствии сознания в редукции волновой функции. Так или иначе, никто не будет спорить о том, что национальные культуры несут в себе имплицитную этику, фиксированную обычно в религиях, и содержат различные идеологемы, в чем-то совпадающие, а в чем-

то различные, поэтому можно говорить как о диалоге и взаимовлиянии, так и о конкуренции различных культур, где ядром культуры выступает широко понимаемый национальный язык, включающий как вербальные, так и невербальные компоненты. Сохранность нации, ее идентичность обеспечивается в первую очередь национальной культурой и языком. В этом плане в современной России акцент делается прежде всего на утверждении государственности и в гораздо меньшей степени – на сохранении и развитии культуры и языка.

Гуманитарная наука рассматривается как нечто второстепенное и малосущественное. Об этом свидетельствуют непрекращающиеся попытки сократить гуманитарные исследовательские институты. Например, мне пришли по Интернету просьбы подписать петиции в защиту Института искусствоведения, центра Рериха. В подвешенном состоянии находятся Институт философии РАН, Институт психологии РАН, у которых собираются отобрать занимаемые здания. Государство не финансирует создание новых гуманитарных центров науки, а наши замечательные олигархи, создавшие свои капиталы на присвоении общенародной собственности, предпочитают финансировать футбольные клубы. Тем не менее, как показывают события на Украине, использование русского языка и культуры может стать определяющим политическим фактором. Правители приходят и уходят (или их «уходят»), а принадлежность к тому или иному языку и культуре остается и задает вектор цивилизационного развития.

Во Франции и Иране были приняты законы об охране французского и персидского языков, согласно которым конференции и иные научные мероприятия на территории этих стран должны проводиться на своих национальных языках. Такая языковая политика требует, конечно, больших затрат на переводы литературы и оплату синхронных переводчиков для иностранцев, но стимулирует развитие научного национального языка. В российском национальном парламенте (Думе), кроме предложений фракции ЛДПР что-то ограничить и запретить, не вложив в развитие и распространение языка ни рубля, ничего не делается. Дело доходит до абсурда в стремлении поднять уровень публикаций до мирового, в отчетность гуманитарных институтов и вновь формируемых научных фондов вводят обязательное требование высоких показателей цитирования по зарубежным индексам *Web Science* и *Scopus* (при наличии российского РИНЦ), тем самым отдавая оценку качества отечественной гуманитарной науки зарубежным экспертам, редакторам и издателям.

Недавно я спорил по «Скайпу» с иностранным коллегой на предмет существования национальной науки. «Не бывает русской или американской физики», – утверждал он, и с этим можно согласиться, хотя и с оговорками о влиянии национальных методологических школ на большую науку. Но применительно к гуманитарному знанию, на мой взгляд, можно говорить о «культурно-лингвистической относительности», ибо в гуманитарном знании (в философии, психологии, социологии, истории, филологии и праве) всегда присутствует ценностно-аксиологический компонент, присущий данной культуре.

На мой взгляд, гуманитарная культура не может не быть национальной (общечеловеческий компонент культуры, задающий Всеединство, будет рассмотрен ниже). Через усвоение языка идет приобщение к иноязычной культуре. Во времена, когда я был студентом МГУ, вместе со мной учились иностранные студенты, составлявшие, наверное, четвертую часть курса и ставшие затем полпредами рос-

сийской культуры в своих странах. Благодаря ректору В. А. Садовничему уже в наши дни созданы и успешно функционируют филиалы МГУ в Азербайджане, Казахстане, Узбекистане, а благодаря еще и Ю. М. Лужкову – филиал в Севастополе, в живописном месте, в бывших Лазаревских казармах. Такие научные, культурные и образовательные центры не только формируют дружественную нашей стране интеллигенцию, но и тем самым выступают форпостом русской культуры.

Разработанные методы психосемантики [Келли 2000; Петренко 2010; Петренко, Митина 1997] с помощью построения многомерных семантических пространств позволяют проводить анализ менталитета населения стран, с которыми мы вступаем в политический и культурный диалог, реконструировать картину мира этих людей. Для ведения диалога необходимо представлять картину мира индивидуального или коллективного собеседника, знать категориальную структуру его сознания, его когнитивную сложность и содержание бессознательных установок. Остановимся на когнитивной сложности. Этот параметр характеризует мерность сознания, количество категорий (конструктов), в рамках которых происходит осознание той или иной содержательной области. Например, американский психолог Чарльз Осгуд провел исследование восприятия людьми абстрактной живописи [см.: Семиотика... 1972]. Испытуемые оценивали картины по множеству шкал, затем полученные матрицы данных подвергались процедуре факторного анализа. И если большинство, как выражаются американцы, «людей с улицы» использовали только одну оценочную категорию: «нравится – не нравится», то, по данным профессиональных художников, факторный анализ выявил от 5 до 9 факторов, по которым эти художники различали картины.

Сознание человека гетерогенно, и последний может иметь высокую когнитивную сложность, к примеру, в области восприятия футбольных команд и низкую – в сфере искусства, высокую в сфере экономики и низкую – в политике. При этом в политике низкая когнитивная сложность ведет к неустойчивости убеждений, возможности их кардинальной трансформации. А. П. Назаретян в недавно вышедшей книге «Нелинейное будущее» [2013] пишет о своей работе в советское время с иностранными студентами из Латинской Америки. Многие учащиеся левых взглядов имели весьма восторженные, но стереотипные представления о Советском Союзе. Раз в стране нет эксплуатации человека человеком, полагали они (термин «коррупция» тогда еще был не в моде), то нет и причин криминального поведения. Советский Союз в их представлении был земным раем. А. П. Назаретян рассказывал о том, как на его студента, сальвадорского партизана, напали двое грабителей с ножами. Обезоружив нападающих и держа их за шиворот, коренастый крепыш несильно сталкивал их лбами, приговаривая: «Нельзя брать чужое, надо быть интернационалистом, надо быть достойным “советико”». При столкновении с несправедливостью и лицемерием, которых было достаточно в СССР, некоторые из этих восторженных поклонников социализма подчас меняли свои установки на противоположные и уезжали с негативными стереотипами по поводу нашей страны. Противоядием таким трансформациям-перевертышам служит увеличение когнитивной сложности сознания.

В наших исследованиях [Петренко, Митина 1997] мы строили семантические пространства политических партий начиная с 1989 г. Интерес для нас представляла как размерность этого пространства – число независимых факторов, так и содержание категорий-факторов, по которым различались эти партии, а также пози-

ции конкретных партий внутри этого пространства. Напомним, что одномерное деление на левых и правых вошло в политический лексикон со времен французского Конвента, где якобинцы сидели в амфитеатре слева, а жирондисты – справа. Наше исследование, проведенное в 1990 г., на исходе горбачевской перестройки, выявило четырехмерную структуру семантического (идеологического) пространства, а содержание выделенных факторов, где первые два интерпретировались как «отвержение – принятие коммунистической идеологии» и «сохранение СССР – превращение его в конфедерацию или союз независимых государств», показывало возможность его распада. Повторные исследования политического пространства уже Российской Федерации в 1991, 1993 и 1995 гг. выявили последовательное нарастание когнитивной сложности общественного сознания россиян. Не берусь судить о его состоянии в настоящее время, так как больше таких трудоемких исследований мы не проводили, но думаю, что при увеличении единомыслия оно уменьшилось. Когнитивная сложность, определяющая многомерность сознания, формируется при полифонии диалога [Бахтин 1972], при наличии множественности точек зрения. Поэтому, в частности, реализация идеи единых учебников по истории или литературе будет вести к формированию «одномерной личности», что неадекватно даже с точки зрения политической прагматики, ибо одномерность ведет либо к фанатизму, либо к неустойчивости убеждений.

Как язык, так и сознание имеют уровневое строение. Наряду с понятиями, обеспечивающими наиболее ясное осознание, в языке существуют синкреты, символы, комплексы, псевдопонятия, определяющие тот или иной уровень осознанности. Этот семиотический ряд выстраивается по степени образности – знаковости, от образа, в своей типичности могущего выступать представителем целого класса сходных объектов, до условного знака, план содержания и план выражения которого полностью конвенциональны и условны. Другой параметр, по которому отличаются представители семиотического ряда, связан с многозначностью – однозначностью плана содержания знаковой формы и выстраивается от многозначного символа, имеющего множество семантических компонентов и соответственно множественную интерпретацию, до математического символа (называющегося так скорее по недоразумению, поскольку это типичный знак), имеющего однозначную интерпретацию. Согласно психоанализу Зигмунда Фрейда, индивидуальное, или личностное, бессознательное «разговаривает» с субъектом на языке символов, то есть осознание происходит в «мягком языке», допускающем множественную интерпретацию. Но помимо индивидуального бессознательного К. Г. Юнг [2012] выделяет коллективное бессознательное, использующее универсальные символы, присущие всему человечеству, и тем самым обеспечивающие семиотическую интеграцию человечества в единую семиотическую целостность. Юнг прибегает к метафоре, сравнивая коллективное бессознательное с мангровым деревом, где на поверхности мы видим множество отдельных деревьев, а в подземной глубине они все переплетены корнями и являются единым целым.

На языке квантовой механики [Пенроуз 2005; Менский 2011] мы бы сказали о связности (перепутанности), задающей целостность или Всеединство бытия. Эксперименты А. Аспекта [см.: Петренко, Супрун 2013] доказали феномен ЭПР (Эйнштейн – Подольский – Розен), отрицающий локальность бытия, то есть опре-

деляющий взаимосвязанность всех событий и процессов, происходящих во Вселенной.

Здесь мироощущение квантовой физики смыкается с философией Всеединства русского православного экзистенциализма (С. Н. Трубецкой, Л. И. Шестов, Н. А. Бердяев) и философией буддизма, в своих медитациях снимающего субъект-объектную оппозицию, или, говоря языком буддизма, «снимающего иллюзию двойственности» и растворяющего индивидуальность (принцип Анатман – отрицание Эго) в мироощущении Единого. За счет интеграции в Едином бессознательное обладает информационной мощностью, на несколько порядков превышающей информационную мощность сознания (в принципе никто не мерил, да и методы оценки информационной мощности отсутствуют).

В психологической науке А. Р. Лурия утверждал, что человек помнит абсолютно все, с чем сталкивался в своей жизни. Проблема в том, как извлечь эту информацию в случае необходимости. Напомню, что детектор лжи был в свое время разработан американцами на основе методики «сопряженных моторных реакций» А. Р. Лурия [1979]. С помощью разработанного В. В. Кучеренко метода сенсомоторного психосинтеза, близкого к гипнотической технике, можно восстановить в памяти человека, как он был, например, одет в определенный день в трехлетнем возрасте или что ел в этот день на завтрак. В настоящее время эта техника используется его учениками в работе Следственного комитета РФ. Например, можно актуализовать в памяти свидетеля номер машины, виденный им случайно много месяцев назад.

К. Прибрам [1975] разработал теорию голографической модели памяти, практически неограниченной по объему хранимой в ней информации. Связность нелокальной информации, хранящейся в бессознательном, делает его источником креативности и творчества (В. Н. Пушкин, В. В. Налимов, О. К. Тихомиров). Отсюда вход в бессознательное, присущее практически всем религиозным практикам в форме медитации, молитвы, созерцания, динамической медитации в танцах дервишей и зикра, психотехникам в духе холотропного дыхания А. Грофа и пр., пиковым переживаниям (термин А. Маслоу), таким как предельные страдания, любовь, восторг и т. п. Тематика бессознательного, продолжающая идеи К. Юнга, наиболее ярко представлена в трансперсональной психологии (С. Гроф, А. Минделл, Р. Фрейдджер, М. Мерфи, К. Уилбер, В. В. Козлов, В. В. Майков), исследующей процессы бессознательного в контексте Интегрального бытия и Единства Мировосприятия. Подводя итог вышесказанному, можно выделить ряд положений, требующих развернутых исследований и доказательств.

Культура как открытая самоорганизующаяся система, подобно живому организму, нуждается в притоке инокультурной информации (аналог генетического обмена живых организмов внутри одного вида, в нашем случае – человеческого), обеспеченной диалогом культур. Культуре, как и живому организму, свойственен инстинкт самосохранения («любовь к отеческим гробам, любовь к родному пепелищу»). Поэтому наряду с диалогом культур необходимо существует и конкуренция, борьба за сохранение своей национальной культуры, своего языка, а возможно, и экспансия, и расширение зоны распространения. Наряду с диалогом и конкуренцией культур с помощью семиотических средств, из которых ведущая роль принадлежит естественным языкам, существуют культурный диалог и конкурен-

ция на уровне коллективного бессознательного, что требует в свою очередь его детального изучения.

Литература

- Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Художественная литература, 1972.
- Келли Дж. Теории личности. Психология личностных конструктов. СПб. : Речь, 2000.
- Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979.
- Менский М. Б. Сознание и квантовая механика. Фрязино : Век 2, 2011.
- Назаретян А. П. Истина как категория мифологического мышления // *Общественные науки и современность*. 1995. № 4. С. 105–108.
- Назаретян А. П. Нелинейное будущее. М. : МБА, 2013.
- Налимов В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М. : Академический проект, 2011.
- Пенроуз Р. Тени разума: в поисках науки о сознании. М. : Ин-т компьютерных исследований, 2005.
- Петренко В. Ф. Основы психосемантики. М. : Эксмо, 2010.
- Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М. : Эксмо, 2013.
- Петренко В. Ф., Митина О. В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). М., 1997.
- Петренко В. Ф., Супрун А. П. Человек в предметном и ментальном мире. Существует ли объективная действительность? Неоконченный спор Бора с Эйнштейном // *Известия Иркутского университета. Серия «Психология»*. 2013. № 2. С. 62–82.
- Прибрам К. Языки мозга. М. : Прогресс, 1975.
- Семиотика и искусствоведение / под ред. Ю. Лотмана. М., 1972.
- Смирнов А. В. Логика смысла: Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М. : Языки славянской культуры, 2001.
- Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2000.
- Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // *Вопросы философии*. 2003. № 8. С. 5–17.
- Юнг К. Г. Психология бессознательного. М. : Канон, 2012.

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА: ГЛОБАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ ПОЛИТИКИ

Вебер А. Б.*

Социальный прогресс – это цель, к которой надо стремиться, но к которой разные страны продвигаются различными темпами и с разными результатами. Как оценить уровень социального прогресса, как его измерить? Традиционный показатель ВВП на душу населения не может служить адекватной мерой благосостояния общества. Попытки найти такую меру предпринимались неоднократно, но предложенные методы и модели не вполне удовлетворяют требованиям полноты. «Индекс социального прогресса 2015» представляет собой новый шаг в этом направлении, впервые предлагая метод оценки социального прогресса как такового, независимо от экономического фактора. Это позволяет исследователям глубже проанализировать взаимосвязь экономического развития и социального прогресса, лучше понять как объективные, так и субъективные причины разительных несоответствий в использовании разными странами их экономических возможностей для социального развития, а политикам, бизнесу, лидерам гражданского общества – применить этот аналитический инструмент для того, чтобы более рационально и четко идентифицировать приоритеты и главные ориентиры действий для достижения целей социального прогресса и устойчивого развития.

Ключевые слова: *социальный прогресс, экономический прогресс, человеческий и природный капитал, устойчивое развитие, стратегия развития.*

Social progress is the objective which different countries achieve in various ways and with different speed and results. How to assess the level of social progress and how can it be measured? The traditional GDP per capita indicator can hardly serve an adequate measure of society's well-being. The attempts to find such a measure have been taken repeatedly, but the proposed methods and models do not completely satisfy the requirements of completeness. "Social Progress Index 2015" seems to be a new step in this direction since for the first time it offers a method of evaluation of social progress as such, separately from economic factors. It allows the researchers to better analyze the relationship between economic development and social progress, to understand both objective and subjective factors of the striking disparity between different countries in their usage of economic opportunities for social development, and provides the policy makers, business leaders, and civil society activists with an analytical tool which helps to more rationally and clearly identify the priorities and the main landmarks for the actions to achieve the objectives of social progress and sustainable development.

Keywords: *social progress, economic progress, human and natural capital, sustainable development, development strategy.*

* Вебер Александр Борисович – д. и. н., г. н. с. Института социологии РАН. E-mail: mailbox@polisma.ru.

Социальный прогресс – понятие исторически обусловленное, сложное и неоднозначное. Не всякий прогресс ведет к улучшению качества жизни. Новое не всегда лучше старого. Модернизация по-разному воспринимается в разных культурных средах. Современная действительность наряду со многими бесспорными достижениями цивилизации в различных областях являет разительные примеры архаизации, регресса, сползания к одичанию и варварству.

Однако при всех оговорках значимость социального прогресса невозможно отрицать. *Цели* социального прогресса – такие как права и свободы человека, право на развитие, на безопасность, на достойные условия жизни, на труд, на социальное обеспечение, на доступ к медицинским услугам, на образование, на дружественную человеку природную среду – получили международное признание. Универсальная значимость этих целей нашла подтверждение в Уставе Организации Объединенных Наций, во Всеобщей декларации прав человека (1948), в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (1966), в других международных договорах и соглашениях, подписанных и ратифицированных большинством государств мира.

Существует и понимание того, что социальный прогресс – это *задача*, к выполнению которой надо стремиться, но к которой разные страны продвигаются разными темпами и с различными результатами. Возможности государств в этом отношении неодинаковы и во многом зависят от природных, социальных, экономических и культурных условий, от положения в системе международных отношений. Поэтому одни страны смогли продвинуться больше, другие – меньше, а иные топчутся на месте или вовсе деградируют, погрязая в разорительных межэтнических, конфессиональных и территориальных конфликтах и войнах.

Но как оценить состояние общества с точки зрения социального прогресса, как его измерить? В начале 30-х гг. прошлого века, когда в разгар мирового экономического кризиса возникла острая потребность в мониторинге состояния экономики, американский экономист русского происхождения Саймон Кузнец (Simon Kuznets) предложил использовать для этого разработанный им показатель валового внутреннего продукта (ВВП). Этот показатель получил признание и с тех пор используется как инструмент национальных счетов во всем мире. В расчете на душу населения его стали со временем рассматривать как индикатор человеческого благополучия, хотя сам С. Кузнец предупреждал: ВВП измеряет только экономическую активность, а не благополучие.

Действительно, ВВП как сумма произведенных товаров и услуг – это и источник, из которого покрываются затраты, обусловленные последствиями производственных и иных аварий, природных катаклизмов, борьбой с преступностью, терроризмом, другими социальными патологиями (наркомания, алкоголизм), а также, не в последнюю очередь, военные расходы и потери вследствие гражданских и международных конфликтов. С другой стороны, статистика ВВП обычно не учитывает побочные издержки экономического роста, не отражает всех аспектов социального развития и ничего не говорит о состоянии ресурсной базы производства и потребления в долгосрочной перспективе. Поэтому даже проект так называемого «зеленого ВВП», рассчитываемого с учетом экономической деятельности по улучшению экологической ситуации, не может удовлетворить требованиям объективной оценки человеческого благополучия.

* * *

В связи с вышесказанным понятно стремление исследователей выйти за пределы показателя ВВП и попытаться измерить социальный прогресс как таковой. Одна из первых таких попыток была предпринята еще в 70-е гг. прошлого века Ричардом Эстесом, крупным американским специалистом в области социальной истории [Estes 1984; 1988]. Разработанный под его руководством Индекс социального прогресса (ИСП) включал помимо данных об уровне экономического развития еще несколько показателей (образование, здравоохранение, демография, политическая стабильность и пр.).

* * *

Появление в конце 1980-х гг. концепции *устойчивого развития* послужило новым импульсом для разработки индикаторов состояния общества на основе критериев, выходящих за рамки традиционного показателя душевого ВВП. Помимо упомянутого выше Индекса социального развития можно назвать также Индекс физического качества жизни (Physical Quality Life Index), Индекс устойчивого экономического благосостояния (Index of Sustainable Economic Welfare), качественные индексы прогресса (Quality Indexes of Progress), Индикатор общего прогресса (General Progress Indicator) и др. Комиссия ООН по устойчивому развитию в свое время (1994) разработала набор индикаторов, включавший 130 позиций.

Наибольшее признание получил Индекс человеческого развития (Human Development Index), предложенный экспертами Программы развития ООН (ПРООН). Более простой и практичный, чем другие, он включил помимо показателя ВВП на душу населения (ВВП/д. н.) два «неэкономических» параметра – ожидаемую продолжительность жизни (состояние здоровья, здравоохранения) и уровень образования (грамотность взрослого населения, охват обучением разных уровней). С начала 1990-х гг. под эгидой ПРООН стали публиковаться ежегодные доклады о развитии человека, содержащие сравнительные данные об Индексе человеческого развития (ИЧР) по большинству стран мира и другую значимую для его оценки статистику. Фактически речь также шла о расширенном способе измерения социального прогресса.

Сопоставление стран по ИЧР наглядно показывает масштабы расслоения мирового населения в этом отношении, динамику показателей человеческого развития, позволяет оценить влияющие на него факторы. В рамках этого проекта впоследствии были разработаны также два индекса нищеты населения – для развивающихся стран (ИНН-1) и для развитых стран (ИНН-2), Индекс развития с учетом гендерного фактора (ИРГФ), Показатель развития возможностей женщин (ПРВЖ). Важным информативным результатом стала фиксация расхождений между рейтингами стран по ИЧР и по душевому ВВП. Достаточно определенно выявилось «отсутствие существенной корреляции между экономическим ростом и улучшениями в области здравоохранения и образования» [Доклад... 2010: 4]. Однако включение в расчет ИЧР показателя ВВП ввиду отмеченной выше его специфики не позволяет в полной мере оценить степень этого расхождения. Другой недостаток ИЧР – отсутствие среди его компонентов экологической составляющей.

* * *

В последние годы проблематика устойчивого развития, отодвинутая на какое-то время в сторону неолиберальной доктриной свободного рынка, вновь выдвигается

нулась на передний план в повестке дня мировой политики. В 2012 г. Конференция ООН по устойчивому развитию («Рио+20») инициировала разработку целей устойчивого развития на период после 2015 г., призвав к «трансформационному сдвигу» в этом направлении. 25 сентября 2015 г. Саммит ООН по устойчивому развитию при участии глав государств, правительств и других представителей 193 стран единогласно одобрил эти цели как новую глобальную повестку дня мирового развития на ближайшие 15 лет. Речь идет о целях с конкретными и проверяемыми количественными и временными параметрами, которые должны быть достигнуты к 2030 г.

Перевод идеи устойчивого развития в практическую плоскость актуализировал проблему *измерения* результатов деятельности в этом направлении, продвижения по данному пути отдельных стран и мирового сообщества в целом. Необходимость расширенной оценки человеческого прогресса в дополнение к показателю ВВП получила признание и на Конференции «Рио+20». Какими ресурсами располагают отдельные нации и все человечество для решения задач социального прогресса и перехода к устойчивому развитию? Что происходит с ресурсами в условиях продолжающегося роста населения, производства, потребления и сопутствующих этому побочных издержек разного рода? Показатели ВВП и ИЧР не дают ответа на этот вопрос.

Неудовлетворенность традиционной системой национальных счетов привела к появлению расширенной концепции совокупного богатства (*inclusive wealth*), к попыткам дать его возможно более полную *количественную* оценку. Так появились, по аналогии с физическим капиталом, понятия «человеческого капитала» (здоровье людей, уровень образования) и «природного капитала»¹. Доступные для производственного использования природные ресурсы – одно из главных условий человеческого благополучия. Без оценки наличного фонда природных активов, их состояния, изменения во времени вследствие постоянного расширения масштабов хозяйственной деятельности трудно конкретно определить условия и перспективы социального прогресса человечества.

Первые попытки оценить совокупное богатство наций, заключенное в упомянутых трех категориях ресурсов, рассматриваемых как социальная ценность, были предприняты экспертами Всемирного банка еще в 90-е гг. прошлого века. Главное богатство наций – и это показали расчеты – человеческий капитал. Была предпринята также в грубом приближении оценка природной ресурсной базы в большой группе стран. Эти первые расчеты дали некоторое представление о мировом национальном богатстве и его составе, но они были весьма несовершенны.

Конференции «Рио+20» был представлен новый экспертный доклад с оценкой совокупного национального богатства наций вообще и природного капитала в особенности [Inclusive... 2012]². На основе единой методики был построен Индекс совокупного богатства (ИСБ) для 20 крупнейших стран, где сосредоточено большинство населения мира. Расчеты показали, что за период 1990–2008 гг. из-

¹ Понятие «капитал» следует в данном случае понимать как метафору, как обозначение определенной категории иных, чем физический капитал, ресурсов (в том числе нематериальных). То же самое относится к понятию «социальный капитал» (социальные связи, институты, доверие и пр.), трудности измерения которого в сопоставимых (денежных) единицах исследователям пока не удалось преодолеть. К тому же существуют серьезные разночтения в определении этого понятия.

² Доклад был подготовлен группой исследователей под эгидой специальной Международной программы Университета ООН (UN University International Human Dimensions Programme on Global Environmental Change) и Программы развития ООН (UNEP).

меряемый природный капитал почти всех этих стран сократился, в том числе в расчете на душу населения (кроме Японии).

Спустя два года общественности был представлен расширенный вариант этого исследования [Inclusive... 2014], которым охвачены 140 стран. Согласно полученным данным, в период 1990–2010 гг. рост совокупного богатства имел место в 128 странах из 140, но в расчете на душу населения – лишь в 85 государствах (вследствие более быстрого роста населения), а с учетом некоторых факторов, снижающих эффективность использования ресурсов, только в 58. Главный вклад в рост совокупного богатства вносил человеческий капитал, тогда как природный капитал в большинстве стран (в 116 из 140) сократился, причем в целом примерно на 30 %.

Что особенно важно, сокращение природного капитала произошло на фоне общего роста ВВП (в 124 странах из 140) и ИЧР (в 135 странах). Если ВВП за два десятилетия вырос в рассматриваемых странах более чем на 50 %, то совокупное богатство – только на 6 % (1992–2010). Увеличение ВВП имело место и там, где ИСБ имел отрицательное значение. А это значит, что экономический рост и повышение уровня жизни происходили в большинстве государств за счет «проедания» природных ресурсов и, добавим, ухудшения состояния окружающей среды.

По мнению авторов исследования, человеческое благополучие можно считать устойчивым, если общая стоимость совокупных активов не уменьшается. Основания для отождествления устойчивого развития с ростом совокупного богатства представляются весьма шаткими. В основе этого мнения лежит допущение возможности ограниченного взаимозамещения (substitution) различных форм капитала, в частности возмещения природного капитала человеческим, но это весьма спорное утверждение [Вебер 2013]. Ни основные фонды, ни человеческий капитал не могут заменить природы как среды обитания человека. Никакой прирост человеческого или основного капитала не может возместить дефицита ресурсов пресной воды, загрязнения атмосферы, сведения лесов, уничтожения природных ландшафтов, сокращения биоразнообразия, изменения климата...

Основной вывод данного исследования категоричен: ориентация политики преимущественно на экономический рост несовместима с устойчивым развитием. Рост ВВП сам по себе не равнозначен большему благополучию, а устойчивое развитие – нечто большее, чем защита окружающей среды. Избыточное производство и потребление, обещая более высокий уровень жизненных благ в среднесрочном плане, могут обернуться бедствием в долгосрочном. Индекс совокупного богатства дает возможность иной оценки функционирования экономики, чем традиционные критерии. Он переключает внимание с текущих доходов на измерение наличных производственных фондов в широком их понимании – в противоположность показателю ВВП.

Благополучие людей все больше зависит от состояния окружающей среды и природной производственной базы. Поэтому правительствам, тем, кто принимает политические решения, рекомендуют основывать свою деятельность на сбалансированном подходе, учитывая все компоненты национального богатства и их взаимозависимость. Им советуют переходить от системы учета потока доходов (ВВП) к системе, предусматривающей оценку совокупного богатства как основу человеческого благополучия. Промышленно развитым странам, где достигнут самый высокий уровень человеческого капитала и где, следовательно, отдача от

дополнительных инвестиций в него уменьшается, надо увеличивать инвестиции, прежде всего в сохранение природных активов, в использование возобновляемых природных ресурсов, восполняя тем самым сокращение невозобновляемых. России же следует больше инвестировать в основные фонды, а также, конечно, в образование, науку, здравоохранение.

Как отмечается в данном исследовании, концепция совокупного богатства сфокусирована не на составляющих человеческого благополучия, а на том, что его обуславливает, детерминирует. Поэтому представляет особый интерес еще одно недавно опубликованное фундаментальное исследование, где проблема развития, при тех же исходных посылах, рассматривается с другой стороны, а именно – со стороны социального положения людей.

* * *

Речь идет о новом исследовании социального прогресса в мире, предпринятом аналитической группой международного исследовательского проекта “The Social Progress Imperative”. В рамках этого проекта разработан Индекс социального прогресса, первый вариант которого опубликован в 2014 г., а второй – в 2015 г. [Social... 2015]. Авторы поставили перед собой амбициозную задачу: создать, исходя из современных аналитических возможностей, такой инструмент измерения, который позволил бы дать целостное и адекватное представление о социальном прогрессе как в отдельных странах, так и в мире в целом, не искаженное какими-либо привходящими обстоятельствами.

Важно, что исходной посылкой доклада послужило понимание: модель развития, ориентированная на экономический рост, ущербна. Социальный прогресс значим сам по себе, его измерение содержит критический посыл, позволяя судить о том, как данная социально-экономическая система служит людям. Насколько экономическое развитие продвигает социальный прогресс – или не продвигает? Задуматься над этим заставляют и массовые протесты даже в относительно благополучных странах, и растущая в мире озабоченность поляризацией богатства и бедности, и дискуссии об экологических пределах роста.

Особенность данного исследования еще и в том, что здесь впервые предпринята попытка оценить социальное развитие *независимо* от показателей экономического прогресса. Такой подход дает возможность не только представить социальный прогресс в «чистом» виде (при всей условности этого приема), но и выявить соотношение параметров социального прогресса и ВВП/д. н., что позволяет глубже проанализировать взаимосвязь этих двух сторон развития общества, лучше понять роль социального прогресса как драйвера экономического роста, помочь определиться с выбором оптимальной стратегии развития.

Другая важная черта этого исследования – подробная детализация используемого в нем понятия «социальный прогресс», того набора взаимосвязанных факторов, которые его определяют. В качестве основных выделены три измерения: 1) базовые потребности человека; 2) основы благополучия (well-being); 3) возможности (opportunity), оцениваемые главным образом с точки зрения прав и свобод человека. Каждое включает несколько компонентов, которые, в свою очередь, представлены несколькими специфическими индикаторами – в общей сложности

их 54 (см. табл. 1)³. Набор индикаторов может в чем-то показаться спорным, но «вес» каждого в отдельности невелик (1/54), и на общий результат это не могло оказать существенного влияния.

Исследованием охвачены 133 страны (покрывающие 94 % мирового населения), по которым удалось получить достоверные показатели, включающие набор статистических данных (61 %), экспертные оценки (25 %) и результаты социологических опросов (12 %). Шкала значений определялась путем идентификации лучших и худших результатов по каждому индикатору для каждой страны за период с 2004 г., и в этих границах определялись сравнительные оценки по каждой позиции, сводимые затем в агрегированные показатели для каждого компонента и каждого основного измерения⁴.

Таблица 1

Индекс социального прогресса

Базовые потребности человека	Основы благополучия	Возможности
1	2	3
Питание и основные медицинские услуги Доля недоедающих Дефицит продовольствия Материнская смертность Мертворождения Детская смертность Смертность от инфекционных заболеваний	Доступ к основам знаний Грамотность взрослого населения Охват детей начальной школой Охват обучением в младших классах средней школы Охват обучением в старших классах Гендерное равенство в средних учебных заведениях	Права личности Политические права Свобода слова Свобода собраний и объединений Свобода передвижения Права частной собственности
Состояние воды и санитарии Доступ к водоснабжению Доступ к воде улучшенного качества в сельской местности Доступ к системам канализации	Доступ к информации и коммуникациям Наличие мобильных телефонов Пользователи Интернета Индекс свободы прессы	Личная свобода и выбор Свобода выбора образа жизни Свобода вероисповедания Свобода ранних браков Обеспеченность контрацептивами Уровень коррупции

³ В их число вошли как некоторые индикаторы, представленные в документе ООН «Цели тысячелетия в области развития» (2000–2015), так и индикаторы, предусматриваемые новой программой ООН «Цели устойчивого развития 2015–2030» [Social... 2015: 86, 87].

⁴ Предельные значения шкалы установлены от 0 до 100, где за 100 принята оценка, которую страна получила бы, если бы имела самый высокий балл по всем индикаторам, а 0 – самый низкий из возможных по всем показателям. Фактически лучшими или худшими являются те показатели, которые ближе к предельным. Тем самым появляется возможность оценить достижения отдельных стран по каждой позиции относительно реальных лучших или худших показателей.

Окончание табл. 1

1	2	3
Жилье Жилищные условия Доступность электроснабжения Качество электроснабжения Смертность вследствие загрязнения воздуха в помещениях	Здоровье и здоровый образ жизни (wellness) Ожидаемая продолжительность жизни Преждевременная смертность от неинфекционных болезней Доля людей с избыточным весом Смертность от загрязнения воздуха вне помещений Самоубийства	Терпимость и инклюзия Уважение к женщинам Терпимость к иммигрантам Терпимость к гомосексуалистам Дискриминация и насилие в отношении меньшинств Религиозная терпимость Коммунальная сеть безопасности
Личная безопасность Число убийств Уровень преступности с применением насилия Рецидивистская преступность Политический терроризм Смертные случаи на транспорте	Устойчивость экосистем Эмиссия парниковых газов Использование водных ресурсов Биоразнообразие и хабитат	Доступность продвинутого образования Число лет обучения в учебных учреждениях третьей ступени Средняя продолжительность школьного обучения женщин Неравенство в доступности образования Глобальный рейтинг университетов

Если рассматривать мир как одну страну, то глобальный индекс социального прогресса равнялся бы 61,00 балла. При этом среднемировая оценка удовлетворения базовых потребностей человека превышает общий глобальный индекс по разделам «Питание» и «Базовые медицинские услуги» – 87,47 балла и по разделу «Состояние воды и санитарии» – 68,87 балла. Это также те сферы, которые были в фокусе Целей тысячелетия в области развития и где за последние четверть века достигнут определенный прогресс. Не удивляет, что худшей в этом разделе стала оценка «Личной безопасности» – 56,27 балла.

Что касается «Основ благосостояния», то здесь выше других среднемировой показатель доступа к основам знаний (85,98) – тоже сфера, находящаяся в фокусе Целей тысячелетия в области развития. Значительно ниже показатели состояния здоровья и условий для сохранения здоровья (64,67), а также доступности информации и коммуникаций (63,56). Худший среднемировой показатель в этом измерении – устойчивость экосистем, то есть состояние окружающей среды (51,60).

Третье измерение – «Возможности» – в среднем получило на глобальном уровне самую низкую оценку. Лучший среднемировой показатель в этом разделе – «Личная свобода и выбор» (61,23). Показатели других компонентов намного ниже: «Доступность продвинутого образования» – 46,24, «Права личности» – 43,10, «Терпимость и инклюзия» – 42,36. При этом оценка соблюдения прав личности варьируется в очень широком диапазоне, опускаясь в некоторых странах до

ничтожных 2,32 балла, тогда как в некоторых других странах она достигает 98,84 балла; то же относится и к оценке терпимости и инклюзии.

Нужно, конечно, учитывать, что правовые (институциональные) возможности социального прогресса интерпретируются авторами данного исследования с точки зрения принятых на Западе ценностных установок, которые подчас не только сомнительны сами по себе, но и игнорируют культурно-цивилизационные особенности развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки. Поскольку оценка прав и свобод личности базируется преимущественно на экспертных оценках, не исключена возможность односторонних, субъективных суждений, что сказалось, например, в сильно заниженном показателе ИСП Кубы (84 место в рейтинге 133 стран), притом что признаются ее достижения в области удовлетворения базовых потребностей человека – первое место в регионе по условиям питания и второе – по доступу к основам знаний. Стоит отметить, что в рейтинге ИЧР 2013 г. Куба (“very high HDI”) среди тех же 133 стран занимала бы 36 место (44 место из 187 стран [Human... 2014: 159]).

В странах, имеющих сходный уровень ВВП/д. н., достижения социального прогресса варьируются в широком диапазоне. Богатая страна может иметь высокие абсолютные показатели социального прогресса, но отставать в этом отношении от других стран с примерно равным ей уровнем душевого дохода; бедная страна может иметь лишь умеренный уровень социального прогресса, но гораздо лучшие результаты, чем равные с нею по ресурсным возможностям другие страны. Иными словами, при более или менее одинаковом уровне экономического развития одни страны по тем или иным причинам лучше справляются с задачами социального прогресса, другие – хуже.

Авторы исследования попытались статистически определить и сравнить результаты социального прогресса стран, находящихся в сходных экономических условиях. Для этого они прибегли к довольно сложной процедуре: выделили для каждой страны референтную группу из 15 других стран, равных или наиболее близких ей по уровню ВВП/д. н., определили для каждой группы медианный показатель социального прогресса (median scores) и сравнили показатель каждой страны с соответствующим показателем их референтных групп.

По полученным данным, 15 стран из общего списка можно отнести к *overperformers* – в их числе Коста-Рика, Уругвай, Никарагуа, Новая Зеландия, Ямайка, Швеция, то есть государства, которые достигли значимых опережающих результатов по сравнению с другими в своей референтной группе. Гораздо больше оказалось стран (33), где показатели социального прогресса значительно ниже их экономических возможностей (*underperformers*), среди них, как ни парадоксально, страны с богатыми природными ресурсами, такие как Саудовская Аравия, Кувейт, Венесуэла, Нигерия, Ангола, – здесь и степень «недоразвития» особенно велика.

Однако не все наделенные богатыми природными ресурсами страны (нефть, газ и т. п.) «недоотягивают» по социальным показателям. Так, Норвегия и Австралия имеют столь же высокий ИСП, как и их референтные группы по ВВП/д. н. Странам, сумевшим создать сильные институты и основанный на законности правопорядок, лучше удается использовать имеющиеся ресурсы непосредственно для инвестиций в социальный прогресс, тогда как другие страны, богатые ресурсами, страдают от институциональной и политической нестабильности. В группу *un-*

derperformers попадают, естественно, и страны, втянутые в жестокие и разорительные региональные конфликты.

Но есть и другие, более сложные, комплексные причины относительного отставания социального прогресса. Сравнительно низкую для такой страны, как Россия, позицию в рейтинге ИСП (71 место) исследователи объясняют невысоким качеством системы здравоохранения, низким уровнем толерантности, социальной вовлеченности, проблемами с гражданскими правами и свободами, с личной безопасностью. В то же время Россия имеет сравнительно высокую оценку по таким показателям, как условия питания, состояние водоснабжения и санитарии, базовая медицинская помощь и образование. В рейтинге ИЧР среди 133 стран Россия заняла бы 45 место (57-е в списке 187 стран [Human... 2014: 159]). Россия отчасти следует паттерну богатых природными ресурсами стран. Но надо учитывать и особенности ее географического и геополитического положения – огромную протяженность территории, коммуникаций, внешних границ, континентальный климат, что во многом определяет государственную политику распределения и использования национального дохода и бюджетных расходов.

С Китаем, который также относится к группе *underperformers*, особая ситуация. Китай с его высокими темпами роста приходится сравнивать с другими быстрорастущими экономиками. Между тем социальный прогресс, будучи продуктом накопленной массы инвестиций, следует за экономическим развитием с определенным лагом. Это не значит, что все быстрорастущие экономики обречены отставать в плане показателей социального прогресса, но заставляет предположить, что у них могут возникать дополнительные трудности с продвижением по тем или иным его направлениям.

* * *

Для более детального анализа исследователи разделили все 133 страны по достигнутому уровню социального прогресса на шесть групп, обладающих определенным сходством агрегированных показателей, хотя и с существенными различиями в отдельных компонентах. В десятку лидеров («очень высокий уровень») вошли Норвегия, Швеция, Новая Зеландия, Канада, Финляндия, Дания, Нидерланды, Австралия, в низшую группу («очень низкий уровень») – несколько беднейших стран Африки и Азии.

Таблица 2

Сводка данных о структуре и уровнях социального прогресса по группам стран (субиндексы)

Группы стран по уровню социального прогресса	Базовые потребности	Основы благополучия	Возможности
Очень высокий	94,77	83,85	83,07
Высокий	90,86	77,83	73,82
Верхний средний	70,90	68,78	47,65
Нижний средний	72,34	66,90	47,14
Низкий	50,03	58,01	38,35
Очень низкий	38,46	48,55	26,05

Источник: [Social... 2015: 45–50].

Табл. 2 демонстрирует большой диапазон различий в уровнях социального прогресса разных стран по основным его измерениям, принятым в исследовании. Не менее существенны различия и по отдельным компонентам, в том числе в каждом разряде. Даже страны «первого эшелона» имеют много нерешенных проблем и открытые возможности улучшений в различных направлениях. В частности, почти все они получили низкую оценку устойчивости экосистем. Такое положение характерно и для всех остальных групп. Средние группы характеризуются резко сниженной оценкой третьего измерения – возможностей прогресса. В двух последних группах особенно плохо обстоит дело с удовлетворением базовых потребностей человека – здесь оценки даже ниже, чем оценки основ благополучия. И, конечно, крайне низок показатель возможностей прогресса.

Этот дифференцированный анализ вновь подтверждает, что экономические результаты не могут дать полного объяснения различий в уровнях социального прогресса. С величиной ВВП/д. н. в наибольшей степени коррелирует степень обеспечения базовых потребностей, в меньшей – основы благополучия, и в еще меньшей – возможности развития человека. И это понятно: в последнем случае важны не только и, может быть, не столько инвестиции, сколько правовые нормы, их соблюдение и соответствие политических установок этой задаче.

* * *

Как показатели социального прогресса соотносятся с распределением доходов, с *крайним неравенством* в распределении? Проблема неравенства с точки зрения социального прогресса авторами исследования затрагивается, но скорее вскользь и формально. Сопоставление ИСП и коэффициента Джини приводит их к следующим выводам. Страны с самым высоким ИСП имеют самый низкий коэффициент Джини, то есть это страны наименьшего неравенства по доходам. То же сопоставление по всем странам обнаруживает в целом негативную корреляцию ИСП и коэффициента Джини, но очень слабую, то есть слабо выраженный тренд снижения уровня социального прогресса по мере роста неравенства.

Более того, если взять за точку отсчета США с их довольно высоким уровнем неравенства, то можно назвать страны, где неравенство меньше, а отставание социального прогресса относительно уровня ВВП/д. н. больше; и есть страны (развивающиеся), где неравенство больше, но по показателю социального прогресса они опережают свой ВВП/д. н. Это дает основание предположить, что связь между социальным прогрессом и неравенством по доходам зависит от уровня развития страны: выше уровень развития – связь слабая, ниже – связь сильнее. Если же показатель ВВП (то есть экономический фактор) убрать, то, утверждают исследователи, статистически значимого отношения между неравенством и социальным прогрессом не фиксируется.

Надо, однако, иметь в виду, что коэффициент Джини имеет свои недостатки – не учитывается источник дохода, не всегда охватываются активы в целом (недвижимость и т. п.). Его прямое сопоставление с ИСП, то есть с данным уровнем социального прогресса, оставляет в стороне косвенное, опосредованное влияние сверхбогатства, вероятность большего социального прогресса при большем равенстве. «Экономика прихоти» с ее безоглядной демонстративной расточительностью означает существенное отвлечение ресурсов, которые можно было бы использовать производительно, в интересах всего общества. Кроме того, сверхбо-

гатство – это и возможность влияния привилегированных групп общества на формирование властных структур; это благосклонность власти к интересам «успешных и богатых» и их сопротивление увеличению социальных расходов в интересах большинства. Поэтому не лишены, видимо, оснований свидетельства того, что крайнее неравенство отрицательно коррелирует с показателями социального прогресса.

Данное обстоятельство становится особенно очевидным, если обратиться к феномену *бедности*. Социальный прогресс предполагает смягчение и преодоление бедности, но она же и ограничивает его возможности. Авторы исследования признают влияние бедности на замедление социального прогресса. При большем ИСП процент живущих в крайней бедности уменьшается. Бедность негативно и существенно коррелирует с социальным прогрессом – сопоставление дает статистически значимый результат, действительный для всех трех основных измерений индекса.

Почему низкий уровень социального прогресса ассоциируется с крайней бедностью? Во многих случаях это обусловлено фатальной нехваткой ресурсов. Но крайне низкие показатели ИСП объясняются не только нищетой. Страны с низким уровнем дохода на душу населения демонстрируют тем не менее широкий диапазон различий в уровне социального прогресса и бедности. Дело, следовательно, и в том, насколько граждане той или другой страны способны деятельно участвовать в экономической жизни (то, что называется инклюзией, вовлеченностью). А это зависит от наличия базовых социальных возможностей – доступа к медицинским услугам, к получению образования, от того, как обеспечены защита прав собственности, личная безопасность и т. д. И, конечно, от того, насколько политика государства нацелена непосредственно на решение наиболее значимых в современных условиях задач социального прогресса.

* * *

Индекс социального прогресса имеет, таким образом, важное прикладное значение в политическом плане. Проблемы социального развития, хотя и обусловлены историей, объективным положением вещей, во многом упираются в политику, в выбор стратегии развития и приоритетов.

Почему Коста-Рика с ее невысоким ВВП/д. н. в 13,431 американского доллара⁵ по ППС заняла 28 место в рейтинге ИСП? Наверное, и потому, что в Коста-Рике еще в XIX в. было введено всеобщее начальное обучение в школах. А принятая в 1949 г. новая конституция запретила создание и содержание в мирное время постоянной регулярной армии. Освободившиеся ресурсы были использованы для развития образования.

Почему Россия при значительно большем душевом ВВП в 23,564 американского доллара заняла лишь 71 место, уступив не только Коста-Рике, но и многим другим странам с гораздо меньшим душевым доходом? Для этого есть, конечно, веские объективные причины, о которых сказано выше. Но есть и причины институционального и субъективного порядка – высокая степень централизации власти, проявления волюнтаризма в политике, выстраивание приоритетов, идущих подчас вразрез с нуждами и ожиданиями большинства населения или отдельных его групп.

⁵ Данные о ВВП на душу населения определялись как среднее за 2010–2013 гг.

По мнению большинства россиян, правительство должно выделять деньги в первую очередь на повышение жизненного уровня населения – так считает 67 % участников социологического опроса, проведенного «Левада-центром» в мае 2015 г. В качестве приоритетных направлений финансирования улучшение медицинского обслуживания назвали 55 %, поддержку незащищенных слоев населения – 53 %, развитие образования – 26 %. Тогда как в пользу первоочередности расходов на перевооружение и модернизацию армии высказались 12 %, в пользу устройства престижных международных мероприятий – 5 %, в пользу развития космических программ – 4 % [Левинсон 2015]. Налицо возможность существенных расхождений между властью и населением в представлениях о бюджетной политике, которой, вопреки официальным заверениям, присущи заметные диспропорции в ущерб социальной сфере.

Разительный пример демонстрируют Соединенные Штаты Америки. Богатейшая мировая держава, самонадеянные лидеры которой считают ее образцом для народов других стран, заняла только 16 место в рейтинге ИСП. Комментируя Индекс социального прогресса 2015 г., обозреватель «Нью-Йорк таймс» Н. Кристоф писал: «Недавно опубликованный глобальный индекс показывает, что Америка, наряду с другими могущественными странами, недоотягивает в том, что важнее всего: обеспечение высокого качества жизни для простых граждан. <...> Мы можем бить себя в грудь и хвастаться, будто мы страна № 1, и в чем-то это так. Но в важных направлениях мы отстаем» [Kristof 2015].

В подтверждение Кристоф указывает на то, что, согласно Индексу, Соединенные Штаты занимают 30 место по ожидаемой продолжительности жизни, 38-е – по выживаемости детей и унижительное 55 место по выживаемости роженцев. Мы знаем, добавляет Кристоф, о нашем высоком уровне убийств, но в США и смертность на дорогах выше, чем в 37 других странах, а уровень самоубийств выше, чем в 80 других странах. США находятся на 38 месте по показателю равенства в образовательной системе, на 49 месте по охвату соответствующей возрастной когорты высшим образованием.

Кристоф напрямую связывает такое положение вещей с феноменом неравенства и особенно с бедностью. Финансирование программ поддержки нуждающихся в помощи бедных требует увеличения налогов на сверхбогатых, но они предпочитают создавать частные альтернативы публичным благам – частные школы, частные охранные агентства, закрытые поселения (*gated communities*). А это ведет к недофинансированию социальных услуг, жизненно важных для нуждающихся. «Мы одержимы ложными целями, и поэтому мы часто придерживаемся ложных приоритетов», – заключает Кристоф, упрекая соотечественников в пассивности, в неспособности прийти к согласию о самом важном для будущего, и высказывая разочарование тем, что американская политическая система «видимо, неспособна возвыситься до вызовов», с которыми сталкивается общество [*Ibid.*].

Состояние дел человеческих приводит исследователей (и не только их) к непреложному выводу: *настало время планировать будущее* и нацеливать стратегию развития непосредственно на решение задач социального прогресса в контексте вызовов нашего времени. Это нашло отражение в итогах саммитов ООН 2015 г. Но способны ли творцы мировой политики не только декларировать далеко-идущие цели прогресса, но и действовать соответствующим образом? От этого зависят сегодня судьбы народов мира, всего человечества.

Литература

- Вебер А. В поисках новой парадигмы развития // Век глобализации. 2013. № 1.
Доклад о развитии человека. Реальное богатство народов: пути развития человека. Опубликовано для Программы развития ООН. М. : Весь мир, 2010.
- Левинсон А. На что не надо тратить народные деньги // Ведомости. 2015. 23 июня.
- Estes R. J. 1984. *The Social Progress of Nations*. New York : Praeger.
- Estes R. J. 1988. *Trends in World Social Development: The Social Progress of Nations, 1970–1987*. New York.
- Human Development Report. Published for the United Nations Development Programme (UNDP). New York, 2014.
- Inclusive Wealth Report 2012. *Measuring Progress toward Sustainability* [Электронный ресурс]. URL: www.ihdp.unu.edu/docs/Publications/Secretariat/Reports/SDMs/IWR%20SDM%20Low%Resolution.pdf/.
- Inclusive Wealth Report. *Measuring Progress toward Sustainability*. UN University (UNU)-International Human Dimensions Programme (IHDP) and the UN Environment Programme (UNEP). Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Kristof N. *Enjoying the Low Life* // New York Times. 2015. April 9.
- Social Progress Index 2015. By Michael E. Porter and Scott Stern with Michael Green. *Social Progress Imperative* [Электронный ресурс]. URL: www.socialprogressimperative.org/data/spi#data_table/countries/spi/dim1,dim3/.

КРИЗИС ЭКОЛОГИИ И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ*

Ильин А. Н.**

В статье рассматривается проблема угнетения природы в условиях глобального технократически-консьюмеристского общества. Исходя из потребительских стратегий максимизации прибыли, бизнес (в том числе глобальный) усиливает избыточное давление на природу. Для общества потребления характерен тренд не просто приобретения вещей, а приобретения именно новых брендовых вещей. Культ новизны выливается в перманентное потребление, в погоню за быстро изменяющейся модой. Мода и реклама призывают осуществлять нерациональный цикл «покупка – выброс – покупка». В статье показано, что культура потребления нейтрализует экологическое сознание. Также представлена общая характеристика возрастания экологических рисков, связанных с развитием технологической инфраструктуры.

Ключевые слова: природа, экология, потребление, технократически-консьюмеристское общество, экологическое сознание, риск, общество риска.

The article considers the problem of oppression of nature in the context of global technocratic consumer society. Based on consumer strategies to maximize the profit, the business actors (including the global ones) enhance excessive pressure on nature. The consumption society is characterized by the trend not just to buy things but to get just new brand items. Things have symbolic richness which emphasizes the status of the owner. The cult of novelty results in permanent consumption and in pursuit of rapidly changing fashion. The article shows that the culture of consumption can eliminate environmental consciousness. The author also presents a general characteristic of the increasing environmental risks associated with the development of technological infrastructure.

Keywords: nature, ecology, consumption, technocratic consumer society, environmental awareness, risk, risk society.

Современный глобальный мир – это мир технократического потребительского капитализма. Технократически-консьюмеристские (прогрессивистские, техногенные) общества воспринимают природу как субстанцию, заслуживающую порабощения человеком, и делают акцент на прикладной науке, вырабатывающей методологию закрепощения природы. В отличие от них традиционалистские общества воспринимают себя интегрированными в природу как живой метаорганизм и вместо прикладной науки делают ставку на традиции, мифы, религию. Технократизм абсолютизирует инновационность и научно-технический прогресс, надеясь на достижение социального, экономического, технологического совершенства в буду-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России (государственное задание).

** Ильин Алексей Николаевич – к. ф. н., доцент кафедры практической психологии Омского государственного педагогического университета. E-mail: ilin1983@yandex.ru.

шем. Традиционализм холодно относится к прогрессу, усматривая «золотой век» человечества в прошлом, а в будущем видит продолжение прошлого.

По замечанию А. Н. Чумакова, глобальные изменения и общечеловеческие проблемы – результат многовековых количественных и качественных трансформаций как в общественном развитии, так и в системе «общество – природа»; причины их появления укоренены в истории становления современной цивилизации, которая породила обширный кризис индустриального общества и технократически ориентированной культуры [Чумаков 2012]. Ранее успехи индустриального капиталистического развития формировали и укрепляли веру в прогресс всех сфер жизни общества, в возможность человека безнаказанно покорить природу. По мере усложнения знания об окружающем мире происходило углубление научно обоснованных методов влияния на мир, на природу. Процесс усовершенствования технологий вел к усовершенствованию деятельности человека, преобразовывающего природу. Техногенез в своей развитой форме создал возможность для давления на природу, для реализации волюнтаристской деятельности по отношению к окружающей среде.

В итоге совершенствование влияния на природу превратилось в антиприродную деятельность. Как отмечает М. А. Жутиков, построен внутренне отторгнутый от природы, антагонистичный ей (и жизни) «синтетический мир», который подчиняется собственным законам, полагая природу служанкой для удовлетворения своих потребностей, а ее ресурсы – своим материалом. Он прорастает в живые ткани природы и замещает их собой, что следует квалифицировать как злокачественное перерождение техноцивилизации [Жутиков 2010]. Человек создал высокий уровень комфорта из природного материала. Однако этот комфорт сегодня оборачивается рядом экологических проблем. Человеку не удалось достичь исковой свободы от природы, от ее слепой силы. И это закономерно, ведь части не дано обрести свободу от целого. Победа человека над природой – это победа в том числе над самим собой. Человек втянул себя собственными победоносными действиями в состояние погребенности под завалами своего триумфа. Поэтому вполне обоснованы десакрализация идеи спасения с помощью НТП от всех грозящих человечеству бед и формирование нового подхода, согласно которому данная идея именуется мифологемой, тотальным заблуждением. Возникает *противоречие между мощнейшим развитием техники и недоразвитостью экологического сознания человека*.

На протяжении веков человечество повышало с помощью НТП производительность труда и объем производимой продукции, не заботясь о цене этого роста, которая стала наиболее ощутимой именно в последнее время. У природы берется максимум любой ценой – путем использования ресурсозатратной и разрушающей природную среду техносферы, которая, вступив в антагонистическое противоречие с окружающей средой, стала детонатором гибели человечества [см.: Ковальчук и др. 2013]. Человек превратил природу в вещь-исключительно-для-себя. Проективно-конструктивное отношение к миру, воплощенное в попытке человеческого контроля над окружающей средой, ее преобразования, привела не только к освобождению человека от природы, но и к возникновению антагонизма «антропность – природность». Человек как часть природы противостоит природе, избрав самого себя в качестве меры всех вещей. Он представляет планету как сырье, которое позволительно безраздельно расхищать ради выгоды. Если в античном мире разум был призван осмысливать мир, то в Новое время – преобразовы-

вать его. Если ранее природа метафорически представлялась как живой организм, теперь – как механическая машина, бездушие которой как бы делает из нее пассивный объект, позволяет творить с ней что угодно. Может быть, есть смысл не забывать мудрость прошлых веков, а вспомнить ее с учетом дня сегодняшнего. Подчиняя себе природу, как бы антропологизируя ее, человек тем самым увеличивает риски для антропности. Подчиняя природу, он аннигилирует среду, без которой не может существовать. Если человек и природа не едины, то по крайней мере они неотделимы друг от друга. И человек нуждается в природе намного больше, чем природа – в нем. Наконец, благополучие человека и природы тесно связаны. Человек существует потому, что существует природа, но не наоборот.

Как заметил еще Г. Маркузе в эссе «Природа и революция», новому (социалистическому) обществу надлежит ненасильственно осваивать природу, которая должна предстать не веществом, но жизненной силой с присущими ей правами, субъект-объектом. Пока же, в условиях технократического капитализма, она стала «объектом научно организованной агрессии» [Маркузе 2011: 363] – не просто использования, а именно агрессии. Ведь иначе то, что человечество делает с природой, назвать нельзя. *Человеческое освоение природы обернулось бесчеловечным ее угнетением.* «Но институты капитализма беспрецедентно поддерживают всех людей (как власть имущих, так и простых людей) в жадности на законных основаниях... Глобальное “массовое производство, массовое потребление и массовые отходы” загрязняют Землю все с большей скоростью и в больших масштабах, и все больше толкают человечество к глобальному экологическому кризису. Таким образом, мы можем утверждать, что институт капитализма также является причиной глобального экологического кризиса» [Лю 2013: 40]. Похожее мнение находим у И. Валлерстайна [Глобалистика... 2016: 43–44], который в качестве важных причин деградации окружающей среды видит потребность предпринимателей в сокрытии издержек на экологические меры (эти издержки – барьер для максимизации прибыли) и недостаток стимулов для принятия экологически целесообразных решений [Валлерстайн 2004].

Ранее мы рассмотрели проблему антиэкологического потенциала культуры потребления [Ильин 2013]. В данной статье мы углубим наш анализ. Глобальная экологическая нестабильность перманентно нарастает, и одним из ее главных движущих сил является потребкульт, который в экоконтексте следует определять как метадеформацию сознания и деятельности общества, препятствующую формированию и реализации экологических модернизационных проектов. Именно на базе технократического антропоцентричного уклада возникло общество потребления, которое сегодня, в эпоху актуализации глобальных экологических проблем, призвано быть трансформированным в новый тип цивилизационного развития, преодолевающий недостатки как традиционализма, так и прогрессивизма. Те ценности, которые с точки зрения технократизма кажутся абсолютными и непогрешимыми, необходимо подвергнуть критике.

Логика рынка решает задачи, выгодные определенному субъекту и имеющие сиюминутное значение, тем самым создающие проблемы другим субъектам, а возможно, и самому инициатору решения этих задач в долгосрочной перспективе. Частный экономический актор ориентирован на прибыль, а расходы на природоохранную деятельность, на экологическую оптимизацию своего производства считает нерациональными в смысле выгоды издержками. Исходя из позиции соб-

ственника, подход по минимизации мер является разумным. С точки зрения интересов общества он оказывается совершенно неразумным. Экологически ответственным может быть государство, но не частный бизнес. Рациональность и оптимальное планирование каждого отдельного актора приводят к «производственному хаосу».

Псевдопотребность перепотреблять фундирована стремлением держателей капитала посредством моды и рекламы «воспитывать» общество так, чтобы каждый покупал как можно больше, выбрасывал купленные товары как можно раньше и покупал вновь. Производители гаджетов постоянно создают новые модели и рекламируют их, чтобы потребители сокращали срок пользования каждой моделью и заменяли ее другой, даже если предыдущая находится во вполне функциональном состоянии. Здесь имеется в виду эффект морального устаревания товаров, феномен не технологической истощенности, невозможности дальнейшей эксплуатации, а выхода из моды. Или же производители используют эффект физического устаревания товара, когда сотовый телефон, телевизор, компьютер, холодильник и т. д. производятся недолговечными; в таком случае покупатель будет вынужден старый поменять на новый. Оба эффекта являются запланированными, специально используемыми и в конце концов обеспечивают функционирование принципа перманентного обновления вещей [Ильин 2014; 2015].

Возникает впечатление, что человечество не может остановиться в своей антиприродной деятельности. Такое впечатление вполне закономерно при взгляде на крупные корпорации, которые создают все больше ненужных гаджетов, обеспечивают их быстрое устаревание и своим маркетингом приучают общество «идти в ногу со временем», покупая и выбрасывая, затем снова покупая новые устройства и через непродолжительное время их выбрасывая, чтобы приобрести еще более новые, усовершенствованные, наделенные статусом, символичностью. Руководство корпораций понимает антиприродный эффект от своей сверхпроизводительной деятельности. Однако когда дело касается прибыли и выживания в конкурентной среде, экологические приоритеты уходят на задний план. Когда есть бизнес, нет времени и ресурсов задумываться об экологии – особенно если бизнес построен на эксплуатации природных ресурсов. Корпоративные интересы для воротил капитала выше интересов человечества. Фразу одной из героинь футурологического романа А. Зиновьева «Глобальный человек» можно применить и к наличной реальности: «Мы перешли границу нашей власти над природой. В результате мы потеряли власть над самой нашей способностью властвовать над природой и перекраивать ее по своему усмотрению. Мы вступили в высшую фазу нашей искусственности – она сама стала для нас естественностью высшего уровня» [Зиновьев 2003: 248].

Приобретая новый гаджет и выбрасывая предыдущий только потому, что он вышел из моды, мы редко задумываемся, что такими действиями укрепляем антиприродную капиталистическую систему. Ведь каждое такое потребительское действие по сути носит антиприродный характер. Но в нашем сознании играет значительную роль «магия малых чисел», эффект минимализма, согласно которому формируется идеологема «подумаешь – поменял телефон, из-за меня одного ни с чего не убудет». Но когда таких «меня одного» насчитываются миллионы и сотни миллионов, тогда этот солипсистский минимализм перестает себя оправдывать. Однако он все равно функционирует в сознании потребителя. Ведь перед его

взором не встает картина миллионов других, таких же, как он, кто покупает, выбрасывает до срока реального (физического) износа изделия и снова покупает. Он не видит, сколько ресурсов расходуется на каждый предмет его вождения и сколько расходуется на огромные тиражи этих предметов. Он не лицезреет совокупный итог деятельности всех этих «меня одного». Он вовлекается в бессмысленный цикл «потребление – выброс – потребление» не сообразно своим личным потребностям, а сообразно тем потребностям, которые ему навязывают мода, реклама и маркетинг как мощные элементы потребительской инфраструктуры.

В обществе потребления, где искусственным путем задается быстрый темп циклу «купил – выбросил – купил», увеличивается избыточное производство, которое создает не действительно необходимые для удовлетворения нормальных человеческих потребностей продукты, а гаджеты, нужные для удовлетворения фиктивных (навязанных модой и рекламой) потребностей. Для этого необходимо нарастание используемого сырья. Вследствие такой производственной избыточности возникают две масштабные проблемы: 1) гипериспользование ресурсов; 2) нарастание объема мусора различных видов (загрязнение атмосферы, воды, почвы и т. д.). Идеология потребления вместо экономии, солидарности, самоограничения, скромности абсолютизирует противоположную ценность – безответственную трату. Безудержный консюмеризм приводит к кризису личности, общества и природы.

Как отмечает В. А. Кутырев, характерный для современного общества потребления хаотичный новационизм своим острием направлен в сердце экологии [Кутырев 2011]. С этим безумным процессом новационизма автор связывает такие понятия, как «устойчивая неустойчивость», «непрерывный кризис», «де(э)волюция человеческого бытия», «эпоха Вырождения», «новационная истерия» и «неомания». Экологически ненормально, когда изделия устаревают на этапе своего начального функционирования или вообще на этапе замысла, когда происходит бесконечная требующая ресурсов смена гаджетов, руководимая не их реальным изнашиванием, а выходом из моды. Экологически ненормально, когда не прогресс служит целям общества, а общество, человек и природа становятся инструментами прогресса, этой выгодной столпам коммерции новационной истерии. Общество и человек превращаются в человеческий фактор, в юзеров (пользователей) прогресса, проходящих перманентную идеологическую обработку, призывающую много потреблять и не останавливаться на достигнутом. В результате такой прогресс оборачивается экологическим упадком и регрессом самого общества и человека, их потребностно-духовной сферы.

Технократическая потребительская цивилизация ненасытна в принципе, а потому антиприродна и антибиосферна. Она расточает ресурсы так, что превращается во врага биосферы и природы, а заодно в паразита-самоубийцу, если рассматривать данное явление в глобальном – планетарном – смысле. Человечество – элемент более крупной и сложной системы – Биосферы Земли. Ее состояние, как пишет Е. Д. Яхнин, определяется воздействием на нее внешней среды и взаимодействием составляющих ее элементов друг с другом. Воздействие среды (окружающего биосферу земного и солнечного вещества) осталось прежним, а взаимодействие составляющих ее элементов изменилось вследствие влияния человечества (как ее элемента) на природу, и биосфера стала терять устойчивость [Яхнин

2009]. Природа представляет собой вещь, призванную удовлетворить неумеренный аппетит современной цивилизации.

Потребительский парадокс заключается в том, что рынок товаров и услуг сверхизобилен, но построенный урбанистический порядок сформировал нехватку свободного времени, чистых воды и воздуха, зеленых массивов и тишины. Капиталистический мир, фундированный интересами повышения прибыли, характеризуется своим остатком в виде совокупности предельно различных видов отходов, которые настолько многообразны, что поддаются самой обширной классификации. Сегодня одной из максимально серьезных угроз для жизни человечества и всего живого становится сам человек, а точнее, его отношение к природе и основанная на этом отношении система деятельности. Угрозой стал одновременно как человек-производитель-капиталист, так и человек-потребитель, «воспитываемый» этим производителем и созданной инфраструктурой потребления (мода, реклама).

По замечанию Д. И. Дубровского, объем воспроизводимых планетой за 1 год ресурсов человечество потребляет за 9 месяцев, но маховик потребительства продолжает раскручиваться: больше потреблять, чтобы больше производить, чтобы еще больше потреблять [Конвергенция... 2012]. Сегодняшнее давление на природу осуществляется далеко не всегда ради благих целей. Значительное давление происходит ради удовлетворения навязанных модой и рекламой фиктивных потребностей, в угоду принципу «потребление ради потребления», своей целевой самозамкнутостью демонстрирующему свою полную бессмысленность. Человек адаптируется к условиям среды, но и адаптирует их к своим потребностям, которые претерпевают рост и трансформации в процессе человеческой истории, перерастая всякие разумные масштабы.

* * *

Еще в конце 20-х гг. XX в. Х. Фрайер высказывал предположение о возможности утраты контроля над техникой [Фрайер 2011]. Также Н. Бердяев заметил, что человек бессилён справиться с техническими силами, которые он высвободил и которым дал ход, а овладение природой неосуществимо через вражду и отчуждение от нее [Бердяев 1916]. Именно в век повышенного комфорта максимально выросли различные риски, что позволило дать современности еще одно название – общество риска [Beck 1992; Бек 2001; Бехман 2007]. Вероятность опасностей теперь зависит не столько от природы и судьбы, сколько от решений человека, последствия которых в современном сложном мире сопряжены с высокой долей неопределенности. Усложнение техники увеличивает риск снижения качества ее управления (также его снижает наблюдающийся культурно-интеллектуальный регресс), вероятность ошибок, которые могут иметь очень высокую цену и приводить к серьезным последствиям. Чем сложнее техника, тем больше в ее работе непредвиденности и неопределенности, что, в свою очередь, актуализирует рост принятия неожиданных решений с малоизвестными последствиями. И чем больший масштаб получает развитие техносферы, тем меньше «свободы» остается у природы. Следовательно, мир становится все более зависимым от человека, от тех, кто принимает решения, кто их проектирует (рассчитывает), и тех, кто стимулирует к определенному вектору принятия решений. *Научно-техническая система обеспечивает человечество, но сама выходит из-под обеспечения. Нарас-*

тание сложности этой системы вступает в противоречие с человеческой способностью этой сложностью управлять.

Разум создал воистину громадную промышленную мегамашину, которая движет цивилизацию вперед. Однако в лице этой мегамашины не перед отдельным человеком или обществом, а перед всем человечеством встала угроза самоуничтожения. И такая угроза стоит перед нами впервые, ибо никогда ранее НТП не достигал масштаба современности. У нас нет возможности посмотреть назад, обратиться к некоему прошлому опыту, к исторической памяти, и ответить на вопрос, как с подобными проблемами было покончено раньше, – ведь подобных проблем никогда не возникало. Потенциальный ущерб от совокупной деятельности имеющихся технологий по степени своей невосполнимости превзошел возможности любого – даже самого богатого – воображения. *Один из показателей масштабности НТП – создание технологий, которые могут привести к невозвратимому ущербу и последствия от функционирования которых необратимы.*

Причем к необратимым последствиям может привести как функционирование одних технологий, так дисфункциональность других. В первом случае мы говорим о сопряженности с огромным ущербом для среды вполне нормальной, то есть не связанной ни с какими поломками, деятельности (например, той, которая создает промышленные продукты и при этом загрязняет окружающую среду). Во втором случае речь идет о поломках, которые способны вызвать катастрофу (вспомним Чернобыльскую АЭС, Саяно-Шушенскую ГЭС). *Ущерб как от функциональности, так и от потенциальной дисфункциональности технологий – показатель прогресса.* Человек стал демиургом в том смысле, что ему открылись колоссальные возможности по преобразованию мира, учитывая новые прорывы в самых разных сферах науки и техники. Но он стал демиургом и в том смысле, что ошибки в решениях или сбой в технологических цепях могут вызвать такие антижизненные явления, какие нашим предкам даже не снились. *Становясь всемогущим в области созидания, человек параллельно с этим обретает всемогущество в области разрушения. Масштаб прогресса обернулся масштабом потенциальной катастрофы.*

Рост влияния научного знания и расширение научно-технической инфраструктуры являются факторами как прогресса, так и рисков, как достижения целей человека, так и глубокой аномалии. Ведь на основе науки создается техническая мегамашина. Общество знания, общество риска и общество потребления – разные названия одного явления. Наука и технология выступают здесь в трех ипостасях: 1) средство диагностики рисков, распознавания в тех или иных явлениях рискованной составляющей; 2) средство разработки новых способов защиты от угроз; 3) источник рисков. Благодаря науке и технологии человек осознает важность проблематики риска, выбора и принятия решений. Но осознание такой важности, в чем и заключается парадокс, основано на понимании ненадежности техники, научного знания, даваемых им рекомендаций и прогнозов. Почти любая рекомендация, любой прогноз в столь сложной реальности меняют абсолютный характер на вероятностный.

Сложная реальность характеризуется неполнотой знания о последствиях внедрения технических нововведений. Чем сложнее технореальность, тем шире прогностическая неполнота и тем в большей степени ускользает управляемость технообъектами. Нарастание сложности определяет рост как вероятности ошибок

в прогнозах, так и серьезности последствий ошибок. «...Масштабное планирование так легко превращается в самопроверяющиеся предсказания. ...В современном мире так легко проигнорировать, не заметить настоящие угрозы и быть убежденным в каких-то фиктивных преимуществах, а еще легче верить в какие-то фиктивные угрозы и не замечать того, что действительно является позитивным» [Марквард 2003]. Ожидания будущего, планирование и прогнозирование все в большей мере расходятся с действительностью, приобретают многовариантность, так как в условиях чрезмерно сложной реальности почти любой прогноз может сталкиваться с бифуркационными процессами, вступать в зону неопределенности и вероятности.

Парадоксально то, что человечество всегда стремилось к конституированию максимально безопасного и комфортного мира для себя. Но постепенно создавая технологии повышения комфорта и безопасности, оно в этих же технологиях создавало риски. Техника, призванная нас обезопасить в одном аспекте нашей жизни, способна снизить безопасность в другом. В течение развития цивилизации одни угрозы были побеждены, но их место занимали новые, и некоторые из них возникали вследствие деятельности человека по борьбе с предыдущими угрозами. *Развитие цивилизации – это вместе с тем перманентная трансформация спектра опасностей и угроз для человека.* И опасность как таковая никуда не исчезла, а в наше свертехнологичное время приобрела максимальную силу, с которой человечество никогда раньше не сталкивалось. Достижение полной безопасности и абсолютного комфорта оказалось невозможным, и дверь в Эдем по-прежнему закрыта для того, кто, согласно библейской фразеологии, был изгнан из рая. Более того, прогресс науки и техники дал нам возможность сформировать «почти райские» условия жизни. Но этот прогресс в своем потенциале содержит возможность превратить данные условия в «почти адские». Техносфера, это проявление искусственного, расширяясь все дальше и дальше, наступает на естественное и тем самым вытесняет человека как такового.

Мало того, сознание становится аутистичным, дерационализированным и дегуманизированным. Оно отстраняется от осмысления опасностей и рисков, закрывается от них, проявляет эскапизм. По мнению С. Г. Кара-Мурзы, основой дефекта сознания служит механистический детерминизм, редуцирующий мироздание до часового механизма, в котором все предопределено, а потому любые проблемы поправимы, и опасаться нечего. Если мир – часовой механизм, все обратимо и предсказуемо, и нет повода для тревоги. Идея свободы уничтожила ответственность, идея прогресса – память, а идея всеисильности человека – необходимость серьезного предвидения угроз [Кара-Мурза 2010; 2012]. Помимо этого, основой дефекта сознания выступает потребкульт, который не просто отвлекает от осмысления возможностей преодоления рисков, а вообще не позволяет их увидеть, предвосхитить даже в условиях их реального присутствия.

Методология контроля за исчадиями прогресса все более и более отстает от самого прогресса. В мире посредством НТП и соответствующего типа культуры увеличивается разрыв между (ограниченным) мышлением о рисках и воплощенной в поведение этикой, с одной стороны, и самими рисками – с другой. Человечество создает новую сверхсложную технику, своей деятельностью осуществляет технический прогресс, но само в части прогнозирования и предотвращения исходящих от техносферы опасностей не прогрессирует; опасности развиваются

быстрее сознания человека, которое не поспевает за прогрессом. Вероятность риска растёт быстрее, чем человек умнеет.

Каждое поколение призвано преодолевать проблемы своего времени, но каждое новое поколение наследует проблемы прошлого и создает свои; поэтому фраза «угрозы своего времени» потеряла смысл. «...Если все человечество подчинится ценностям потребительского общества, оно столкнется с жесточайшим дефицитом солнечной энергии и невозобновимых ресурсов Земли... Глобальное нарушение человеком баланса природных экосистем порождает эффект бумеранга: когда несущая способность среды многократно превышена, она превращается из поглотителя рисков в их производителя и распространителя. Эти риски, распространяясь и трансформируясь, в конечном счете создают ситуацию, когда *состояние среды обитания начинает диктовать обществу правила игры* не только “здесь и сейчас”, но и на ближайшее будущее. В мировой повестке дня безопасность и наличие ресурсов жизнеобеспечения *вытесняют* благополучие и процветание» [Яницкий 2011: 161, 161–162].

Может быть, человечество пришло к состоянию, когда достигнут (естественно, не обеспечен для всех в условиях экономической поляризации между странами) избыточный уровень потребительского комфорта, комфорт с остатком, который и сопряжен с рисковостью. Вместо дальнейшего продвижения прогресса не актуальны ли, наоборот, его замедление и одновременно как бы заморозка связанных с ним рисков? Возможно, стоит задуматься о важности замены прежнего курса, фундированного ритмикой времени, постоянным движением, на курс застывшего времени.

* * *

Глобальная экологическая катастрофа более чем вероятна, несмотря на идеи постмодернизма, согласно которым мы уже живем в постапокалиптическом обществе, что апокалипсис позади, что нашим апокалипсисом является наступление виртуального, которое лишает нас реального конца. Если эти постмодернистские воззрения относятся скорее к концу не самой реальности, а восприятия человеком и обществом реальной действительности (хотя философия постмодерна склонна к отождествлению реальности и ее восприятия), которая вытесняется потоками симулякров, то симулякризация на уровне потребления – угроза не только восприятию реальности, но и самой реальности.

Становятся понятны отдающие эсхатологией предзнаменования о различных концах – конце истории, экологии, природы и т. д. В эпоху потребления история регрессирует, перед ней нет нового вектора движения. Человек долгое время вел борьбу с природой, породившей и кормившей его. Возомнив себя венцом творения, этот единственный из всех детей природы бунтарь счел свое отделение от нее необходимым фактором прогресса человечества. Сейчас, в эпоху «переразвитого мира», несмотря на очевидную ошибочность такого убеждения, процесс отдаления человека от природы происходит в еще больших темпах. Человек разумный породил человека потребляющего. «Но когда желание оградить себя от самых опасных, смертельных природных явлений преобразуется в стремление к комфорту, к изоляции от всего трудного, от всего неприятного для изнеженного представителя цивилизации, когда поступательное повышение уровня отчуждения от природы становится доминантой развития, когда эволюция подменяется

научно-техническим прогрессом, обеспечивающим все большую и большую степень отчуждения, – отчуждения вплоть до настоящей, крайней враждебности – вот тогда и закладываются предпосылки глобального системного кризиса» [Салин 2010: 78].

Необходим выход науки и практики на более рефлексивный уровень, чтобы минимизировать свою отстраненность от последствий собственной деятельности. Это особо актуально в мире, который характеризуется ростом побочных незапланированных последствий, возникающих как результат функционирования науки и технологий, ради неких утилитарных целей игнорирующих «второстепенное», то есть собственно экологические приоритеты. Отношение к науке также должно измениться. Сегодня наука стала мыслиться не как экспертная область наложения запретов на ту или иную деятельность и предупреждения о последствиях, а как инструмент увеличения благ вслед за растущими потребностями.

Важна ориентация на интенсивный путь развития, при котором увеличивается эффективность использования ресурсов и сокращаются затраты. Но для этого нужен отказ от доминирования потребительской идеологии, которая требует роста потребления, учит каждого позиционировать себя, свой статус, свою значимость наличием модных и дорогих гаджетов последней модели. Однако отказ от культуры потребления вряд ли возможен в условиях капиталистического уклада, следовательно, требуется упразднение господства рынка. Такое упразднение – не просто требование, а показатель современности мышления, актуальности мысли для реалий сегодняшнего дня. Настоятельно необходим примат экологии и этики над экономикой.

Экологизация всеобщего сознания, в свою очередь, является его этизацией и формированием природосообразной модели жизнедеятельности. Необходимо государственно санкционированное внедрение в СМИ экологического контента как антипроявления контента потребительского. Р. С. Сартаева, А. Н. Нысанбаев и А. Сагикызы отмечают весьма важные принципы экологического мировоззрения: 1) принцип целостности (существуют всеобщие связи, мир целостен, и от поведения каждого из нас зависит сценарий будущего состояния мира); 2) принцип коэволюции (совместное развитие человека и среды, из которого вытекает необходимость соотносить потребности человечества и возможности биосферы) [Сартаева и др. 2015]. Формирование экологического мировоззрения, в свою очередь, приведет к формированию экологической культуры, которую есть смысл противопоставить по ее ценностно-смысловым характеристикам культуре потребления. Мир вошел в ту точку цивилизационного развития, когда у каждого человека, у бизнеса и властей появились обязанности перед природой, перед экологией. Вместо антропоцентрического требуется экосистемное (собственно экологическое) мировоззрение, которое должно преподаваться в школе и воспитываться различными способами. Согласно экосистемному подходу, место человека в мире не такое уж большое, и чем большее «пространство» он стремится занять, тем меньше его остается у природы, что, в свою очередь, скажется в конце концов на самом человеке. Мир существует отнюдь не только для человека.

Возлагаются надежды на экологическое образование, цель которого – формирование экологической культуры с ее ценностным отношением к живой природе и окружающей среде [Стукаленко и др. 2015]. Экологическая культура представляется как система знаний, умений и ценностных ориентаций в области

окружающей среды и активной деятельности, направленной на ее сохранение и улучшение. Соответственно, ее образует синтез знаний, ценностей и форм деятельности. Но помимо экообразования необходима серьезная перестройка современной капиталистической системы, которая безмерно перерабатывает ресурсы для создания огромной гаджетосферы и поддержания ее безумного и бессмысленного перманентного построения-изменения-построения ради извлечения сверхприбылей. Только при достаточной информированности о состоянии окружающей среды вместе с воспитательным воздействием система знаний способна перерасти в систему убеждений, которые, в свою очередь, сформируют соответствующий образ жизни.

Современному человеку, голосующему за какую-то резолюцию и принимающему экологические решения, необходимо делать это не только от своего имени, но и от имени своих детей, пусть даже еще не родившихся. Возникает необходимость действовать так, чтобы последствия деятельности были совместимы с поддержанием достаточных условий жизни на планете, удовлетворять свои потребности, не лишая аналогичных возможностей своих детей и внуков. Здесь имеется в виду все многообразие наших деятельных микропроявлений, включая банальное загрязнение окружающей среды бытовым мусором, поскольку малые действия при их большом количестве накладывают уже совсем не малый отпечаток на экологию. Как заметила Е. Н. Князева, следует жить так, чтобы последующие поколения имели условия существования не хуже тех, которые имели мы при вступлении в жизнь [Князева 2015]. И находиться в рамках экологической культуры необходимо не каким-то отдельным активистам-экологам, а каждому члену общества; только всеобъемлющий активизм такого рода способен привести к неуничтожению ресурсов планеты. Имеется в виду не сверхдеятельный активизм, который будет выдаваться на публику подобно классическому активизму. Речь идет о «молчаливом», встроенном в жизнь активизме. Для изменения мира необходимо прежде всего произвести изменения в себе, своих культуре, поведении, образе жизни. Ведь природа – это не что-то отдаленное, отчужденное от нас. Природа – это мы!

Человечеству надлежит снова осознать себя частью природы, переосмыслить свои взаимоотношения с ней. Для этого требуется не руссоистский возврат к доцивилизованности, а прежде всего отказ от признания примитивными и недоразвитыми первобытных и традиционных обществ, сохранивших согласие с природой: они не неразвиты, а просто выбрали для себя иные приоритеты. Преимущественно европоцентричная идеология либо не замечает другие культуры, либо относится к ним свысока, изначально исходя из трактовки современного европейского развития как наивысшего. Для европоцентризма несвойственно рассматривать первобытные культуры как носителей уникального опыта. Для него они недоразвитые, а не альтернативные. Возможно, именно эти культуры показывают нам почтительное отношение к природе. Возможно, у них есть чему поучиться в активном поиске достижения коэволюции природы и человечества. Да и в принципе век безудержного технологического развития требует снова обратиться к традиционализму в широком смысле слова. Традиционные непрогрессистские ценности различных культур обретают сегодня новое звучание, дают возможность отразиться происходящее, поставить вопросы типа «Ради какой сверхцели и сверхценности происходит умножение комфорта и

рисков?», «Куда идет человечество?», «Какие могут быть альтернативы у потребительской техно-цивилизации и как их реализовать?». Обращение к давно забытому старому позволяет не только задаться вопросами, но и найти на них достойные ответы.

Пока же у нас нет оснований ждать милости от природы, учитывая то, что мы с ней делаем. Утратив связь с природой и предпочтя обособленность от нее вместо гармонии с ней, человек, биологически оставаясь природным существом, на деятельностном уровне превратился в существо антиприродное. Сделав природу жертвой, он сам превратился в жертву природы; такая трансформация напоминает некий незримый закон высшей справедливости. «Экологические проблемы предвещают не просто завершение парадигмы глобального роста, обусловленной потребностями ведущих экономик, но могут и вообще означать конец всякого роста» [Белло 2013: 165].

Экологическая безопасность не призвана обеспечиваться для какой-то одной страны и одного народа. Бессмысленно выстраивать эту безопасность в контексте национального эгоизма, так как она может быть лишь равной для всех акторов планетарной системы. Международная экологическая этика – это ограничение свободы действий для человечества в наступлении на природу. Несущая способность экосистем должна стать ограничителем для человеческой экономической деятельности. С. Жижек справедливо замечает, что экологическая угроза самому существованию человечества придает новый смысл слову «мы», охватывающему все человечество, и предполагает, что угрожающая негативность природы – зеркальное отображение негативного отношения к природе со стороны человечества (инаковость природы – негативное ядро бытия человека) [Жижек 2011].

Давление на природу преимущественно носит искусственный характер, превращаясь в откровенную войну с ней. Эта война необходима вовсе не обществу. Она необходима алчному, стремящемуся только к прибыли капиталу, который актуализирует потребительские ценности и «воспитывает» общество в парадигме «купил гаджет – недолго попользовался им (до момента не его слома, а его выхода из моды) – выбросил его – купил новый».

Как заметил М. Б. Пиотровский, помимо прав человека актуализируется значимость прав общества, семьи, культуры и природы [Куда идет... 2010]. Наконец, *интересы и права природы приоритетны, так как они включают в себя интересы и права человека; ведь без природы невозможен ни человек, ни его интересы, ни его права.*

В условиях актуализации новых экологических рисков государство призвано направлять свою деятельность как в сторону устранения последствий человеческого давления на природу, так и в сторону превентивных мер, то есть к предвосхищению опасностей и снижению вероятности их возникновения. Формирование экологического (противоположного потребительскому) сознания играет здесь существенную роль. Охранять природу требуется не только в интересах самой природы, но и в интересах человечества. Идеология потребительства (по сути, идеология вражды с природой) должна смениться идеологией коэволюции человека и природы, ибо их взаимозависимость – очевидный факт.

Литература

- Бек У. Что такое глобализация? / под общ. ред. А. Филиппова. М. : Прогресс-Традиция, 2001.
- Белло У. Интервенция как часть внешней политики США // Закат империи США: Кризисы и конфликты. М. : МАКС Пресс, 2013.
- Бердяев Н. Смысл творчества (Опыт оправдания человека). М., 1916.
- Бехман Г. Современное общество как общество риска // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 26–46.
- Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М. : Логос, 2004.
- Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / под ред. И. В. Ильина, И. И. Мазура, А. Н. Чумакова. 2-е изд., стер. М. : Кнорус, 2016.
- Жижек С. Размышления в красном цвете. М. : Европа, 2011.
- Жутиков М. А. Научная картина мира как фактор его разрушения (взгляд на науку с точки зрения угнетенной природы) // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 144–153.
- Зиновьев А. А. Глобальный человек. М. : Эксмо, 2003.
- Ильин А. Н. Влияние культуры потребления на экологию // Век глобализации. 2013. № 2. С. 113–130.
- Ильин А. Н. Культура общества массового потребления: критическое осмысление. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2014.
- Ильин А. Н. Добро пожаловать в пустыню одноразового многообразия: критический анализ консьюмеризма // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. 2015. № III – 2(23). С. 50–54.
- Кара-Мурза С. Г. Матрица «Россия». М. : Эксмо, Алгоритм, 2010.
- Кара-Мурза С. Г. Угрозы России. Точка невозврата. М. : Эксмо, Алгоритм, 2012.
- Князева Е. Н. Понятие “Umwelt” Якоба фон Иксюля и его значимость для современной эпистемологии // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 30–44.
- Ковальчук М. В., Нарайкин О. С., Яцишина Е. Б. Конвергенция наук и технологий – новый этап научно-технического развития // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 3–11.
- Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2012. № 12. С. 3–23.
- Куда идет российская культура? (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2010. № 9. С. 3–59.
- Кутырев В. А. Время Mortido // Вопросы философии. 2011. № 7. С. 18–29.
- Лю Ф. Размышления о глобальном экологическом кризисе с точки зрения конфуцианства и экологии // Век глобализации. 2013. № 2. С. 38–47.
- Марквард О. Эпоха чуждости миру? [Электронный ресурс] : Отечественные записки. 2003. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2003/6/2004_1_27-pr.html (дата обращения: 25.04.2015).

Маркузе Г. Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике. М. : АСТ, Астрель, 2011.

Салин Ю. С. Гносеологический релятивизм категории времени // Вопросы философии. 2010. № 3. С. 66–79.

Сартаева Р. С., Нысанбаев А. Н., Сагикызы А. Экология человека в структуре современного научного познания [Электронный ресурс] : Вопросы философии. 2015. № 4. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1150&Itemid=52 (дата обращения: 12.10.2015).

Стукаленко Н. М., Лигай М. А., Еремкова Ж. А. Развитие экологической культуры как фактор культивирования нового сознания личности [Электронный ресурс] : Актуальные проблемы исследования массового сознания: Материалы 2-й Международной научно-практической конференции / отв. ред. В. В. Константинов. М. : Перо, 2015. С. 673–682. URL: http://dep_op.pnzgu.ru/files/dep_op.pnzgu.ru/docs/sbornik_materialov_aktualnye_problemy_issledovaniya_massovogo_soznaniya.pdf (дата обращения: 21.10.2015).

Фрайер Х. К философии техники // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 73–79.

Чумаков А. Н. Глобалистика в системе современного научного знания // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 3–16.

Яницкий О. Н. «Турбулентные времена» как проблема общества риска // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 155–164.

Яхнин Е. Д. Дарвиновская триада и эволюция // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 105–115.

Beck U. From Industrial Society to the Risk Society // Theory, Culture and Society. 1992. February. Vol. 9. No. 1. Pp. 97–123.

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОПЫТОК ЕЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИЗОЛЯЦИИ И ДИСКРИМИНАЦИИ

Залывский Н. П.*

В статье исследуется вероятность движения России к геополитической устойчивости в исторической перспективе. Автор акцентирует внимание на возможностях укрепления мирового авторитета России, на опыте предыдущих этапов ее развития, обуславливающих проблемы закрепления России в числе государств – лидеров мирового развития. При этом автор выделяет условия, предпосылки долговременной устойчивости России как одного из субъектов геополитической конкуренции за лидерство, предлагает теоретические положения для разработки миссии социокультурного мирового лидерства. Формулируются также задачи по повышению цивилизационной роли России в будущей истории человечества.

Ключевые слова: геополитика России, мировое лидерство, глобальная конкуренция, международные санкции, футурологические подходы, барьеры общемировому лидерству.

This article examines Russia's possible movement to geopolitical stability in historical perspective. The author emphasizes the possibilities of strengthening Russia's global authority with the account of the experience of the previous stages of its development which caused the problems of fixing Russia among the leading states of the global development. The author allocates the conditions, preconditions of long-term sustainability of Russia as a subject of geopolitical leadership, and elaborates the number of theoretical axioms, necessary for the development of the mission of social and cultural global leadership. The author proposes the objectives of raising the importance of Russian civilizational mission in the future history of civilization.

Keywords: the mission of Russia, global leadership, global competition, future approaches, futurological approaches, barriers for global leadership.

Необходим ли ответ о перспективах мегатенденций трансформации глобального пространства?

Введение в предмет анализа автор начинает с утверждения важности определения возможного контура российской цивилизации, поскольку разделяет пози-

* Залывский Николай Павлович – Заслуженный экономист РФ, д. э. н., профессор, заведующий кафедрой экономики Северного (Арктического) Федерального университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: n.zalvskiy@narfu.ru.

цию А. Тойнби о четырех стадиях развития цивилизаций и о творческом меньшинстве людей, генерирующих импульсы трансформации «своей» цивилизации, что придает ей локальную специфику исторического существования [Тойнби 2002: 46–115]. И все же далее исходим из гипотезы о достаточности у России ментального потенциала для предотвращения футурологического вытеснения с орбиты формирования глобального пространства.

Данную гипотезу тоже подсказал А. Тойнби. Он в свое время квалифицировал XXI в. эпохой выдвигания Россией собственных идеалов, полагая, что Запад не будет жаждать принять ее в свои объятия. Как, впрочем, и исламский мир, Китай. Когда вероятны варианты позиционирования места и геополитических намерений государств в обозримой исторической перспективе, когда у «современного человечества просто нет альтернативы глобальному управлению, которое должно быть создано» [Чумаков 2014: 148–160], то можно уверенно предположить, что занятие государствами *места авторитетного субъекта в модели глобального управления миром всегда отразит результаты его институциональных действий*.

Современная практика подтверждает эту тенденцию. США обозначили и пытаются реализовать стратегию исключительности лидерства в мире на базе императива солидарного одобрения и поддержки со стороны иных стран. Россия не готова принять тезис об исключительности исторического доминирования США, ибо геополитическое будущее видит в многополярном мире. «Путин хочет, чтобы Европа поняла: возглавляемый США “однополярный мир” себя исчерпал. США заявили о своей победе в холодной войне. И теперь настала очередь Запада терпеть унижение» [Чего... 2015].

Налицо обозначение *стратегической проблемности международных отношений и высокой геополитической неопределенности конструкции будущего мира*. Это означает, что межстрановая конкуренция за легитимацию национальных интересов в глобальном пространстве будет реальной мегатенденцией настоящего и будущего международных отношений. Ее надо предвидеть и изучать, что и составляет предмет предлагаемой статьи. Несомненно и другое: народы, погруженные в дебри конкурентной борьбы за выживание, на каждом этапе цивилизационного процесса нуждаются в удовлетворении привилегированного желания представлять себе будущее своих стран. Непременен нужен генератор интеллектуального обогащения общественного сознания людей моделями близкого и отдаленного будущего человечества.

Такие модели, как правило, воплощают две институциональные функции. С одной стороны, это всегда слепок представлений граждан и институтов власти государства – претендента на мировое лидерство о геополитическом будущем. С другой стороны, это концептуальная основа организации взаимоотношений с современным международным сообществом. Таково поле предлагаемой в статье научной диагностики геополитических обстоятельств, ограничивающих социокультурное значение российской цивилизации в мировой истории и затрудняющих укрепление авторитета Российской Федерации как глобального игрока.

Бесцеремонные попытки США принизить (унизить) цивилизационный опыт других стран, в данном случае России, воспринимаются автором одним из признаков враждебности американской теории социального хаоса для глобального будущего человечества. Необходимо государство, способное созидать позитивную историческую альтернативу. Россия обладает гуманитарным потенциалом желания ответственности за такое развитие мира. Россия способна меняться в этом

направлении. В. М. Еськов надеется, что должны кардинально изменяться и США [Еськов и др. 2014: 50]. Чем раньше и точнее российские ученые будут предвидеть долгосрочные негативные последствия нынешней эпохи деятельности ведущих государств планеты, тем неизбежнее будет историческая устойчивость России. Предвидению параметров геополитической конструкции будущего мира предшествует научное осознание современных реалий.

О модернизации факторов геополитического позиционирования России

Самоощущение геополитической актуальности изучения механизма и факторов победы в глобальной конкуренции России, по нашему мнению, необходимо из-за двух обстоятельств.

Во-первых, в силу двухматериковой территории государства: Европа и Азия обрекают на контакты с разными цивилизациями человечества, на взаимодействие со странами, находящимися в асинхронном историческом времени-пространстве. Эти страны и фазы их исторического бытия были неперенными обстоятельствами исторического прошлого, будут неизбежными спутниками будущей судьбы России. Проактивный поиск новой диалектики безопасности долговременного существования с ними, не говоря уже о государствах, отнесенных нами к потенциальным лидерам мирового развития, становится обязательной задачей государственных институтов, науки.

Во-вторых, Россия является важным звеном международной кооперации – сотрудничества геополитических друзей и недоброжелателей. Наличие последних актуализирует военно-стратегическую и экономическую безопасность страны, подчеркивает роль альтернативного геополитического выбора путей развития РФ в условиях режима санкций со стороны группы государств. Россия и все страны мира – члены ООН нуждаются в институтах политической стабильности мира без блокирования олигополистической геополитической конкуренции. Цивилизационная роль будущих поколений россиян во многом производна от способностей и умения страны реализовывать лидерский потенциал. На каждом историческом этапе необходима своевременность модернизации геополитического мировоззрения федеральных институтов, достаточного для материализации в международном сообществе лидерской концепции развития России.

Признание перспективы футурологического выхода на глобальное поле мирового лидерства, возможности при любых радикальных геополитических сдвигах быть в группе стран – ведущих акторов мировой истории не отменяет обязанности учитывать опыт предшествующих попыток влияния на мир. Никто не оспаривает теоретическую пользу ретроперспективного анализа предшествующих нормативных концепций о первенстве России на различных направлениях общественного развития. Идея разжигания (экспорта) мировой революции в 1917–1922 гг. оказалась первой, наиболее радикальной, заявкой России на статус ведущего субъекта мирового процесса. Ее ядром долго была идея о поддержке мирового революционного процесса.

Аналогичные идеи возникали, зажигали политические амбиции государственных лидеров не раз. Они соразмерно оплодотворяли массовое сознание населения новыми иллюзиями о способности России перетянуть другие государства в русло исторической перспективы своего развития. Это ставило несогласный мир перед неизбежностью военно-политического катаклизма, а Россию (СССР) – перед важностью компромиссного согласования притязаний на мировое лидерство. Кариб-

ский кризис – наиболее показательный фрагмент реальной истории страны. Ядерное и идеологическое противостояние двух сверхдержав могло оказаться трагичной развязкой для человечества, но повернуло конфронтационную природу их холодного противостояния к мировому лидерству на принципах мирного сосуществования всех государств, независимо от их военно-экономических потенциалов. Иначе говоря, российской политической мысли не чужды концептуальная идея глобального позиционирования России в мировой истории, футурологические абрисы геополитики, а ее граждане всегда ощущали потребность видеть Россию на достойном месте в мировом табеле геополитического успеха.

Для этого были и уже никогда не исчезнут объективные исторические предпосылки. *Российская Федерация не может не быть объектом и субъектом геополитических процессов.* Она, как и большинство современных государств, обладающих существенным экономическим и военным потенциалом влияния на другие страны, способна реализовывать национальные интересы и обеспечивать долговременную историческую устойчивость.

Для эффективного решения двух стратегических задач государство не может не использовать геополитическую методологию определения места в мировой цивилизации, апробировать многообразие каналов влияния на нее. Так *перед государством возникает необходимость в геополитическом мировоззрении (миссии геополитики) как теоретическом фундаменте управления процессом развития страны и российского общества.*

В этой констатации нет научной новизны, однако присутствуют императивы выбора определенной методологии решения будущих проблем, появляющихся в русле всеобщей динамики развития мира. Резервные возможности России (географические, природные, экономические, человеческие и культурные) – долговременный фактор обеспечения ее потенциального места в системе координат глобального развития человечества, залог исторической устойчивости страны в обозримом будущем.

Миссия государства (его предназначение в геохронополитическом процессе) – это концептуальная идея, генетически растворенная в психологической и моральной природе того или иного народа – доминирующего демографического и политического фактора истории государства. Миссия венчает ментальный вектор российского пути в будущее, социокультурную философию проектирования населением международной роли страны в будущем сообществе государств. Политики опираются на такой ментальный и духовный стержень при выработке долговременной стратегии позиционирования государства на глобальном поле мирового лидерства. Ее квинтэссенция, институциональное ядро сводится к тому, что РФ может быть модератором совершенствования мировой цивилизации, субъектом реализации национальной модели общественного развития и государственной политики взаимодействия с окружающим миром.

В миссии воплощены психолого-эмоциональные ожидания граждан, интуитивно проявляющиеся в их повседневных действиях, особенно при внешнем поощрении к моральной солидарности со своей Родиной. Миссия синтезирует эмбрионы социально-политического настоящего и будущего государства, находящиеся в сердце наиболее сознательной части гражданского общества, положительно настраивая их на доказательство права и возможности гордиться исторической состоятельностью России.

Усложнение геополитической конкуренции – не случайность современной эпохи, а перманентный признак геополитики будущих межгосударственных отношений

Каждое современное государство имеет альтернативные исторические перспективы. Для России важна одна из них: занять и удерживать достойное представительство в многополярной конструкции будущего человечества. Такая модель мира напоминает о группе современных стран (например, США, Бразилия, Индия, Китай, Япония, и др.) – потенциальных претендентов на экономическое лидерство, на мировое влияние. Потенциал названных стран, перспективные возможности его увеличения подогревают идею их долгосрочной гегемонии, затмевая внимание к негативным последствиям ее осуществления.

Жесткая и действительно глобальная по характеру конкуренция за рынки, за инвестиции, за политическое и экономическое влияние *давно является нормой функционирования современного мира*. Ее предмет – привлекательность делового климата, развитие экономических свобод, величина налоговой нагрузки, гарантии защиты права собственности. Президент РФ В. В. Путин обнажил предельный принцип геополитической конкуренции для России – **характерной черты поведения многих стран мира**. Он подчеркивал, что «в современном мире с нами никто не собирается враждовать – этого никто не хочет и это никому не нужно. Но нас никто и особенно не ждет. Никто специально помогать не будет. За место под “экономическим солнцем” нам нужно бороться самим» (Послание... 2002).

Существует большая разница между геополитическими намерениями и возможностями их осуществления. Субъекты геополитики пытаются стирать эту разницу в угоду оптимистичной динамике общественных настроений населения своего государства. Для чего используется сей политический прием? Чаще для демонстрации международного влияния государства и политического ресурса руководителя страны. А нередко и для ретуширования процесса понижения собственного авторитета. Такими, на наш взгляд, окажутся исторические результаты инициативы США и ЕС по формированию института геополитического шантажа, принуждения Российской Федерации идти в фарватере ценностей англосаксонской геополитики.

Автор статьи не связывает ухудшение отношений между Россией и Западом с присоединением Крыма и возникновением внутриукраинской политической конфронтации. Геополитическую колыбель того и другого раскачивают преимущественно США. Введение западных санкций готовилось намного раньше и «только из-за злости» [Котзиас... 2015], как весьма откровенно выразились греки. У США исподволь копилась злость на Россию, все сильнее осознававшую национальные интересы и суверенное право вести внешние дела соразмерно этим интересам. Пессимизм в отношении санкционного давления США на РФ кроется в зыбкости консенсуса западного мира, который «должен вместе выигрывать, но и вместе терять» [Там же].

Конкуренция за мировые рынки сбыта европейских товаров – куда более весомая плетка политического реализма, нежели окрики из Вашингтона и Брюсселя. Когда произведенные товары гниют на корню или в закромах, то свеча солидарности с исключительностью США как лидера однополярной концепции мироустройства рано или поздно погаснет. Признаки солидарности с предвидением такой перспективы обнаруживаются у участников сессии международного дис-

куссионного клуба «Валдай» (Сочи, октябрь 2014). Б. Обама накачивает «мускулы» демонизации России для торможения экономического роста страны и нивелирования роли РФ в международных институтах. За аргумент антироссийской практики принят тезис об исключительной и экстраординарной угрозе национальной безопасности и внешней политике США. А Украина для России – это соседняя страна, не гнушающаяся быть модератором геополитических целей США. Реальность угроз надо учитывать, поэтому кому как не РФ важно своевременно озботиться стратегией геополитического позиционирования в обозримом горизонте будущего вектора мировой истории?

Как минимум важно наращивать геополитические ресурсы внутренней политики России для более прагматичной стратегии позиционирования России на футурологическом глобальном пространстве. Она должна быть менее конфликтогенной для мирового сообщества. Прежде всего при проектировании взаимоотношений с США как угасающей державой и с Китаем – ныне стратегическим партнером не только РФ, но и многих других стран. В кругу этих нынешних союзников Россия может оказаться самым слабым звеном, если не утвердит в среднесрочной исторической перспективе ментальную новизну идей и технологической практики общественной эволюции. Уже сейчас можно дистанцироваться от некритичного транслирования в российское общество пессимизма политической элиты старой Европы, которая присвоила право не только на обучение западными институтами демократии россиян основам хорошего тона, но и на «выдачу» индульгенции их соответствия европейским ценностям. Совет Европы с 1996 г. подталкивает Россию к пониманию и признанию демократии, политики и прав человека основными общеевропейскими ценностями.

Их приемлемость не социокультурная аксиома, а лишь один из источников культуры будущего. *России полезно утверждать в европейском сообществе государств свою идентичность посредством симбиоза альтернативных моделей цивилизационного развития*, воплощающих ментальную философию наследуемой духовной культуры всех народов РФ и аккумуляцию передовых мировоззренческих основ жизни граждан других государств мира, усиливающих социокультурную роль России в мире. Надеемся, рано или поздно западноевропейское сообщество, государственная элита США и их сателлитов осознает неприемлемость для России двойных стандартов событий (фактов), сужающих ее суверенные национальные интересы на глобальном поле. Лишь после этого возникнет цивилизационный портрет западной демократии как морально-нравственного института взаимопознания национальных интересов Запада и Востока.

Следовательно, не Россия, а США и в какой-то мере Евросоюз пока разрушают международную систему отношений. ЕС материализует конфронтацию с РФ идеями и действиями, желает «эффективно противостоять внешним угрозам, в том числе и исходящим от России» [ЕС...]. Последней действительно следует наращивать политическую энергию неприятия двойного измерения международных событий, квалифицировать эту черту ментальным злом группы проамериканских государств, перманентным источником внутриевропейской нестабильности.

При этом важно удерживать познавательный фокус на проблемах, близких к повседневным интересам граждан, на жизненных перипетиях, наиболее чувствительных для современного мира. Чтобы цивилизационная судьба государств, как ее понимал В. Ильин [Национальная... 2007], в данном случае историческая вероятность России, могла быть существенным фактором мировой экономики,

социальной истории человечества и значимым субъектом глобального управления, продуктивным мотивом творчества. Все это окажется на задворках иллюзий, если не будет понимания, что качество работы государственных институтов РФ и эффективность судебно-правовой системы тоже становятся инструментом межстрановой конкуренции. Чем обусловлена взаимосвязь внутренних обстоятельств и международных позиций страны? Чем выше удовлетворенность наших граждан своим государством, тем масштабнее поддержка геополитических целей России.

Некоторые аксиомы коррекции геополитического бытия россиян

Начальная аксиома имеет два подпункта. Во-первых, нет смысла переживать исторические реалии. Во-вторых, отечественные аналитики (политики, ученые) должны всегда удерживать геополитическую мысль на почве реальных фактов (процессов). Какие причины заставляют нас выделить эти подпункты? Мера возможностей влияния России на глобальные процессы оспаривается субъектами современной геополитики, оперирующими политическими квалификациями России как угасающей мировой державы. В унисон с этим появляются мнения о неспособности России предложить своим народам путь объединения и возможности распада страны. Отрадным знаком ощущения потребности такого объединения можно называть политико-философскую канву доклада президента РФ на Санкт-Петербургском международном экономическом форуме 2012 г.

Современная практика, на наш взгляд, малопродуктивна без оформления четких стратегий движения (вхождения) государств в координаты долгосрочного будущего мира. Население России особенно нуждается в подобной футурологической перспективе, ибо ему присущи ментальные настроения к мироустройству за пределами порога своего дома. Эта черта характера – *один из институциональных признаков пассионарной самобытности природы русского (российского) народа*. Советская и российская политическая мысль неиндифферентна к определению глобальной роли России в мировой истории. Публичные обращения президентов РФ тоже включают геополитические пассажи о том, что «единственным же для России реальным выбором может быть выбор сильной страны», тем более когда вокруг есть силы для геополитической перестройки мира, угрожающие государственному суверенитету и территориальной целостности России [Послание... 2000].

Очевидная безотлагательность решения этой задачи показана в Послании Президента РФ 2002 г. Федеральному Собранию. В нем стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г. подтверждена следующей формулировкой: Российская Федерация обладает достаточным потенциалом для того, чтобы рассчитывать на создание в среднесрочной перспективе условий для ее закрепления в числе государств – лидеров в мировой экономике на основе эффективного участия в мировом разделении труда, повышения глобальной конкурентоспособности национального хозяйства, оборонного потенциала, уровня государственной и общественной безопасности [Стратегия... 2009].

Корни следующей аксиомы разветвлены в нашем быту, индивидуальном сознании, порождающем соответствующее поведение. Не секрет, что часть россиян независимо от степени богатства демонстрирует за пределами Отечества хамство, пренебрежение ценностями населения страны пребывания. Следовательно, у европейцев не на пустом месте возникает бытовая нелюбовь к русскому человеку. По сути, мы сами ставим себе подножки, раздражаем внешний мир действиями,

позволяющими западному общественному мнению муссировать тезис о варварстве домостроевских устоев, азиатчине.

Отрицать наличие подобных примеров жизнедеятельности наших граждан за рубежами Отечества невозможно. И излишним будет их признание системным изъяном культуры народа, так как порочность действий отдельных россиян всего лишь срез индивидуальной патологии великой культуры народа, морального авторитета русского человека. Все же подобные примеры добавляют силы старым стереотипам отношения европейцев к русским, тормозят процесс вымывания суждений западного обывателя о якобы культурном отставании России от европейского сообщества, умножают ряды оппонирования идее русского культурного и духовного лидерства.

Естественно, автор имеет другую точку зрения. Если желание русского человека совершенствовать мир – не миф о его социокультурном коде и естественном пассионаризме, то неуместно воспринимать мифами случаи, развенчивающие достоинство русского народа. На наш взгляд, российские институты должны лидировать в формировании позитивного образа страны, в поглощении давно циркулирующих стереотипов о пороках нашего внутреннего бытия. Почему это так важно? Ответ очевиден. *России нужны прежде всего инновационные победы в цивилизационной модернизации основ народного бытия.* Ей важно синтезировать многообразие ментальности всех народов в культуру поведения российской цивилизации. Конструктивное содействие культурной модернизации должно оказать образование. Оно – главный фактор глобального переворота общественных порядков. России нужен коренной перелом в этом направлении, поэтому важно обновить методологические основы деятельности школ, университетов и содержание идеологии государственной организации общества. Конечной целью всех институциональных инициатив должна стать мотивация к самым высшим индикаторам социокультурного развития гражданина.

Еще одной аксиомой моей методологии футурологического прогноза является личная убежденность в том, что геополитическая судьба больших государств, таких как Россия, требует проектного взгляда на тысячелетие вперед. Чем дальше за горизонты заглядывает элита страны, тем меньше случится катаклизмов и драм в процессах ее перехода из одной эпохи развития в другую, тем яснее и логичнее будет возводиться конструкция Дома комфортной жизни новых поколений россиян. *Россия может быть лидирующим сувереном международного сообщества, если уже сейчас вооружится стратегией «Россия – 3000».* Ведь великие задачи, воодушевляющие народы, лучше видятся на расстоянии.

Не возбраняется помнить и о том, что сначала футурологический образ России проектируется в душе, затем – в практической полемике с возможными оппонентами, по-другому видящими структуру исторических альтернатив развития, по-иному входящими в свое будущее. Осуществлению такого подхода мешают субъективные ограничения, присущие любому социальному индивиду, порой не желающему смотреть дальше своего носа. Человек с научным мировосприятием, к коим относит автор себя, в состоянии преодолеть этот недостаток. Именно поэтому я отчетливо сознаю возможность проектирования абриса будущего мира. Прежде всего для России. Мысленно вижу ее счастливую звезду в активном созидании будущего человечества.

Предупреждению интеллектуальной ограниченности и приземленности взгляда на место России в планетарном пространстве-времени мне помогает мысль

Ф. М. Достоевского: «...без идеалов, то есть без определенных хоть сколько-нибудь желаний лучшего, никогда не может получиться никакой хорошей действительности» [Энциклопедия... 2012]. Она забронирована сознанием в качестве ментального мотива служения обществу.

В повседневной жизни автор данной статьи следует этому правилу без внешнего давления. Это было и остается частью его жизненного кредо. Также и любому государству излишне ждать на глобальном пространстве ближайшего и отдаленного от нас веками будущего хороших перспектив, если ныне не оседлать идею глобальной конкуренции стран и народов в качестве теоретической модели для идентификации возможного места в этом будущем.

Миссия планетарных функций России, ее исторического социокультурного предназначения

Главы государств борются за место в глобальном управлении миром. Зачастую защита ими текущих национальных интересов происходит в разном линейном и сферическом временном пространстве, создающем видимость планетарного соседства множества локальных цивилизаций и возможность выйти за пределы пространства сиюминутного обозрения. Это грани попыток «умозреть “прошлое – настоящее – будущее” по отношению к объективно заданной цели развития» [Бондаренко 2012: 82].

Проектный подход к занятию Россией футурологического места в мире обуславливает концептуальную потребность конструирования состава геополитических задач страны на 2000–3000 гг. Их можно было бы ассоциировать институциональным ядром доктрины многовекового общественного развития, философии предвидения контура государственной политики взаимодействия РФ с окружающим миром, принципов ее позиционирования в качестве модератора совершенствования цивилизации в интересах укрепления авторитета России в текущем и будущем историческом процессе. Весь комплекс геополитического предвидения невозможен без *концептуальной идеи* о предназначении и месте России в будущей мировой истории продолжительностью в несколько веков. *Она может и должна быть симбиозом всех граней психологической и морально-нравственной природы народов РФ*, социокультурный ген которой – непродажная ценность сознания большинства населения государств. В этой идее (миссии), наследующей генетику предшествующей исторической практики развития государства и общества, живут эмбрионы социально-политического настоящего и картины будущего государства, интуитивно проявляющиеся в повседневном бытии людей.

Миссия – геополитическое оружие интегративного духовного и практического воздействия государства и общества на жизнь других государств и народов, на кристаллизацию морального авторитета России в качестве передового института развития мирового сообщества. Мне она видится следующей:

– в создании геополитических условий, открывающих РФ возможности для оптимальной интеграции в мировую экономику и максимального использования ее ресурсов для формирования в XXI в. и сохранения в последующие века эффективной экономики страны на базе воспроизводства самых современных технологических укладов;

– в повышении доли РФ в производстве мирового валового продукта, и особенно в производстве продукции (услуг) отраслей экономики, определяющих

научно-техническое лидерство страны в международном разделении труда на всех этапах ее будущей истории;

– в достижении и сохранении международного авторитета РФ в мировом сообществе, в ведущих международных организациях как необходимой предпосылке уважения и обеспечения своих национальных интересов по всем направлениям процесса историко-экономического развития, защиты незыблемости статуса суверенного государства до эпохи эрозии потребности мира в государственных границах;

– в достижении и воспроизводстве результатов внутреннего социально-экономического развития, подтверждающих историческую тенденцию создания и непрерывного обновления самой передовой модели организации экономики и общественных институтов России, привлекательной для населения многих стран мира;

– в создании высокоразвитого общества, в котором граждане России могут жить по самым высоким стандартам качества жизни, духовного здоровья и социального самочувствия, ощущать себя счастливыми людьми и единым народом, гордиться страной в любом уголке планеты;

– в исключении исторических вероятностей ослабления военно-технологических возможностей и оборонного потенциала страны до уровня, провоцирующего обращение отдельных стран (группы стран) к инструментам военно-стратегического давления на Россию;

– в достижении и сохранении международного авторитета РФ в мировом сообществе, в ведущих международных организациях как необходимой предпосылке уважения и обеспечения своих национальных интересов по всем направлениям процесса историко-экономического развития, защиты незыблемости статуса суверенного государства до эпохи эрозии потребности мира в государственных границах.

Миссия – не волшебная палочка, которую могут взять в руки современники. Это фундаментальное намерение закладывать устойчивое геополитическое будущее России, вне которого несподручно вырабатывать новую геостратегию, подбирать новые средства практической интеграции пространства Евразии. *На этом пространстве объединять надо то, что тянется к России.* Надо заинтересовывать в сближении тех, кто увеличивает и укрепляет ее геополитический статус, ее историческую незыблемость как мировой державы. Излишне тянуть народы к нефти или лесу, когда они живут в цивилизации, которая самодостаточна пляжным песком и южным солнцем. *Единое пространство геополитической дружбы существует там, где возводится Дом будущего мира с единой системой принципов коммуникаций,* когда разные народы ощущают близость национальных интересов и возможность их реализации при опоре друг на друга.

Вся совокупность взглядов (концепций) предшествующих поколений о цивилизационном предназначении России для человечества должна быть полезной ментальной философией для современной и будущей геостратегии. Нам не надо гадать о факторах, предопределяющих мировую державность России, ее историческую и культурную идентичность. Наличие в Европе и Азии пространства в 1/6 части земной суши с большим количеством смежных государств уже требует геополитического измерения настоящего и будущего России. И обязательно в контексте долгосрочного прогнозирования взаимоотношений между ними.

Важно, на мой взгляд, исходить из того, что геополитической задачей на каждом этапе существования страны должно оставаться максимальное и соразмерное

использование славянофильского, евразийского и западнического ресурсов развития России для укрепления ее роли и места в мировом историческом процессе. Непрерывное расширение повседневного сотрудничества по всем направлениям, стратегическое сближение постсоветских стран и прежде всего населения с русско-бытийной ментальностью сознания будут помогать созиданию евразийской российской цивилизации как одной из лидирующих в развитии человечества.

Частью ближайших задач относительно постсоветского пространства остается перспектива его повторной интеграции [Ганчев 2006: 113]. Только при восстановлении исторической практики единого социокультурного и экономического пространства целесообразно помнить, что разные исторические эпохи не пересекают в инвариантном седле. Любое повторение прошлого по однородному сценарию обедняет народы. Вот почему важно непрерывно обобщать практику текущего партнерства современных государств, действующих по законам глобальной конкуренции, извлекать из нее уроки во избежание теоретического недомыслия о системных предпосылках долговременного присутствия России на политической карте мира как суверенного самостоятельного государства и наиболее показательного примера истории социально-экономической интеграции народов Земли.

Пожалуй, *светлое будущее России находится между умением максимального исчерпания специфики российского бытия и вкрапления в это бытие элементов западноевропейской цивилизации*, постепенно нивелирующих суждения предвзятых западных обывателей и политиков об азиатской (варварской) культурной ментальности. Только в векторе такого исторического движения можно рассчитывать на формирование духовного ресурса страны, необходимого для непрерывного лидерства России в мире. Его я рассматриваю в качестве созидательного фермента проектирования и практической апробации новой модели общественного устройства России, в которой воедино будут сплавлены и реализованы надежды на ее геополитическое лидерство в мире и на образование уникального сообщества из всех ныне имеющих народов как передового цивилизационного примера для остальных государств.

Иначе говоря, прожектора футурологического успеха России в глобальной конкуренции мировых держав и цивилизаций находятся в геополитической практике, сформированной на предшествующих фазах ее истории. Каждое десятилетие XXI в. в будущем может оказаться детонатором взрыва нашей геополитической суверенности или дополнительным листом бронирования непрерывности истории России, золотым листом восхищения умением предков синтезировать текущие и стратегические задачи по воспроизводству передовых идей и технологий мирового лидерства на всех этапах глобальной истории. Разрушения не требуют геополитической компетентности, а *геополитический подъем под силу лишь стране, где поощряется спрос на глобальные идеи модернизации основ жизни человечества*, где население идет к пьедесталу исторического успеха внутренней политической и экономической системы своей страны, будучи мотивированным конкуренцией личной борьбы за место лидера социальной и общественной практики.

Здесь все же уместны несколько оговорок о реалистичности миссии исторического лидерства, выполнимости ее основных задач. Выполнима ли эта миссия, когда Россию называют державой, уставшей жить нормально или не сумевшей встать прочно на такую дорогу? Сомнения обуславливаются не теорией поиска миссии, не неверием в способности страны к лидерству, а узкими местами общественной практики, ее субъективными признаками. Имеется, в частности, публич-

ное противоречие между определением желания видеть Россию в мировом геополитическом процессе и инструментальной поддержкой этого желания. В нашем случае политическая элита страны во главе с президентом не видит необходимости в геополитической стратегии из-за непредсказуемости мира. Соответственно появляются мнения о неспособности России предложить своим народам путь объединения и о возможности распада страны.

Это вредное поветрие с возможными инфекционными последствиями для общества. Чем оно негативно? Без подбора убедительных аргументов в пользу реальной передовой динамики общественного развития России можно лишь заниматься гаданием на кофейной гуще. Меня не удивило, что 90 % населения России не ведают о направлении движения страны, поэтому аморально занимать умы людей параметрами будущего общества при типичном незнании дороги в будущее, отсутствии национальной идеи, объединяющей мотивационные силы всех граждан к движению по пути к мировому лидерству. Как же тогда квалифицировать истоки электоральной поддержки нынешнего президента? Формой его эмоционального восприятия населением как единственно приемлемого для данного этапа жизни российского общества руководителя. Наверное, в силу ощущения знания им генетического кода – потенциального незримого архитектора исторической дороги России в близкое-далекое будущее.

Моя осторожность учитывает хронический недостаток общественного сознания, наличие сужающего горлышка фундаментальных идей как фактора развития общества. Это недоверие к власти как институту, ведущему государство и общество вперед. Массовому социуму не предложен абрис великой России, и ему неизвестен примерный график исторического пути к ней.

Конечно, ученому нет дела до политических технологий «стелс», но ему надо стоять на почве знания четырех объективных предпосылок позиционирования России в глобальной системе координат. Во-первых, *в мировой истории остается страна, обеспечивающая себе позитивную лидерскую эволюцию*. Во-вторых, мировая история содержит весь набор исторических альтернатив, а апелляция к особому пути развития отечественной цивилизации нередко препятствует апробации инновационных резервов совершенствования общественных институтов. В-третьих, пути России к повышению веса в мировой «табели о рангах» политического лидерства включают выборочную конфронтацию с политической практикой других стран-лидеров, особенно ориентирующихся на монопольное управление миром.

Мера этой конфронтации как естественного феномена адаптации стратегий внешнеполитических отношений с миром зависима от умения соответствующих субъектов управления дозировать преимущества от участия России в международных делах и использовать возможности максимальной реализации стратегических установок на геополитическую победу. И то и другое, как показывает динамика позиций международного сообщества в отношении позиции России к Украине 2013–2015 гг., весьма тонкая и болезненная материя. Здесь ценны контекст и подтекст геополитического маневрирования.

На наш взгляд, его содержание и практика конкурирования за влияние должна соизмеряться с эволюцией этапов доминирующего влияния России на мир, с конкретной зрелостью восприятия ее авторитета как мирового актора. Одно дело, когда международные связи лежат в русле биполярной модели глобального управления, другое – при утверждении олигополистической модели с доминированием

глобальной пары супердержав. *Россия не может позволить себе совершать геополитические маневры ранее созревания предпосылок для их осуществления*, ибо это будет уменьшать потенциал ее геополитического влияния даже на страны, соперничающие ей.

Политической элите важно уметь получить свободу для маневра, безусловно укрепляющего геополитические позиции России, соразмерно степени подрыва и моментов замены основ однополярного, биполярного на модель многополярного глобального мира. Каждая уступка или ошибка в отношениях с Западом шаг за шагом сокращает возможности России как суверенного государства. Это не превеличение. Не грех помнить об этом, когда РФ постулирует свою позицию в институтах глобального управления (ООН, ЮНЕСКО, ВТО, МОТ и т. д.). Важно это не забывать при защите национальных интересов (потребностей) через региональные международные институты, например Европейский союз, БРИКС и т. п., экономические организации (Мировой банк, МВФ, МБРР и т. д.). Тогда мировое сообщество не будет сомневаться в ведущей роли России в системе глобального управления миром ныне, через 100–200 лет и в третьем тысячелетии.

Заключение

Автор не склонен ассоциировать Российскую Федерацию с доминирующим субъектом глобализации, пионером геополитического влияния на будущую мировую историю. Мировоззренческая идеализация международного авторитета любого государства опасна, так как превращается в концептуальную подножку перспективе его долгосрочной геополитической устойчивости. Зато вполне уместна идея о достаточности у России предпосылок и ресурсов для лидерства в мировой экономике и мировом сообществе. При одном условии: если РФ уже в XXI в. обозначит духовный подъем к построению социальной модели общества, привлекательной для планетарного русского мира и всех народов, которые до данного этапа истории в той или иной степени сохранили историко-культурную память об общей предшествующей истории взаимодействия. Несмотря на навязывание политических квалификаций России в качестве угасающей мировой державы, отечественная элита должна генерировать духовную убежденность в том, что РФ не только не сужает потенциал активной геополитики, но и демонстрирует возрастающую способность к непрерывной и последовательной модернизации государства и общества как институтов возвращения и многовекового закрепления российского влияния на глобализационные процессы, будущую историю человечества.

Историческую реалистичность такой желаемой перспективы автор связывает с наличием у России позитивных идей и приемлемых для народов Земли социальных технологий их реализации. *Притязания на общемировой авторитет предполагают и инновационный тренд ключевых технологий массового производства, выбивающих почву под идеологией американской исключительности*. Для этого уже сегодня нужно включить в систему оценки текущих результатов макроэкономического развития страны международные индикаторы, по которым осуществляется ранжирование государств. Это обеспечит публичное соизмерение места, занимаемого Россией, и демонстрацию динамики ее приближения к числу стран – ведущих субъектов соответствующих сегментов мирового рынка.

Государственной статистической службе было бы неплохо раз в пять лет, если мы действительно сторонники прозрачности позиционирования России в мировом пространстве, размещать в ведущих печатных и электронных средствах ин-

формации сведения по всему набору показателей международного измерения динамики социально-экономического развития стран – членов ООН. Тогда граждане страны, ее ученые получают достоверное представление об эффективности реализации политических концепций управления Россией, а общество – демократические альтернативы спроса на новые модели организации национальной экономики и внутренней жизни страны. Тогда у российского человека появится возможность сопоставлять динамику занятия Россией лидерских вершин в мире не только по добыче газа, но и по всему спектру экономических и социальных показателей рейтинга страны. Ведь кто хорошо знает жизненную ситуацию рядом с собой, тот и становится субъектом ее оптимистичного совершенствования. Лишь при незнании мировых достижений возникает глупая радость по поводу ничтожных моментов развития страны, сбивающих общество с орбиты прогрессирующего эволюционного подъема.

Литература

- Бондаренко В. М. Глобальные процессы: две парадигмы развития // Век глобализации. 2012. № 2. С. 79–88.
- Ганчев П. Европейский союз и Россия // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 1. С. 112–114.
- ЕС рассмотрит предложение о создании собственной армии на саммите в июне. URL: <http://www.interfax.ru/world/428651>.
- Еськов В. М. и др. Третья парадигма и динамика социальных систем // Век глобализации. 2014. № 2. С. 43–54.
- Котзиас: антироссийские санкции ЕС не соответствуют заявленным целям [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20150307/1051431321.html> (дата обращения: 20.03.2015).
- Национальная идея: страны, народы, социумы / отв. ред. Ю. С. Оганисян. М. : Наука, 2007.
- Послание Президента РФ Федеральному Собранию. Государство Россия. Путь к эффективному государству. М., 2000. С. 3, 9. 2 // Послания Президента Путина [Электронный ресурс]. URL: <http://президент.рф> (дата обращения: 15.03.2013).
- Послание Президента РФ Федеральному Собранию // Российская газета. 2002. № 71 (2939). URL: http://www.rg.ru/oficial/doc/poslanie_2.shtm.
- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 15.03.2013).
- Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: сб. М. : Рольф, 2002.
- Энциклопедия мудрости: литературно-художественное издание. М. : РОСССА, 2012.
- Чего на самом деле хочет Путин (“The National Interest”, США) [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/russia/20150224/226443289> (дата обращения: 10.03.2015).
- Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблемы управления // Куда движется век глобализации?: сб. ст. / под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. Волгоград : Учитель, 2014. С. 148–160.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Степанов С. А., Эркенов А. Ч.*

В статье рассматриваются современные геополитические изменения, их преломление в экологической политике и содержании образования в России, особое внимание уделяется проблемам и перспективам экологического образования. Показывается системообразующая роль экологического образования в переходе общества к устойчивому развитию, обосновывается методология эффективного педагогического обеспечения данного процесса.

Ключевые слова: геополитика, глобализация, экологическая политика, экологическое развитие, экологическое образование, устойчивое развитие, экологические ограничения, планирование, модернизация.

The article examines the current geopolitical changes, their transformation in the environmental policy and the content of Russian education; special attention is paid to the issues and prospects of environmental education. It shows the role of environmental education in the transition of society to sustainable development as well as justifies the methodology of effective pedagogical support of this process.

Keywords: geopolitics, globalization, environmental politic, environmental development, environmental education, sustainable development, environmental restriction, design, modernization.

В XXI в. не наступил «конец истории», как предрекал Фрэнсис Фукуяма, не реализовалась всеобщая демократическая идиллия [Fukuяama 1992]. Наоборот, стали проявляться принципиально новые политические, культурные, социальные противоречия, определяющие такую особенность современной цивилизации, как развитие в условиях неоднозначности и неопределенности.

Состояние геополитической бифуркации в мире началось с распада СССР и исчезновения стран социалистического лагеря. Это, кроме всего остального, привело к серьезным геополитическим угрозам для России: нарастанию фундаментализма на южных рубежах, экспансии НАТО и ЕС с Запада, непредсказуемости действий стран Азиатско-Тихоокеанского региона. В наши дни происходит становление многополярного мира, центры которого составляют США и Канада, Евросоюз и страны БРИКС**.

* Степанов Станислав Александрович – д. п. н., профессор Академии МНЭПУ. E-mail: ecosas@gambler.ru.

Эркенов Ахмат Чокаевич – д. т. н., профессор, депутат Государственной Думы ФС РФ. E-mail: erkenov@duma.gov.ru.

** БРИКС – группа из пяти быстроразвивающихся стран: Бразилии, России, Индии, Китая, Южно-Африканской Республики (до присоединения ЮАР организация называлась БРИК). Была основана в июне 2006 г. в рамках Петербургского экономического форума. Первый саммит БРИК состоялся в июне 2009 г. в Екатеринбурге. С тех пор встречи проводятся ежегодно. Страны БРИКС охватывают более 25 % суши и 40 % населения Земли. Их объединенный валовой внутренний продукт (ВВП) – 15,5 трлн долларов.

Вместе с тем XXI в. будет веком глобализации и временем усиления тенденций в области образования, экономики, культуры, ориентированных на обеспечение перехода человечества к устойчивому развитию. Современное общество, став целостным организмом в масштабах планеты, осознает свое единство перед лицом многочисленных угроз глобального характера, что потребует объединения усилий и ресурсов мирового сообщества, слаженности действий и взаимопонимания [Чумаков 2014: 32–43].

Говоря о перспективах России, ее шансах на устойчивое развитие, следует акцентировать внимание на следующих факторах, на которые обращал особое внимание в своих работах академик Н. Н. Моисеев и которые удачно систематизировал профессор К. С. Лосев [2002].

1. *Наличие большой территории.* Площадь территории, приходящейся на душу населения в России, составляет 11,5 га; в США – 3,35; в Японии – 0,29; в Китае – 0,76 га.

2. *Наличие территорий, практически не затронутых хозяйственной деятельностью* (по международной терминологии, так называемой «дикой природы»). Это бесценное сокровище, необходимое для восстановления биоты и стабилизации окружающей среды, сохранения биоразнообразия.

3. *Наличие колоссальных запасов природных ресурсов.* В России находится четверть мирового запаса древесины, треть мировых запасов природного газа, она занимает второе место в мире по запасам водных ресурсов, пашни и пастбищ; запасы нефти на душу населения шестикратно превышают среднемировой уровень и т. п. Разумное и рациональное использование этих ресурсов в сочетании с рентабельными механизмами дает России значительное преимущество перед всеми странами мира.

4. *Традиционно высокий интеллектуальный потенциал страны и высокий уровень образования населения.* Разумеется, нужно остановить деградацию научных и образовательных структур, избавить Российскую академию наук и систему образования страны от некомпетентного, коррупционного управления.

5. *Равновесное положение России в мире, ее связующая роль между Востоком и Западом.* Здесь подразумевается не столько географическое положение России, сколько тот факт, что ее стратегические и национальные интересы поделены примерно поровну между Востоком и Западом. Поэтому благодаря России возможен баланс интересов между окружающими ее странами.

6. *Россия может ставить перед собой задачу интеграции в глобальный процесс перехода к устойчивому развитию.* Такое участие, с одной стороны, будет стимулировать ее внутреннее развитие, а с другой – способствовать повышению роли РФ в изменяющемся мире. При этом должны быть использованы не только факторы принадлежности России к группе «великих держав» – постоянных членов Совета Безопасности ООН, к группе ядерных держав, но и фактор владения запасом «экологического ресурса» – крупнейшей в мире территорией с ненарушенными экосистемами, играющими важную роль в экодинамике Северного полушария и всей Земли.

Перечисленные факторы раскрывают потенциальные возможности России в современных условиях, объективные, возможные предпосылки ее перехода к устойчивому развитию. В данном случае, однако, не менее важны также субъективные предпосылки, которые формируются системой воспитания и образования

в развитии страны, их потенциальная роль в переходе к устойчивому развитию, «зеленой экономике», обеспечении бережного отношения к природным ресурсам. Можно согласиться с Н. М. Мамедовым, что противоречия, с которыми сталкивается общество, неизбежно сказываются на образовании. Откликаясь на них, образование способно оказывать конструктивное влияние на разрешение данных противоречий [Мамедов 2012].

Действительно, современные проблемы российского образования являются производными от наметившихся социальных, политических, экономических, экологических проблем. Важнейшей предпосылкой их решения, несомненно, является продуманная трансформация образования, его содержания, методологии и технологии.

Определение адекватной концепции образования, отвечающей интересам современного общества, возможно на основе всестороннего анализа динамики многогранных социальных, экономических, экологических и других потребностей, понимания ценности естественных предпосылок и условий существования и развития человечества, уровня и перспектив научно-теоретического и технического освоения действительности. Современная государственная политика в сфере образования при этом должна учитывать приоритетность устойчивого развития и безопасности страны [Он же 2013].

Другими словами, в центре образования должен стоять человек, предпосылки и условия его гармоничного существования и свободного развития. Однако еще далеко не все условия созданы для достойной жизни и свободного развития граждан России. Интересы простых людей не стали приоритетом в деятельности ветвей власти. По разработанному в МНЭПУ композитному индексу условий достойной жизни и свободного развития человека (КИДР) Россия занимает 144 место из 187 стран мира, имеющих соответствующую международную статистику, уступая Беларуси, Украине, всем странам Балтии и странам, входившим ранее в СЭВ [Степанов, Тарко 2014].

Прошедший Год охраны окружающей среды и завершившееся Десятилетие ООН для образования в интересах устойчивого развития стали хорошим поводом для анализа и определения перспектив развития России по пути модернизации. Для нашей страны остаются актуальными вопросы уменьшения зависимости от использования углеводородной энергетики, перехода к альтернативным источникам энергии, высоким технологиям, «зеленой экономике».

Еще в конце прошлого века руководители транснациональных корпораций (ТНК) и ведущих предприятий мира провозгласили приверженность главному принципу устойчивого развития: двигаться к такому экономическому росту, когда экономические и другие потребности ныне живущих людей будут удовлетворяться не в ущерб условиям проживания будущих поколений.

Так, в Декларации Совета по устойчивому развитию (1989 г.), а затем в Хартии предпринимательской деятельности в интересах устойчивого развития (1992 г.) подчеркивается, что этот принцип учитывает следующие факты: проблемы экономического роста, защита окружающей среды неразрывно связаны друг с другом; качество жизни настоящего и будущего поколений связано с тем, насколько удастся решать насущные проблемы человечества сегодня, не нанося ущерба окружающей среде.

В последние годы в Российской Федерации принята целая система законов, подзаконных актов и других правительственных документов, направленных на создание правового поля для перехода к устойчивому развитию. К их числу можно отнести: «О внесении изменений в Федеральный закон “Об отходах производства и потребления”»; «Энергетическая стратегия России на период до 2030 г.»; «Водная стратегия РФ на период до 2020 г.»; «Климатическая доктрина РФ на период до 2020 г.»; «Стратегия деятельности в области гидрометеорологии и смежных с ней областях на период до 2030 г.»; «Основные направления государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основе возобновляемых источников энергии на период до 2020 г.» и др.

Правительством России приняты специальные программы в области охраны окружающей среды и рационального природопользования:

- «Энергосбережение и повышение энергоэффективности на период до 2020 г.» (2010 г.);
- «Воспроизводство и использование природных ресурсов»;
- «Охрана окружающей среды на 2012–2020 гг.»;
- «Развитие лесного хозяйства на 2012–2020 гг.»;
- «Развитие водохозяйственного комплекса РФ в 2012–2020 гг.»;
- «Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной территории на 2012–2020 гг.» и др.

Казалось бы, за множеством принятых на уровне федеральных и региональных законов, решений Правительства РФ по вопросам охраны окружающей среды и рационального природопользования должен быть прогресс. Но этого не наблюдается. По международному рейтингу экологической эффективности Российская Федерация, к сожалению, занимает 107 место в мире.

Все это говорит о том, что сегодня должным образом не выполняются требования ст. 42 основного закона – Конституции Российской Федерации, согласно которой «каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением».

Причин этому несколько:

1. Финансирование мероприятий по охране окружающей среды, как и системы образования в нашей стране, осуществляется по остаточному принципу.
2. Низкая экологическая культура руководителей органов государственного управления, государственных и муниципальных служащих, а отсюда и неэкологичность принимаемых стратегических решений в экономике, образовании и даже спорте.
3. В Российской Федерации до сих пор отсутствует государственная система всеобщего, комплексного и непрерывного экологического образования, воспитания и просвещения.

Хотя в нашей стране не принята Стратегия устойчивого развития [Global... 2014: 434–437], необходимо руководствоваться «Основами государственной политики в области экологического развития на период до 2030 г.», стратегической целью которых является решение социально-экономических задач, обеспечивающих экологически ориентированный рост экономики, сохранение благоприятной окружающей среды, биологическое разнообразие природных ресурсов для удо-

влетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, реализации прав каждого человека на благоприятную окружающую среду, укрепление правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.

Этот документ по своей направленности и конкретике следует рассматривать как национальную стратегию устойчивого развития, или, по выражению академика Н. Моисеева, стратегию переходного периода [Моисеев 1997], суть которого – глубокая модернизация экономики страны на основе принципов энергоэффективности, энергосбережения, рационального использования природных ресурсов и сохранения окружающей среды.

В этом документе выражается национальная концепция устойчивого развития, выстраивается стратегия действий по ее реализации на основе четких задач, механизмов их реализации и конкретных принципов, среди которых основными являются:

- соблюдение права человека на благоприятную окружающую среду;
- обеспечение благоприятных условий жизнедеятельности граждан;
- охрана, воспроизводство и рациональное использование природных ресурсов как необходимые условия обеспечения благоприятной окружающей среды и экологической безопасности;
- приоритетность сохранения естественных экологических систем, природных ландшафтов и природных комплексов;
- ответственность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления (далее – органы государственной власти) за обеспечение благоприятной окружающей среды и экологической безопасности на соответствующих территориях;
- презумпция экологической опасности планируемой экономической и иной деятельности;
- обязательность оценки намечаемого воздействия на окружающую среду при принятии решений об осуществлении экономической и иной деятельности;
- запрещение осуществления экономической и иной деятельности, последствия воздействия которой непредсказуемы для окружающей среды, а также реализации проектов, которые могут привести к деградации естественных экологических систем, изменению и (или) уничтожению генетического фонда растений, животных и других организмов, истощению природных ресурсов и иным негативным изменениям окружающей среды;
- обеспечение соответствия экономической и иной деятельности установленным нормам и требованиям в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.

Одной из важных целей развития российского образования должно быть формирование экологической культуры, экологоориентированного мировоззрения у выпускников школ, колледжей, университетов. Вопрос о подготовке экологически компетентных специалистов и руководящих кадров становится приоритетной задачей российского образования.

Оптимально на каждом предприятии должен быть организован постоянный экологический всеобуч, который повысит экологический уровень принимаемых решений, снизит риски и финансовые издержки в результате нарушения законов

и норм, будет способствовать повышению культуры производства и в конечном счете качества жизни работников предприятий и всех жителей страны.

Педагогическому сообществу России предстоит детально разобраться в экологической политике государства и совместными усилиями с соответствующими академическими институтами РАН, Российской академии образования наладить методологическую, методическую и практическую работу по экологическому образованию для устойчивого развития и формированию экологической культуры молодежи и населения.

В философской литературе выдвигаются идеи глобального образования. «Осознание важной роли глобализации и глобальных проблем, понимание перспектив дальнейшего развертывания глобальной деятельности становится необходимым всем выпускникам вузов. Как показывает научно-образовательный опыт факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова [Глобалистика... 2016: 241–247], здесь формируется не только специалист в узкой сфере науки и деятельности, но и личность с глобальным мышлением и мировоззрением, ориентированным на обеспечение устойчивого будущего для всего человечества» [Степанов, Тарко 2014: 32].

Требуется методологически рассмотреть изменяющееся значение определения «устойчивое развитие» применительно к экологии как системе наук, энвайронментальной политике и образованию. Здесь следует исходить из того, что экологическое образование формирует мировоззрение, а с включением в него новых методов обучения (совместный поиск знаний и информации с определением путей решения проблем на местном уровне) в интересах устойчивого развития активизируется развитие социальных навыков и формирование жизненной позиции и ценностей молодежи.

Педагогическим коллективам всех ступеней и форм образования, а также внутрикорпоративной и внутриотраслевой форм подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров необходимо исходить из известного экологического девиза: «Мысли глобально, действуй локально», планировать и осуществлять педагогическое обеспечение задачи по формированию экологической культуры учащейся молодежи, специалистов и руководителей всех уровней конкретными методическими приемами, доступными образовательным содержанием и воспитательными средствами.

В образовательных учреждениях следует на каждый учебный период (семестр, учебный год, полевую практику и т. д.) ставить четкую задачу выработки конкретного элемента экологической культуры, например: умение наблюдать природу, понимание и увлечение красотой (любованием) природой, рациональные приемы обращения с ресурсами, проектирование новых производственных процессов с учетом наилучших доступных технологий и т. д.

В процессе освоения программ высшего профессионального образования (бакалавриат, магистратура, аспирантура) следует использовать проблемный характер занятий по поиску решения тех или иных экономических, технологических, а также социально-гуманитарных путей модернизации российской экономики на основе уменьшения антропогенного воздействия на природу, снижения материалоемкости, энергоемкости производимой продукции и услуг, уменьшения накопленного экологического ущерба, внедрения малоотходных технологий, макси-

мальной переработки отходов потребления и производства в сырье для вторичного использования по производству новой продукции.

Образовательная система страны в соответствии с федеральными законами «Об образовании в Российской Федерации», «Об охране окружающей среды», «О промышленной политике в Российской Федерации» и «Основами государственной политики в области экологического развития на период до 2030 г.» призвана осуществить педагогическое обеспечение модернизации экономики России на новой научно-технической и технологической основе.

При этом необходимо исходить из того, что, несмотря на происходящие изменения в глобализирующемся мире, кризисные явления на глобальном экономическом рынке, модернизация в нашей стране должна быть ориентирована на обеспечение условий достойной жизни и свободного развития каждого гражданина и в конечном счете повышение качества жизни людей на всей территории страны.

Литература

Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / гл. ред., сост. И. В. Ильин, И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. 2-е изд., стер. М. : КноРус, 2016.

Лосев К. С. Проблемы и перспективы устойчивого развития России // Введение в теорию устойчивого развития / отв. ред. и сост. Н. М. Мамедов. М. : Ступени, 2002.

Мамедов Н. М. Контекст экологического образования // Непрерывное образование. 2012. № 2.

Мамедов Н. М. Экология и устойчивое развитие: уч. пособ. М. : Изд. центр МГАДА, 2013.

Моисеев Н. Время определять национальные цели. М. : Изд-во МНЭПУ, 1997.

Степанов С. А., Тарко А. М. Государство и гражданское общество: критерии оценки их взаимодействия // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2014. № 1(13).

Урсул А. Д., Урсул Т. А. Глобальное образование – новое направление развития высшего образования // Вестник экологического образования в России. 2014. № 4(74).

Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2014.

Global Studies Encyclopedic Dictionary / Ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay. With a Foreword by M. Gorbachev. Amsterdam; New York, 2014. XI.

Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N. Y., 1992.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ (По материалам международных научных конгрессов «Глобалистика»)

Ильин И. В., Леонова О. Г. *

В статье анализируются итоги международных научных конгрессов «Глобалистика», которые регулярно проходят в Москве в МГУ имени М. В. Ломоносова. Опыт проведения данных конгрессов позволил выделить ряд тенденций, показывающих динамику их развития. Авторы суммируют итоги четырех конгрессов в изучении глобальных процессов, анализируют некоторые характерные проблемы, касающиеся проведения глобальных исследований, выявляют дальнейшие перспективы развития конгрессов как институционализованной формы общественного движения ученых – специалистов по глобалистике разных стран.

Ключевые слова: международный научный конгресс, глобалистика, глобальные исследования, тенденции, проблемы, итоги, перспективы.

The article analyzes the results of the international scientific Congresses “Globalistics” which are regularly held in Moscow, at Lomonosov Moscow State University. The experience of holding these Congresses allowed us to identify a number of trends showing the dynamics of their development. The authors summarize the results of the four Congresses with respect to their contribution to the study of global processes; they analyze some typical issues concerning the conduct of global research and identify prospects for further development of Congress as institutionalized forms of social movement of researches in global studies in different countries.

Keywords: international scientific Congress, globalistics, global processes, trends, issues, results, prospects.

Глобальные процессы прочно вошли в нашу жизнь, и задача ученых сегодня – дать максимально точную оценку всему происходящему. Хорошей традицией МГУ имени М. В. Ломоносова стало регулярное проведение международных научных конгрессов «Глобалистика», а сами конгрессы – одни из передовых дискуссионных площадок по современным глобальным проблемам.

* Ильин Илья Вячеславович – д. полит. н., профессор, декан факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: dekanat@fgp.msu.ru.

Леонова Ольга Георгиевна – д. полит. н., доцент, профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: politolga@gmail.com.

Международные научные конгрессы «Глобалистика» стали регулярно проходить с 2009 г. на базе факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. Состоялось уже четыре конгресса, поэтому можно говорить о складывающейся хорошей традиции.

Анализ работы этих четырех мероприятий позволяет сделать некоторые выводы и представить процесс исследования глобализации в динамике.

Основной организатор конгресса – Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Председателем организационного комитета конгресса является ректор МГУ имени М. В. Ломоносова В. А. Садовничий, заместителем председателя – декан факультета глобальных процессов МГУ д. полит. н. профессор И. В. Ильин.

Последний, четвертый **Международный научный конгресс «Глобалистика – 2015: глобальное управление и дипломатия в нестабильном мире»** состоялся 25–30 октября 2015 г. Он был посвящен 70-летию ООН и проходил под эгидой Организации Объединенных Наций.

Конгресс «Глобалистика – 2015» – четвертый по счету, однако особый в этом ряду.

Этот конгресс проводился в особое время: это был год, когда весь мир отмечал 70-летие ООН, год председательства России в БРИКС, и в этом же году Студенческому союзу МГУ исполнилось 25 лет. Не случайно студенты МГУ чувствовали себя полноправными хозяевами мероприятия и приняли самое активное участие в организации и проведении конгресса.

Конгресс «Глобалистика – 2015» стал в некотором роде экспериментальным и особым мероприятием. Его *уникальность и особое место* в ряду подобных заключаются в следующем:

- большое количество (более 25) партнеров конгресса, среди которых научные и исследовательские институты, академии, научные общества, международные ассоциации, консорциумы, фонды, центры, общественные организации;

- проведение встреч на общей международной научной площадке с Глобальным университетским саммитом БРИКС и совместные мероприятия с МГИМО, Общественным комитетом «ООН-70» и Ассоциацией содействия ООН;

- были задействованы новые площадки: МГИМО, МИА «Россия сегодня», Большой театр;

- в конгрессе принимали участие около 1000 человек из более чем 50 стран мира;

- весьма представительный набор участников, среди которых были интересные и широко известные мировой общественности хедлайнеры;

- со многих заседаний и площадок конгресса велись онлайн-трансляция и видеозапись;

- многие участники отмечали синхронность и многоплановость мероприятий, сложную инфраструктуру и прекрасное визуальное оформление конгресса.

Среди итогов этого мероприятия – важная инициатива создания Ассоциации научно-образовательных центров БРИКС, которая вызвала особый интерес среди научной общественности, а также другие важные идеи и рекомендации.

Регулярные конгрессы глобалистики представляют собой заметное научное явление в российской и зарубежной науке. Они стали хорошо себя зарекомендо-

вавшим брендом и существенной чертой позитивного имиджа МГУ имени М. В. Ломоносова.

В их последовательном развитии можно проследить ряд складывающихся **тенденций**.

Во-первых, год от года **возрастает количество участников конгрессов**, в том числе и зарубежных. К нам приезжают все больше представителей научных, образовательных центров и общественных организаций России, Австрии, Азербайджана, Белоруссии, Великобритании, Германии, Казахстана, Китая, Латвии, Литвы, Молдовы, Монголии, Нидерландов, Польши, Сербии, Соединенных Штатов Америки, Таджикистана, Туниса, Турции, Узбекистана, Украины, Чехии, Швеции. Несмотря на санкции, география участников все расширяется.

Второй устойчивой тенденцией стало **расширение формата конгрессов и усложнение их архитектуры**. Так, на первом МНК «Глобалистика – 2009» было 7 секций, на втором – 12, четыре панельных дискуссии и один круглый стол, на третьем конгрессе в 2013 г. заседали уже 14 секций и был проведен ряд круглых столов по актуальным проблемам глобализации.

Самый широкий формат и очень сложная архитектура были на последнем конгрессе. В рамках Международного научного конгресса «Глобалистика – 2015: глобальное управление и дипломатия в нестабильном мире» состоялись: Второй международный *симпозиум* «Мегаистория и глобальная эволюция», XXIII Международная *конференция* «Кондратьевские чтения», Международный *научный симпозиум* по устойчивому развитию, X Цивилизационный *форум*, VI Международная научная *конференция* «Зиновьевские чтения». Работали *круглые столы* «Международный терроризм в условиях глобализации», «Глобальное будущее: этнические вызовы и пространство возможностей для дружбы народов», «Кризис цивилизации в контексте политических процессов и деятельность ООН». Были проведены *мастер-классы* «Евразийское содружество» с участием ведущих политиков и ученых, состоялись заседания *Международной школы ЮНЕСКО* по менеджменту социальных трансформаций и многочисленных секций.

В рамках конгресса прошел ряд мероприятий *Глобального университетского саммита БРИКС*.

Еще одна тенденция в работе конгрессов – весьма **обширная тематика докладов**: философские проблемы глобализации; мировая политика и глобальная геополитика; глобальные финансово-экономические кризисы; глобальные проблемы образования; математическое моделирование в изучении глобальных процессов; вопросы мирового социокультурного развития; устойчивое развитие и механизмы обеспечения глобальной безопасности; глобальные города и вызовы глобализирующегося мира; комплексный системный анализ и прогнозирование глобальной динамики; глобальный эволюционизм; проблемы глобальной геологии и пр.

Особое место в научных исследованиях конгрессов занимают проблемы глобализации и регионализации в международных отношениях, а также общие методологические вопросы глобалистики.

Наконец, *тенденция*, которая не может не радовать: в работе конгрессов всегда **участвуют как «классики» зарубежной и отечественной науки, так и молодые ученые, аспиранты, студенты**. В результате каждый конгресс превращается в совместное научное творчество опытных специалистов и молодых, только

начинающих свою научную деятельность. Это обеспечивает преемственность идей и передачу опыта молодым ученым, что чрезвычайно важно для молодой науки глобалистики, переживающей этап становления.

Уже сегодня можно признать значительные научные достижения конгрессов. Фактически каждый конгресс становится еще одним шагом на пути познания такого сложного явления, как глобализация.

Анализ содержания докладов четырех конгрессов показывает, что сегодня в глобалистике сложились несколько основных *направлений*: социологическое, антропологическое, социокультурное, социоприродное.

Значительные успехи достигнуты в исследовании таких важных *аспектов* глобализации, как экономический, экологический, информационный.

Что касается области глобальных исследований, или “global studies”, то, как известно, в последней четверти XX в. зарубежные классики заложили основу теоретико-методологического анализа глобализации.

Сегодня инициативу в этих исследованиях явно перехватили российские ученые. Особенно это касается политического аспекта глобализации. Сегодня в России исследуют такие фундаментальные проблемы, как сущность, содержание политической глобализации и политических глобальных процессов, тенденции их развития, модели глобального мира, формирование глобальной архитектуры и структуры глобального мира, становление глобального управления. Нами была сформулирована научно перспективная концепция маятниковой цикличности развития глобального миропорядка.

Общим теоретико-методологическим итогом работы конгрессов в данной области стал ряд интересных научных идей и концепций.

Конгресс способствовал раскрытию и лучшему пониманию сущности глобализации; внес своей вклад в разработку методологии глобалистики; способствовал формированию особого взгляда на проблему интеграции глобального мира; выявил весьма различные оценки самого феномена глобализации; сформировал представления о различных областях и аспектах глобализации, а также ее субъектах.

Во многих выступлениях были сформулированы новые или уточнялись уже известные категории глобалистики. Участники конгрессов всесторонне рассматривали причины глобализации, пытались выявить ее основные тенденции и возможные последствия.

В ходе конгрессов достаточно полно и подробно исследованы проблемы, порождаемые глобализацией, дана их характеристика. Было выявлено, что наиболее актуальными в современной *политической* глобалистике являются следующие проблемы: трансформация глобального геополитического пространства; формирование многополярного мира, складывание системы глобальной безопасности; социальные, политические и социокультурные последствия глобализации. Особое место в отечественной глобалистике занимают такие вопросы, как геополитическая стратегия России в XXI в. и формирование ее национальной доктрины в глобальном мире.

Суммируя итоги четырех конгрессов, можно смело констатировать, что его участники представили научному сообществу и мировой общественности ряд моделей нового мироустройства. Началось формирование новой науки как особой системы теоретического знания интегративного типа. Такой наукой становится

глобалистика – междисциплинарная сфера научного знания, всесторонне изучающая процессы социоприродного развития планеты Земля.

В рамках своих междисциплинарных исследований конгресс фокусируется на изучении ключевых процессов в области политики, экономики, философии, социологии, бизнеса, географии, экологии и других сфер, вносящих свой вклад в формирование глобальной динамики.

Фактически в ходе наших конгрессов происходит коллективная выработка *новой парадигмы общественного развития* и создание нового формата международных отношений эпох глобального мира.

Анализ содержания и работы четырех конгрессов глобалистики позволяет выявить и некоторые **проблемы**, характерные вообще для подобного рода научных мероприятий.

1. Стоит отметить блестящую форму выступлений многих гостей – зарубежных ученых. Это обычно хорошо иллюстрированная презентация и замечательная речь, афористичная, наглядная, эмоционально и профессионально интонированная. Их «фирменным стилем» являются «свобода от бумажки», свободное и легкое изложение материала, высокотехнологичная презентация.

Однако содержание выступлений и тематика исследований зачастую вызывают разочарование. Уровень выступлений многих зарубежных ученых напоминает обычную лекцию для студентов. Часто озвучиваются довольно банальные и хорошо известные истины, что вызывает недоумение у нашей хорошо информированной аудитории.

Было замечено, что иностранные ученые, особенно так называемые хедлайнеры, как правило, не предоставляют текст своего выступления для сборника научных материалов конгрессов (как, впрочем, и других конференций). Создается впечатление, что они не заинтересованы печатать их в России, а свои материалы предпочитают публиковать у себя на родине.

2. В отличие от российских ученых, которые стараются охватить поистине «глобальные» темы, выступления зарубежных коллег часто имеют более узкую тематику, посвящены некоей частной проблеме или даже отдельному аспекту данной проблемы. Возможно, такое впечатление есть следствие того, что мы говорим на разных научных языках и используем разную методологию исследований.

В целом выступления российских коллег носят в основном академический, а научные исследования иностранных коллег имеют более прикладной характер.

Общий недостаток многих научных докладов конгресса: они не рассматривают пути выхода из ситуации, пути решения обозначенных проблем. Часто не хватает практических рекомендаций, тогда как в изобилии имеется набор просто благих пожеланий или механическое перечисление необходимых к принятию мер. К сожалению, в российских исследованиях пока еще мало практических и прикладных аспектов.

3. Часто многие доклады бывают не по теме заседания или секции. По-прежнему тематика конгресса (как и любой другой конференции – это общая беда подобных мероприятий), секции или круглого стола является лишь поводом выступить вообще, рассказать о «наболевшем» или о новом своем исследовании, которое может никак не совпадать с заявленной темой мероприятия.

4. Много «повторения пройденного» или дублирования давно «отработанных» проблем. Так, некоторые участники посвящают свой доклад определению понятия «глобализация», что на сегодняшний день не является актуальным, поскольку эта дефиниция обсуждалась на протяжении последних двадцати лет. Вряд ли еще одно определение обогатит науку и внесет что-то принципиально новое в понимание этого феномена. Многие доклады посвящены темам, которые неоднократно подробно обсуждались на предыдущих конгрессах. Это говорит о том, что участники данных мероприятий мало знают о научных достижениях в области глобалистики. Очевидно, научной общественности не хватает качественной информации, мало обзоров в научных журналах, недостаточно издается специализированной литературы. Поэтому часто некоторые вещи многие ученые «открывают» заново.

5. К сожалению, приходится констатировать, что яркие идеи, концепции, качественные прорывы в науке и, в частности, в изучении глобализации, особенно ее политического аспекта, встречаются все реже. Сегодня более типичным становится анализ мелких проблем, изучение незначительных по степени своей важности тем, некоторым исследованиям недостает актуальности, присутствует «пережевывание» давно известных истин (такие доклады, как правило, называются «К вопросу о...»).

6. Тональность выступлений иногда вызывает недоумение. Их агрессивный тон напоминает времена холодной войны, а стилистика – пассажи из соответствующего раздела учебника «Научного коммунизма». Выступающие, очевидно, не учитывают тот факт, что в сложной политической ситуации в Россию на конгресс приезжают в основном ее друзья, те, кто хочет наладить контакт и взаимопонимание. Вместо того чтобы жестко критиковать политику западных стран на таком мероприятии, уместнее было бы искать точки соприкосновения и прилагать совместные усилия для налаживания конструктивного диалога между учеными наших стран. Не превращать Конгресс в место конфронтации, суда и размежевания позиций, а сделать его диалоговой площадкой и полпредом мира.

В целом участники конгрессов всегда отмечают, что глобальный миропорядок будущего в его оптимальном состоянии должен быть основан на непрерывном диалоге различных международных акторов и институтов с учетом мнений всех членов глобального сообщества.

7. Можно отметить еще одну тенденцию. Как известно, статус подобных конгрессов – международный, а один из основных рабочих языков – английский. К сожалению, подавляющее большинство докладов наши соотечественники даже в присутствии большинства иностранных гостей делают на русском языке. (Приятное исключение составляют представители МГУ.) Очевидно, чтобы войти в качестве равноправных партнеров в мировую науку и не выглядеть «глобальными провинциалами», нашим ученым необходимо повысить уровень владения иностранными языками.

Попытаемся определить дальнейшие перспективы развития конгрессов как институализированной формы общественного движения ученых – специалистов по глобальным процессам и проблемам. Что еще не сделано и что предстоит сделать в будущем?

Достижения конгрессов «Глобалистика» очевидны, возникающие рабочие проблемы вполне решаемы. Но предстоит еще много работы.

Какие, на наш взгляд, перспективные исследования глобальных процессов являются сегодня наиболее актуальными?

Важной качественной характеристикой исследований процесса глобализации является их экономикоцентризм. По-прежнему основное внимание ученых посвящено анализу *экономических* аспектов глобализации, где она проявляется наиболее ярко. Меньше внимания они уделяют анализу сущности, содержания, признаков, факторов и критериев *политической* глобализации.

Анализируя особенности современного этапа развития глобалистики, сегодня можно констатировать отсутствие единой концепции, объясняющей структуру, функционирование и эволюцию глобальных систем, процессов и проблем и способной служить базой для прогнозных оценок. Нам предстоит создать ее, встав на путь синтеза философских, политических, экономических, информационных, экологических и иных аспектов глобализации. Эта задача успешно решается в ходе совместного научного творчества всех участников, в результате чего конгрессы послужили достойным началом пути к созданию синтетической теории глобалистики.

Поэтому сегодня по-прежнему актуальной является необходимость философского осмысления *политической* глобализации, формирование единого понятийного аппарата, объективной, лишенной идеологического подтекста оценки политических глобализационных процессов, прогнозирование возможных политических сценариев развития глобального мира.

В целом следует отметить снижение интереса и, как следствие, уменьшение количества докладов, посвященных анализу глобальных *политических* процессов. Одна из причин, как нам видится, – достижение некоего предела научного знания в существующих информационных границах. Очевидно, необходим прорыв в новое для российской науки информационное, научное и теоретико-методологическое пространство, которое поможет совершить качественный скачок в научных исследованиях, посвященных различным аспектам глобализации.

Подведем некоторые предварительные итоги.

Сегодня глобалистика выражает себя в трех ипостасях. Во-первых, это мультимеждисциплинарное научное направление, во-вторых, основа нового мировоззрения современного человека, в-третьих, некий качественный процесс.

В этом отношении современная глобалистика тесно связана с такими перспективными и научными направлениями широкого мультимеждисциплинарного характера, как синергетика и эволюционизм.

Научный потенциал глобалистики, накопленный в последние годы, позволяет описывать происходящую трансформацию международной системы, параметры внешнеполитических действий государств в нестабильных условиях трансформирующегося глобального мира. Глобалистика претендует на роль эффективной концепции, необходимой для системного обеспечения внешнеполитической стратегии. В процессе активного поиска теоретических основ геополитической стратегии России совокупные научные достижения конгрессов могут предложить в качестве методологического основания научную парадигму глобальных процессов и вызовов.

Анализ ситуации глобального мирового пространства выступает важнейшим основанием формирования внешнеполитического курса страны в условиях все возрастающей роли глобальных факторов в мировой политике и в процессе изменения глобальной политической среды.

Концептуальной основой новых комплексных подходов в контексте глобалистики с качественно новой исследовательской парадигмой может стать анализ политического пространства и внешней политики государства на основе учета таких базисных факторов, как глобальные процессы, глобальные проблемы и вызовы.

Общим итогом работы четырех конгрессов стало то, что глобалистика проявляется в своем новом интегральном качестве. Обогащенная современными комплексными методиками и инструментами системного анализа современной геополитической ситуации, она позволяет описать взаимозависимость между внешней политикой государства, глобальными процессами и тенденциями, а также важнейшими факторами, определяющими развитие мирового глобального сообщества.

Положительные **итоги** данных конгрессов вполне очевидны. Так, постепенно складывается сообщество специалистов по глобализации, что нашло свое материальное выражение в образовании международной Академии глобальных исследований.

Общий анализ содержания и тематики представленных на международных конгрессах «Глобалистика» докладов достаточно убедительно свидетельствует, что российские ученые в настоящее время впереди своих зарубежных коллег в области изучения глобализации, ее экономического, политического и социокультурного аспектов. К сожалению, по разным причинам об их достижениях за рубежом мало кто знает.

Поэтому сегодня одной из наиболее острых проблем является продвижение достижений российской гуманитарной науки в целом и глобалистики – в частности в глобальный научный мир. Для дальнейшего плодотворного развития российской гуманитарной науки нам необходимо наладить обмен идеями, участвовать в живых дискуссиях по наиболее актуальным проблемам глобального развития, делиться своими достижениями и информировать о новых открытиях.

В целом эти функции уже выполняют международные конгрессы глобалистики, регулярное проведение которых (раз в два года) на базе факультета глобальных процессов стало хорошей традицией Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Все, кому довелось в них участвовать, как правило, высоко оценивают организацию и содержание конгрессов «Глобалистика» и выражают заинтересованность в проведении последующих подобных встреч.

Постепенно Международный научный конгресс «Глобалистика» принимает характер общественного движения, «обращается» традициями и партнерами, «пробует» новые форматы (школа ЮНЕСКО, мастер-классы и т. д.) и пытается выйти на новый уровень.

Каждый конгресс глобалистики – это крупное событие, посвященное актуальным вопросам глобализации, имеющее международный характер и резонанс,

серьезное по количеству и качеству, а также масштабу проведения и организации международное научное мероприятие.

Рекомендуемая литература

Глобалистика – 2013: Материалы III Международного научного конгресса. М. : МГУ имени М. В. Ломоносова, 23–25 октября 2013 г.: тезисы докладов. М. : МАКС Пресс, 2013.

Материалы Международного научного конгресса «Глобалистика – 2009: пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства»: в 2 т. / под общ. ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина. М. : МАКС Пресс, 2009.

Материалы II Международного научного конгресса «Глобалистика: пути стратегической стабильности и проблема глобального управления»: в 2 т. / под общ. ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина. М. : МАКС Пресс, 2011.

VEK GLOBALIZATSII
[AGE OF GLOBALIZATION]
Journal of Global Studies

Contents

Theory

Leonid E. Grinin. The New World Order and the Age of Globalization. Part 2. Opportunities and Prospects of the Formation of the New World Order (pp. 3–18).

Peter Kemp. Creating the Human Community (pp. 19–25).

Irina V. Ivakhnyuk. The Development of Theory of Migration under Globalization (pp. 26–43).

Vsevolod O. Glukhovtsev, and Aliya I. Salakhova. The Ontological Foundations of the Current Worldview Crisis (pp. 44–57).

Processes of globalization

Khalil A. Barlybayev. Globalization: From a Broad Analysis to the Inward Study (pp. 58–69).

Yekaterina V. Sazhienko. The Assessment of the Current State of the Planetary Civilization in the Russian Academic Publications (pp. 70–79).

Valery V. Snakin. The Path to Sustainable Development: Myths and Reality (pp. 80–86).

Global issues

Elena A. Kovalyova, Tatyana G. Roman, Danila A. Rodionov, and Maksim O. Kovalyov. The Problem of Starvation in the Globalization Process (pp. 87–95).

Elena S. Vasetsova. Is the ISIS a Step toward the Conflict of Civilizations? (pp. 96–101).

Alexey K. Skalenko. The Global-Systemic Crisis of the Trans-informational Civilization (pp. 102–113).

Alexander M. Starostin. The Russian Cosmism in the Context of Modern Philosophical Activities (pp. 114–125).

Nature, society, and humans

Viktor F. Petrenko. The Multipolar Culture of the United Humankind (pp. 126–132).

Alexander B. Veber. The Study of Social Progress: Global Dimension and Challenges for Politics (pp. 133–146).

Alexey N. Ilyin. The Crisis of Ecology and Environmental Consciousness in Consumer Society (pp. 147–160).

Russia in the global world

Nikolay P. Zalyvskiy. Geopolitical Stability of Russia in the Context of Current Attempts to its International Isolation and Discrimination (pp. 161–174).

Stanislav A. Stepanov, and Akhmat Ch. Erkenov. The Ecological Policy and Education in Russia in the Context of Geopolitical Changes (pp. 175–181).

Scientific Life

Ilya V. Ilyin, and Olga G. Leonova. The Studies of Global Processes: Achievements, Problems of Development, and Prospects (pp. 182–190).

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегель 14) на одной стороне листа; сноски подстрочные (кегель 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой... 2008]. При наличии прямой («закавыченной») цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

Дройзен И. Г. История эллинизма. СПб. : Наука; Ювента, 1997. Т. 1.

Воронов А. М. Оценка региональных изменений гидроклиматических условий Европейской территории СССР по историческим данным // Водные ресурсы. 1992. № 4. С. 97–105.

Шишков Ю. В. 2003. Мировоззственный механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономика. С. 25–47.

История Древнего Востока / под ред. В. И. Кузицина. М. : Высшая школа, 1988.

Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2aBek.pdf> (дата обращения: 14.03.2011).

U.S. Bureau of the Census. World Population Information: [сайт]. URL: <http://www.census.gov/ipc/www/world.html> (дата обращения: 24.02.2008).

Ссылки на **интернет-публикации** рекомендуется приводить лишь в тех случаях, если источник не существует либо недоступен на бумажных носителях.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и ключевые слова к ней на русском и английском языках, а также авторская справка и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации». 1–2(17–18), 2016. – 192 с.

Ответственная за выпуск *Е. В. Еманова*
Технический редактор *Е. А. Никифорова*
Корректоры *И. Г. Гергель, Н. В. Самсонова*
Верстка *Е. Ф. Прыгуновой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Цена свободная.

© Издательство «Учитель»
400059, г. Волгоград, а/я 114.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 20.03.2016. Формат 70×100/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,06.

Тираж 1000 экз. Заказ № .

Диaposитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»
Полиграфкомбинат «Офсет»
400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.
Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10